

Военные манеры и обычаи

Джеймс Энсон Фаррер

Military Manners and Customs

James Anson Farrer

Project Gutenberg

Электронная книга проекта Гутенберга о военных манерах и обычаях

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Военные манеры и обычаи

Автор: Джеймс Энсон Фаррер

Дата выхода: 9 января 2014 г. [Электронная книга № 44635]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Полом Кларком и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ВОЕННЫЕ МАНЕРЫ И ОБЫЧАИ" ***

Примечание переписчика:

Было приложено все усилия, чтобы воспроизвести этот текст как можно точнее, включая непоследовательную расстановку переносов. Внесены некоторые изменения. Они перечислены в конце текста.

Военные манеры и обычаи

ЛОНДОН: ИЗДАТЕЛЬСТВО "СПОТТИСВУД И КОМПАНИЯ", НЬЮ-СТРИТ-СКВЕР И ПАРЛАМЕНТ-СТРИТ

ВОЕННЫЕ МАНЕРЫ И ОБЫЧАИ

АВТОР : ДЖЕЙМС ЭНСОН ФАРРЕР

АВТОР КНИГИ "ПРИМИТИВНЫЕ НРАВЫ И ОБЫЧАИ"

"ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ"

ИТ.Д.

'Homo homini res sacra'—Seneca

Лондон
, ЧАТТО и ВИНДУС, ПИКАДИЛЛИ,
1885

[Право на перевод зарезервировано.]

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В настоящем томе я попытался в рамках исторического периода и нашей европейской цивилизации, не проводя какой-либо жесткой границы между древностью и современностью, христианством и язычеством, упомянуть в тех местах, которые казались наиболее подходящими, обо всех моментах военной истории, которые представляли особый интерес или имели существенное значение. В качестве примеров таких моментов я могу сослаться на обращение с военнопленными или сдавшимися гарнизонами; правила, касающиеся шпионажа и неожиданностей; введение нового оружия и отношение к нему; значение частей военной одежды; происхождение особых обычаев, подобных древнему - целовать землю перед атакой; распространенные правила чести, проявляющиеся в представлениях о справедливости в отношении репрессий или о честности в хитростях и обмане. Необходимость соблюдения законов пропорции в столь обширной области вынудила меня прибегнуть к такому сжатию, что на темы, заслуживающие множества томов, я во многих случаях был не в состоянии потратить больше страницы или главы. Какбы то ни было, легче ошибиться в сторону длины, чем в сторону

краткости, но с какой бы стороны я ни переборщил, я могу только надеяться, что другие, которые могут испытывать такой же, как и я, интерес к предмету, не уделяя ему столько же времени, смогут получить десятую часть удовольствия от чтения следующих девяти глав, которые я нашел, собрав их вместе.

Это исследование, конечно, не ново, но не может быть возражений против того, чтобы назвать его новым именем Беллологии — удобным термином, вполне подходящим для социологии или ее сородичей. Единственное новшество, на которое я нацелился, - это новшество в обращении, и оно состоит в том, чтобы никогда не упускать из виду тот факт, что во всех военных обычаях есть моральная и человеческая сторона, которая в этой связи слишком часто игнорировалась. Читая книги, подобные "Военным древностям" Гроуза, можно подумать, что их авторы имели дело с нравами не людей, а кеглей, настолько они полностью лишены всякого человеческого интереса или морального чувства в отношении обычаев, которые они описывают с такой похвальной, но бесцветной точностью.

Отправной точкой современных беллологических исследований, несомненно, всегда будет Парламентская синяя книга, содержащая отчеты (менее полные, чем можно было бы пожелать) Международной военной конференции, собравшейся в Брюсселе в 1874 году для обсуждения существующих законов и обычаев войны и рассмотрения вопроса о том, были ли какие-либо изменения в них возможными или желательными. Большинство представителей, назначенных для участия несколькими Державами, были военными, так что их беседа переносит нас в реальные реалии современной войны с авторитетом и чувством правды, которых нет ни в одной другой военной книге. Следует сожалеть, что такое произведение, сколь бы поучительным оно ни было по данному вопросу, никогда не было напечатано в более популярной форме, чем его официальная форма. Именно на нем я впервые зародил идею следующих страниц, и в дальнейшем на него будут часто ссылаться как на источник наиболее достоверной военной информации, которой мы располагаем, и как на источник, который, несомненно, в течение некоторого времени станет стандартной работой по всем действительным законам и обычаям современной войны.

Содержание.

ГЛАВА I.

ЗАКОНЫ ВОЙНЫ.

	СТРАНИЦА
Запрещение разрывных пуль на войне	2
Важность Санкт-Петербургской декларации 1868 г.	3
Окончательный триумф более разрушительных методов	4
Иллюстрируется историей арбалета или мушкета	5

Или пушек, торпед, раскаленных дробей или штыка	5
Количество убитых в современных и более ранних войнах	8
Законы войны на Брюссельской конференции 1874 г.	10
Имеют ли тенденцию к улучшению законы войны?	13
Отрицательный ответ, предложенный по ссылке	13
1. К использованию яда на войне	14
2. К бомбардировкам городов	15
3. К разрушению общественных зданий	16
4. За уничтожение посевов и фруктовых деревьев	16
5. За убийство пленных или раненых	17
6. За убийство сдавшихся гарнизонов	18
7. За уничтожение рыбацких лодок	19
8. За неиспользование объявления войны	19
9. За пытки и нанесение увечий комбатантам и некомбатантам	20
10. К обычаю пожертвований	20
Тщетные попытки Гроция и Ваттеля гуманизировать ведение войны	21
Права войны во времена Гроция	24
Бесполезность международного права в отношении законов войны	26
Использование варварских войск	26
Взятие городов штурмом	27
Законы войны контрастировали с практикой	28
Войну легче отменить, чем гуманизировать	30

ГЛАВА II.

ВОЙНА В РЫЦАРСКИЕ ВРЕМЕНА.

Заблуждение о характере войны во времена рыцарства	32
Массовая резня женщин и детей	33
Разграбление Пуатье графом Дерби	34
Массовые убийства Граммона и Гравелина	35

Старая поэма "Обет цапли"	36
Резня в Лиможе Эдуардом Черным принцем	37
Заточение дам ради выкупа	38
Военнопленные, заморенные голодом до смерти	39
Или убитые, если нет надежды на выкуп	41
Или ослепленные или иным образом искалеченные	42
Значение капитуляции по усмотрению	44
, Как проиллюстрировано Эдуардом III. в Кале	44
и по несколько экземпляров в этом же и следующем столетии	45
практику сжигания в помощи войны	47
и уничтожить священные здания	47
практике отравление воздуха	49
использование варварского оружия	50
влияние религии на войне	51
Церковь зря на стороне мира	52
любопытно, обет рыцарей	54
незначительное личной опасности, понесенных в войне с ними	54
объяснения их великолепный костюм	55
полевыми видами спорта, во время войны	56
желание завоевать главный мотив войны	57
личности солдат и разбойников	57
карьере и характере Черный принц	59
место денег в историю рыцарства	61
свое влияние как на войну-мотив между Англией и Францией	62
общий низкий персонаж рыцарской войны	64

Глава III.

ВОЕННО-МОРСКОЙ ВОЙНЫ.

Ограбление первым объектом морского сражения,	66
пиратского происхождения европейских флотов	67
беспощадный характер войны на море	69
сколачивать состояния на каперство в Англии	71

частников по заказу Государственного	72
частников защищали публицистов	73
различие между каперством и пиратством	73
отказа государства от регулирования	74
каперство	
каперство осудил Лорд Нельсон	77
каперство отменена декларация Париже в 1856	78
современной чувство против захвата частной собственности на море	79
морского боя во времена деревянных кораблей	80
незаконных методов ведения морской войны	81
императора Льва VI. в 'трактате по тактике'	83
использовать брандеры	84
смерть наказание за службу в брандеры	85
торпеды изначально рассматривается как "плохой" войны	85
английской и французской доктрине права нейтралов	86
противника собственность под нейтральным флагом под залог Парижского договора	87
недостатки Парижского договора в отношении—	
1. Определение того, что является контрабандой	88
2. Право на досмотр судов под конвоем	88
3. Практика введения эмбарго	89
4. Закон Ангари	90
Международный морской кодекс будущего	91

ГЛАВА IV.

ВОЕННЫЕ РЕПРЕССИИ.

Международное право на законных репрессий	93
Брюссельской конференции на тему иллюстраций варварских репрессий	95
случаев отсутствия возмездие	97
жестокую расправу во времена рыцарства	98
подвешивания общих репрессий за смелый	100
	101

обороны	
, как показано на войнах пятнадцатого столетия	102
выживание обычай до наших времен	104
расправы над завоеванной гарнизон все-таки закон войны	105
обстрел Страсбург немцами	106
войн Александра Македонского	107
связь между мужеством и жестокостью	110
отмены рабства в его воздействии на войне	112
Штурм Магдебурга, Брешиа, и Рим	112
Цицерона в римской борьбы	114
репрессии немцев во Франции в 1870	115
свое возрождение обычай брать заложников	117
их прибегать к грабежу, как просьбу о репрессиях	118
генерала фон Мольтке на вечный покой	119
моральную ответственность профессия военного	121
пресса как мощный причиной войны	122
призыв к отмене требования о безоговорочной капитуляции	123
, таких как светодиодные для бомбардировки Александрии в 1882 г.	123

Глава V.

военным хитростям.	
Гроций' теория справедливой стратагем	126
преподавание международного права	127
древних и современных военно-морских хитростей	127
ранней Римской неприязнь к таким уловкам	132
как ambuscades, притворные отступления, или ночные нападения	132
вырожденного уровня Фронтинус и Polyænus	135
конференция хитрости современной Европе	136
различие между вероломства и хитрости	139
коварство Франциска I.	140
Ватели теории про шпионов	141

Фридриха Великого военного инструкции про шпионов	142
Лорд Вулзли на шпионов и правда на войне	144
обычай повешение или расстрел шпионов	145
лучше держать их в качестве военнопленных	146
воздухоплаватели рассматриваться как шпионы	147
Практика военных сюрпризов	148
смерти ранее штраф за захват с удивлением	150
стратагем неопределенного характера,	151
, таких как кованные депешами или false разведки	151
использованию телеграфа в обманув врага	151
мая военнопленных будут вынуждены плодить ложь?	152
Общий характер военного кодекса о мошенничестве	153

ГЛАВА VI.

ВАРВАРСКАЯ ВОЙНА.

Различные понятия о чести	156
Примитивные представления о военной жизни	156
Что такое цивилизованная война?	158
Передовые законы ведения войны среди нескольких диких племен	159
Символы мира среди дикарей	161
Самоанская форма капитуляции	162
Мирные договоры среди дикарей	162
Несоблюдение законов военного времени при боевых действиях с дикарями	163
Зулусов взрывали в пещерах с помощью огнестрельного оружия-хлопка	165
Женщин и мужчин похищали для транспортных услуг на Золотом Побережье	166
Гуманные намерения испанцев в Новом Свете	167
Контрастировали с бесчеловечностью их действий	167
Войны с выходцами из Англии и Франции в Америке	170

За скальпы предлагались высокие награды	171
Использование ищек на войне	171
Использование яда и зараженной одежды	172
Договор Пенсильвании с индейцами	173
Как миссионеры становятся причиной войн	176
Объяснение провала современных миссий	178
Миссионерские станции как центры враждебных интриг	179
Призыв к государственному регулированию миссий	181
Депопуляция под протестантским влиянием	181
Предотвращение ложных слухов— <i>Тенден—Люген</i>	182
Цивилизованная и варварская война	183
Между ними нет реального различия	184

ГЛАВА VII.

ВОЙНА И ХРИСТИАНСТВО.

Военный вопрос во времена Реформации	185
Возражения Эразма против обычая	186
Влияние Гроция на стороне войны	187
Военный вопрос в ранней Церкви	188
Отцы Церкви против законности войны	190
Причины изменившихся взглядов на Церковь	192
Духовенство как активные участники боевых действий более тысячи лет	193
Сражающиеся епископы	193
Храбрость на войне и церковные преимущества	196
Папа Юлий II. при осаде Мирандолы	197
Последний боевой епископ	197
Происхождение и значение объявления войны	198
Суеверие в наименовании оружия, кораблей и т. Д.	200
Обычай целовать землю перед обвинением	201
Связь религиозных и военных идей	202
Церковь как миролюбивая организация	204
Ее усилия установить пределы репрессиям	207

Изменившееся отношение современной Церкви	208
Ранние реформаторы санкционировали только <i>справедливые</i> войны	208
Упрек Вольтера в адрес Церкви	210
Проповедь каноника Мозли о войне	212
Ответ на его извинения	214

ГЛАВА VIII.

ДИКОВИНКИ ВОЕННОЙ ДИСЦИПЛИНЫ.

Повышенная строгость дисциплины	218
Ограничение права супружества	219
Обязательный церковный парад и его происхождение	219
Жестокие военные наказания	221
Причины любви военных к красному цвету	223
Происхождение шапок из медвежьей шкуры	223
Различные качества храбрости	225
Исторические опасения по поводу исчезновения мужества	225
Завоевания дела мира	227
Причины непопулярности военной службы	228
Скука жизни в строю	228
Распространенность дезертирства	230
Военные статьи против симуляции	231
Военная искусственная офтальмия	233
Разрушающее влияние дисциплины	234
На примере старой системы порки	235
Дисциплина в армии полуострова	236
Попытки сделать службу более популярной	239
За счет повышения заработной платы рядового	239
За счет сокращения срока его службы	240
Старая система рекрутмента во Франции и Германии	241
Неизбежный призыв в Англию	242
Вопрос о военной службе для женщин	242
Вероятные результаты призыва в армию	243

Милитаризм , ответственный за социализм	246
---	-----

ГЛАВА IX.

ПРЕДЕЛЫ ВОИНСКИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ.

Старое ощущение морального пятна кровопролития	250
Военные очистительные обычаи	250
Современное изменение отношения к войне	252
Декарт о профессии военного	254
Отношение старого света к пиратству	255
Центральный вопрос военной этики	257
Может ли солдат быть безразличным к делу войны?	257
Право служить , обусловленное добрым делом	, 258
Св. Августин, Буллингер, Гроций и сэр Джеймс Тернер	258
Отношение древних греков к службе наемников	260
Происхождение нашего наемничества в отличие от безвозмездной службы	260
Армии, набранные военными подрядчиками	261
Значение различия между иностранными и местными наемниками	262
Первоначальное ограничение воинской обязанности	264
фактической защитой государства	264
Расширение понятия верности	265
Связь военной присяги с первым актом о мятеже	265
Признанные пределы требований солдатского повиновения	266
ложность общепринятой доктрины долга	266
, проиллюстрированной опустошением Пфальца французами	267
И бомбардировкой Копенгагена англичанами	268
Пример адмирала Кеппеля	270
Справедливость между народами	271
Ее соблюдение в древней Индии и Риме	271
Св. Августин и Байярд о справедливости на	273

войне

Гроций о веских причинах войны	273
Требование военных об освобождении от моральной ответственности	276
Первый долг солдата перед своей совестью	279
Признание этого принципа влечет за собой прекращение войны	280

ВОЕННЫЕ МАНЕРЫ И ОБЫЧАИ.

ГЛАВА I. ЗАКОНЫ ВОЙНЫ.

Ce sont des lois de la guerre. Il faut estre bien cruel bien souvent pour venir au bout de son ennemi; Dieu doit estre bien miséricordieux en nostre endroict, qui faisons tant de maux.—
Marshal Montluc.

Запрещение разрывных пуль на войне— Важность Санкт-Петербургской декларации 1868 года—Окончательный триумф более разрушительных методов —Иллюстрируется историей арбалета или мушкета; или пушек, торпед, раскаленных дробей или штыковых ранений—Количество убитых в современных и более ранних войнах—Законы войны на Брюссельской конференции 1874 года —Имеют ли законы войны тенденцию к улучшению?—Отрицательный ответ, предложенный на основании ссылки: (1) на использование ядов на войне; (2) на бомбардировку городов; (3) на разрушение общественных зданий; (4) на уничтожение посевов и фруктовых деревьев; (5) на убийство пленных или раненых; (6) на убийство сдавшихся гарнизонов; (7) на уничтожение рыбацких лодок; (8) на неиспользование объявления войны; (9) на пытки и нанесение увечий комбатантам и некомбатантам; (10) на обычай пожертвований. тщетные попытки Гроция и Ваттеля гуманизировать ведение войны—Права войны во времена Гроция—Бесполезность международного права в отношении законов войны—Использование войск варваров—Взятие городов штурмом—Законы войны контрастировали с практикой — Войну легче отменить, чем гуманизировать.

Невозможно начать главу "Законы войны", не вспомнив знаменитую главу об Исландии, озаглавленную "Исландские змеи", в которой писатель просто сообщил своим читателям, что в стране их нет. "Законы войны" заставляют вспомнить об исландских змеях.

Тем не менее, полное отрицание их существования лишило бы историю полей сражений одной из ее самых интересных черт; ибо, несомненно, нет ничего более удивительного для беспристрастного наблюдателя военных манер и обычаев, чем обнаружить, что даже в таком справедливом деле, как защита вашей собственной страны, должны быть установлены ограничения на право причинять вред вашему агрессору любым доступным способом.

Что, например, может быть более очевидным в таком случае, чем то, что никакие страдания, которые вы можете причинить, не являются излишними, что, скорее всего, навсегда выведет из

строя вашего противника? Тем не менее, в силу Международной декларации Санкт-Петербурга 1868 года, вы не можете использовать против него разрывные пули, поскольку считается, что они причинили бы ему ненужные страдания. По логике войны, что может быть яснее, чем то, что, если разрывная пуля наносит худшие раны и, следовательно, с большей готовностью приводит к смерти, чем другие разрушительные средства, ее следует использовать? или же они тоже должны быть исключены из правил игры, что может привести к полному прекращению игры?

Стоит вспомнить историю разрывной пули, поскольку ее запрет - это соломинка, за которую можно ухватиться в эти дни военного возрождения. Подобно чуме и, возможно, пороху, он имел восточное происхождение. Первоначально он использовался в Индии против слонов и тигров. В 1863 году он был введен на вооружение русской армии, а впоследствии и других европейских армий, для использования против фургонов с боеприпасами. Но только в 1867 году небольшое изменение в его конструкции сделало его доступным для уничтожения человечества. Мир обязан гуманности военного министра России генерала Милютина тем, что в этот момент была сделана пауза; и поскольку царь Александр II был не менее гуманным, чем его министр, результатом стала знаменитая Декларация, подписанная в 1868 году всеми главными державами (за исключением Соединенных Штатов), взаимно запрещающая в их будущих войнах на суше или на море использование снарядов весом менее 400 граммов (для сохранения их использования в артиллерии), либо взрывчатых, либо начиненных легковоспламеняющимися веществами. Берлинский суд в то время желал, чтобы некоторые другие разрушительные ухищрения были в равной степени исключены, но английское правительство побоялось пойти дальше, как будто ему требовалась передышка после столь огромных усилий по уменьшению человеческих страданий, прежде чем двигаться в столь опасном направлении.

Санкт-Петербургская декларация, поскольку она способна к неограниченному расширению, является несколько неловким прецедентом для тех, кто в глубине души любит войну и прикрывает ее продолжение извиняющимися банальностями. Как, спрашивают они, вы можете обеспечить соблюдение соглашений между странами? Но этот аргумент начинает шататься, когда мы вспоминаем, что не существует абсолютно никакой высшей силы или трибунала, которые могли бы обеспечить соблюдение Санкт-Петербургской декларации помимо совести подписавших ее держав. Следовательно, из этого следует, что если международные соглашения имеют ценность, то нет необходимости останавливаться на том или ином пункте: что делает третейский суд маячащим вдали ощутимо ближе, чем это было раньше.

На первый взгляд, это соглашение, исключаящее использование разрывных пуль, может показаться благоприятствующим теории тех, кто видит в каждом увеличении опасности войны наилучшую надежду на ее окончательное прекращение. Сообщается, что известный американский государственный деятель сказал и фактически апеллировал к изобретению пороха в подтверждение своего утверждения, что каждое открытие в военном искусстве оказывает, с этой точки зрения, спасающее жизни и способствующее миру влияние.^[1] Но большего заблуждения трудно себе представить. Вся история войн против этого; ибо чем была эта история, как не неуклонным увеличением страданий и опасностей войны по мере того, как одно за другим появлялись все более эффективные средства уничтожения? Это заблуждение нельзя развеять лучше, чем рассмотрев последующие факты.

Часто казалось, что человечество вот-вот возьмет верх над логической тенденцией военного искусства. Латеранский собор 1139 года (в свое время своего рода европейский конгресс) не только осудил Арнольда Брешийского к сожжению за ересь, но и предал анафеме арбалет за его бесчеловечность. Он запретил его использование в христианской войне как ненавистного Богу и разрушительного для человечества.^[2] Несколько храбрых принцев побрезговали использовать стрелков из арбалета, и Иннокентий III. конзакрепил запрет на том основании, что несправедливо наносить врагу более чем минимально возможный ущерб.^[3] Впоследствии длинный лук стал более широко использоваться. Но Ричард I, вопреки папам, Соборам и рыцарству, возродил использование арбалета в Европе; и хотя его смерть от руки одного из них была расценена как приговор Небес, с тех пор его использование не уменьшалось, пока аркебуза, а затем и мушкет не заняли свое место.

Пушки и бомбы сначала называли дьявольскими, потому что они наводили на мысль о злобе врага человечества, или змеевиками, потому что они казались хуже змеиного яда.^[4] Но даже пушки сначала использовались только против укрепленных стен, и существует традиция, согласно которой впервые они были направлены против людей.^[5] А торпеды, которые сейчас используются без зазрения совести, назывались позорными и адскими, когда под названием American Turtles они впервые были опробованы американскими колониями против кораблей своей метрополии.

В шестнадцатом веке этот рыцарь ‘без страха и упрека’, шевалье Баярд, приказал безжалостно убивать всех мушкетеров, попавших к нему в руки, потому что считал введение огнестрельного оружия несправедливым нововведением в правилах законной войны. Таким образом, против раскаленной дроби (или шаров, раскаленных докрасна перед вставкой в пушку) сначала возражали или считали справедливыми только в целях защиты, а не нападения. И все же, что мы находим? — этого Людовика XIV. выпустили около 12 000 из них по Брюсселю в 1694 году; что австрийцы обстреляли ими Лилль в 1792 году; и что английские батареи обстреляли ими корабли в Севастопольской гавани, которые составляли часть русской обороны. Цепная дробь и ружейный выстрел поначалу также не одобрялись или были исключены из использования конвенциями, применявшимися только к конкретным войнам; сейчас не существует соглашения, исключающего их использование, поскольку вскоре они стали обычным явлением в морских сражениях.

Изобретение штыка служит еще одной иллюстрацией. Рассказы о его происхождении немногим лучше легенд: что он был изобретен давным-давно, в 1323 году, женщиной из Байонны для защиты крепостных стен этого города от англичан; или Пусейгуром из Байонны, около 1650 года; или позаимствован голландцами у туземцев Мадагаскара; или связан с местом под названием Редут-де-ла-Байоннет в Восточных Пиренеях, где баски, израсходовав свои боеприпасы против испанцев, как говорят, вставили ножи в дула своих ружей. Но несомненно, что как только идея закрепления клинка кольцами снаружи дула была доведена до совершенства (во второй четверти семнадцатого века), сражения стали более кровопролитными, чем когда-либо, хотя разрушения пехоты кавалерией уменьшились. Говорят, что битва при Неервиндене в 1693 году, в которой французский генерал Люксембург победил принца Оранского, была первым сражением, которое решалось штыковой атакой, и потери были огромными с обеих сторон.^[6]

История, на самом деле, полна таких случаев, когда победа неизменно зависела в конечном счете от легитимности оружия или метода, которые сначала были отвергнуты как бесчеловечные. На данный момент международное право запрещает использование определенных методов уничтожения, таких как пули, начиненные стеклом или гвоздями, или химические соединения, такие как какодил, которые могут в одно мгновение превратить атмосферу вокруг армии в атмосферу смертельного яда; [7] тем не менее, у нас нет ничего похожего на уверенность — у нас нет даже исторической вероятности — что к этим запрещенным средствам или худшим средствам не прибегнут. в войнах будущего или что нежелание сталкиваться с подобными формами смерти в наименьшей степени повлияет либо на их частоту, либо на их продолжительность.

Этот закон истории легко объяснить. Мужество солдата, когда он встречается митральезу с тем же безразличием, с каким он встречал бы снежки или хлебные крошки, — это чудо, простое объяснение которому дает дисциплина; ибо нанят ли солдат или его заставляют смотреть смерти в лицо, ему все равно, от какой пули он бросится, пока сохраняется дисциплина — как однажды определил ее французский философ Гельвеций, искусство заставить солдат больше бояться своих офицеров, чем врага. [8] Лакедемонянину Клеарху приписывается высказывание о том, что солдат всегда должен бояться своего полководца больше, чем врага: психическое состояние, легко вызываемое в любой системе военного механизма. Какая бы форма смерти ни подстерегала человека впереди, она менее верна, чем та, что ждет его сзади. Идя в бой, ашанты поют песню, которая является философией солдата во всем мире: "Если я пойду дальше, я умру; если я останусь позади, я буду убит; лучше идти дальше". [9]

Как часто говорят, в оправдание современной войны, что она бесконечно менее разрушительна, чем война древних или даже средневековых времен; и что фактическая гибель в бою отстает от развития новых и более эффективных средств отнятия жизни! И все же трудно представить себе более странный парадокс или предположение, которое, будь оно истинным, отражало бы большую дискредитацию нашей механической науки. Если наши пушки Гатлинга или 5-ствольные "Норденфельдта", способные производить 600 выстрелов в минуту, менее эффективны для уничтожения врага, чем все снаряжение средневековой армии, почему бы в таком случае не вернуться к оружию, которое, согласно гипотезе, лучше соответствовало целям войны? Этот вопрос является *доведением до абсурда* этого успокаивающего заблуждения; но на самом деле, нет никакого сравнения по разрушительности между нашей современной войной и войной наших предков. Очевидная разница в нашу пользу проистекает из практики, на которую ссылается Филипп де Коммин, которая проливает свет на этот предмет: 'В этой битве было убито около 6000 человек, что для людей, не желающих лгать, может показаться очень большим; но в свое время я был в нескольких боях, где на одного действительно убитого человека они сообщали о сотне, думая таким рассказом угодить своим хозяевам; и иногда они обманывают их своей ложью'. То есть, как правило, число убитых следует разделить на сотню.

Это замечание применимо даже к таким сражениям, как Креси или Азенкур, где число убитых было необычайно велико и где, как говорят, они были точно установлены путем подсчета после победы. Когда Фруассар, опираясь на такой авторитет, называет 1291 человека как общее число воинов рыцарского или более высокого ранга, убитых при Креси, конечно, возможно, что он не является жертвой обмана; но как быть с 30 000 простых солдат, за смерть которых он также ручается? Монах из церкви Св. Альбанс, также современник, говорит только о неизвестном числе (*et vulgus cujus numerus ignoratur*); которое в отчете аббата Гуго определенно равнялось

более чем 100 000. Из этого очевидно, что в отношении летописи количества убитых преобладала величайшая небрежность; так что, если мы возьмем 3000 вместо 30 000 в качестве общего числа простых солдат, убитых при Креси, вероятно, мы будем ближе к истине, чем если мы безоговорочно примем утверждение Фруассара.

Тот же скептицизм, конечно, будет присущ и битвам древнего мира. Вероятно ли, например, что в битве, в которой римляне, как говорят, потеряли всего 100 человек, македонцы должны были потерять 20 000?^[10] Или, опять же, возможно ли, учитывая трудности, с которыми сталкивается комиссариат большой армии, даже в наши дни поездов, телеграфа и улучшенного сельского хозяйства, что Мариус в одном сражении мог убить 200 000 германцев и взять 90 000 пленных? Но хотя невозможен иной вывод, кроме того, что цифры старых исторических источников в целом слишком ненадежны, чтобы давать какую-либо основу для сравнения, расчеты основаны на чем-то более похожем на достоверное свидетельство, что за две недели между 4 августа 1870 г., датой битвы при Виссамбурге, и 18 августа, датой битвы при Гравелоте, включая битвы при Верте и Форбахе 6 августа, при Курселе 14 августа и при Вионвиле 16 августа, более 100 000 французов и немцев встретили свою смерть на поле боя, не говоря уже о тех, кто погиб впоследствии. в агонии в больницах. Недавние войны, несомненно, были короче, чем они часто были в прежние времена, но их краткость не основана ни на одной причине, которая могла бы гарантировать их повторение: и если 100 000 человек будут с позором выброшены из жизни, то выигрыш не так уж велик, если задача, вместо того чтобы быть растянутой на несколько лет, потребует для ее выполнения всего двух недель.

Чтобы ближе всего подойти к изложению того, каковы на самом деле законы войны в наше время, мы должны обратиться к Брюссельской конференции, которая собралась в 1874 году по призыву того же великого русского, которому мир обязан Санкт-Петербургской декларацией, и которая представляла собой подлинную попытку смягчить зло войны путем международного соглашения и определения ее пределов. Идея такого плана первоначально была предложена Инструкциями, опубликованными в 1863 году президентом Линкольном для руководства армиями Соединенных Штатов в гражданской войне.^[11] Проект такого международного соглашения, первоначально представленный российским правительством для обсуждения, был сильно изменен, прежде чем удалось прийти хотя бы к компромиссу по нескольким содержащимся в нем пунктам. И проект, измененный таким образом в качестве предварительной основы для будущего соглашения, из-за робкого отказа английского правительства принимать дальнейшее участие в этом вопросе, к сожалению, так и не достиг своей финальной стадии в виде определенного кодекса;^[12] но, тем не менее, это остается наиболее авторитетным из дошедших до нас законов, которые, как обычно считается, являются обязательными в современной войне для практики и страстей комбатантов. Следующие статьи из проекта с окончательными изменениями, несомненно, являются наиболее важными:—

Статья 12. Законы войны не предоставляют воюющим сторонам неограниченной власти в выборе средств нанесения ущерба противнику.

Статья 13. В соответствии с этим принципом строго запрещены—

- а. Применение яда или отравленного оружия.
- б. Предательское убийство лиц, принадлежащих к враждебной нации или армии.

- с. Убийство противника, который, сложив оружие или не имея больше средств для самозащиты, сдался по собственному усмотрению.
- г. Заявление о том, что пощады не будет.
- е. Использование оружия, снарядов или веществ, которые могут причинить ненужные страдания, а также тех, которые запрещены Санкт-Петербургской декларацией 1868 года.
- ф. Злоупотребление флагом перемирия, национальным флагом или военными знаками отличия или униформой противника, а также отличительными знаками Женевской конвенции.
- г. Всякое уничтожение или захват собственности противника, чего не требует императивная необходимость войны.

Статья 15. Осаде подлежат только укрепленные места. Города, скопления домов или деревни, которые открыты или беззащитны, не могут подвергаться нападению или бомбардировке.

Статья 17. ... Следует предпринять все необходимые шаги, чтобы по возможности сохранить здания, предназначенные для религии, искусства, науки и благотворительности, больницы и места сбора больных и раненых, при условии, что они одновременно не используются в военных целях.

Статья 18. Город, взятый штурмом, не должен быть отдан победоносным войскам на разграбление.

Статья 23. Военнопленные... с ними следует обращаться гуманно.... Все их личные вещи, за исключением оружия, должны считаться их собственной собственностью.

Статьи 36, 37. Население оккупированной территории нельзя принудить ни к участию в военных действиях против своей собственной страны, ни к присяге на верность вражеской власти.

Статья 38. Следует уважать честь и права семьи, жизнь и имущество отдельных лиц, а также их религиозные убеждения и отправление религиозных обрядов.

Частная собственность не может быть конфискована.

Статья 39. Мародерство категорически запрещено.

Во всем этом, на первый взгляд, есть приятный оттенок человечности, хотя пока это лишь отражает лучший воинский дух, который всегда намного опережает реальную военную практику. В монотонной истории войны всегда есть командиры, которые ведут ее с меньшей жестокостью, чем другие, и писатели, которые умоляют смягчить ее жестокость. Как в современной истории Мальборо, Веллингтон или Виллар составляют приятный контраст с Фейкьером, Бельеом или Блюхером, так и в древней истории Марцелл или Лукулл помогают нам забыть Мария или Александра; а чувства Цицерона или Тацита настолько же опережали свое время, насколько чувства Гроция или Ваттеля были их собственными. В зависимости от случайности существования таких людей законы войны меняются от эпохи к эпохе; но возникает вопрос, становятся ли они заметно мягче? улучшаются ли они когда-нибудь надолго?

Скажут, что да, потому что скажут, что да; и что в анналах современных войн нет ничего похожего на зверства, которые можно почерпнуть из древней или средневековой истории. И все же в таких заявлениях нет убежденности. Ухудшение представляется столь же вероятным, как и улучшение; и если обычай не будет полностью искоренен, можно ожидать, что войны двадцатого века превзойдут по варварству все, о чем мы имеем хоть какое-то представление. Очень краткого исследования будет достаточно, чтобы развеять распространенные заверения в улучшении и прогрессе.

Яды на войне запрещены, говорится на Берлинской конференции; но так было всегда, даже в Институтах Меню, и, возможно, в древности мнения разделялись меньше, чем в наше время. Гроций, Ваттель и большинство их последователей отвергают это, но два очень авторитетных публициста защищают это, Бинкершук и Вольф. Последний опубликовал свою 'Jus Gentium' еще в 1749 году, и его аргументы заслуживают перевода, поскольку они могут быть подкреплены только аргументами, которые в равной степени применимы к другим способам военной резни. 'Естественно, законно убивать врага ядом; ибо, пока он наш враг, он сопротивляется возмещению нашего права, так что мы можем использовать против его личности все, что достаточно, чтобы отвести его власть от нас самих или наших владений. Поэтому нет ничего несправедливого в том, чтобы избавиться от него. Но, поскольку это приводит к одному и тому же результату, избавляетесь ли вы от него с помощью меча или яда (что самоочевидно, потому что в любом случае вы избавляетесь от него, и он больше не может сопротивляться или ранить вас), естественно, законно убивать врага ядом.' И поэтому он с не меньшей силой утверждает об отравленном оружии.^[13] Тем, что яд в наши дни не используется, мы, следовательно, обязаны не нашим юристам-международникам, а случайности традиции. В римской истории эта теория, по-видимому, была единодушно отвергнута. "Такое поведение, - говорит римский писатель Флор о полководце, который отравил несколько источников, чтобы побудить некоторые города Азии быстрее сдаться, - хотя и ускорило его победу, сделало ее позорной, поскольку было совершено не только против божественного закона, но и против обычаев предков".^[14] Наш государственный деятель Фокс с негодованием отказался воспользоваться предложением отравить Наполеона, но римские консулы отказались от аналогичного предложения в отношении Пирра; и Тиберий и римский сенат ответили на план отравления Арминия, что римский народ наказал своих врагов не обманом или тайно, а открыто и с оружием в руках.

История бомбардировок городов дает пример чего-то вроде фактического ухудшения методов ведения современной войны. Регулярная и простая бомбардировка, то есть города без разбора, а не только его крепостей, теперь стала установившейся практикой. И все же, что говорил Ваттель в середине прошлого века? 'В настоящее время мы обычно довольствуемся штурмом крепостных валов и укреплений того или иного места. Разрушать город бомбами и раскаленными шарами - это крайность, на которую мы не идем без веских причин'. Что еще раньше сказал Вобан? 'Огонь должен быть направлен просто по укреплениям и батареям определенного места ... а не по домам'. Тогда что можно сказать об английской бомбардировке Копенгагена в 1807 году, когда были разрушены собор и около 300 домов; что можно сказать о немецкой бомбардировке Страсбурга в 1870 году, когда впервые были применены нарезные мортиры,^[15] и разрушены знаменитая библиотека и картинная галерея; и что, наконец, можно сказать о немецкой бомбардировке Парижа, о которой, как ни странно, даже в газетах не упоминалось? военная совесть немцев была поражена, так что в высших кругах одно время преобладали сомнения в уместности такого поступка как с моральной, так и с военной точки зрения?^[16]

Что касается священных или общественных зданий, то военные действия, как правило, становятся все более разрушительными. В греческой войне было правилом щадить священные здания, и римляне часто щадили священные и другие постройки, как Марцелл, например, в Сиракузах.^[17] Однако, когда французы разорили Пфальц в 1689 году, они не только подожгли соборы, но и разграбили гробницы древних императоров в Шпилях. Фридрих II разрушил некоторые из лучших зданий Дрездена и Праги. В 1814 году английские войска разрушили Капитолий в Вашингтоне, дом президента и другие общественные здания;^[18] а в 1815 году прусского генерала Блюхера с трудом удержали от взрыва Йенского моста в Париже и Аустерлицкого столпа. У военных всегда есть оправдание репрессий или несчастных случаев для этих актов вандализма. И все же Ваттель сказал (языком, который лишь повторял язык Полибия и Цицерона): "Мы должны щадить те сооружения, которые делают честь человеческому обществу и не способствуют усилению врага, такие как храмы, гробницы, общественные здания и все произведения замечательной красоты".

Столь же мало пользы принесло замечание того же автора о том, что на тех, кто вырывает виноградные лозы и срубает фруктовые деревья, следует смотреть как на дикарей. Жители островов Фиджи были достаточно варварами, но даже они, как правило, щадили фруктовые деревья своих врагов; так поступали древние индийцы; и Коран запрещает бессмысленное уничтожение фруктовых деревьев, пальм, кукурузы и крупного рогатого скота. Тогда что же нам думать об армиях Людовика XIV? в Пфальце не только сжигают замки, загородные дома и деревни, но и безжалостно уничтожают посевы, виноградные лозы и фруктовые деревья?^[19] или о прусском воине Блюхере, уничтожавшем декоративные деревья в Париже в 1815 году?

Говорят, что немцы отказались позволить женщинам и детям покинуть Страсбург до того, как они начали бомбардировать его в 1870 году.^[20] Однако сам Ваттель рассказывает нам, как Тит во время осады Иерусалима позволил женщинам и детям уйти, и как Генрих IV, осаждавший Париж, проявил гуманность, позволив им пройти через свои позиции.

Это было во время кампании этого столетия, 1815 года, когда генерал Рокэ собрал французских офицеров и приказал им передать гренадерам, что первый, кто приведет к нему прусского пленного, должен быть расстрелян; и именно в отместку за это несколько дней спустя пруссаки добились раненых французов в Генаппе.^[21]

Гроций, сославшись на тот факт, что декрет Амфикионов запрещал разрушение любых греческих городов во время войны, утверждает существование более прочной связи между народами христианского мира, чем между государствами древней Греции. И затем мы вспоминаем, как пруссаки бомбардировали датский город Сондербург и почти полностью разрушили его, хотя он находился вне пределов возможного для их захвата; и мы думаем о Перонне во Франции, превратившемся в руины вместе с большей частью его прекрасного собора в 1870 году; и о немецких снарядах, выпущенных по французским пожарным машинам, которые пытались спасти Страсбургскую библиотеку от пожиравшего ее пламени; и мы удивляемся, что такой великий юрист мог быть способен на столь ужасное заблуждение.

Убивать гарнизон, который упорно оборонялся, или для того, чтобы устроить других делать то же самое, было правом современной войны, оспариваемым Гроцием, но признанным Ваттелем, которое не было полностью уничтожено столетие спустя. Тем не менее, они оба приводят

примеры, доказывающие, что убийство врагов, доблестно защищавшихся, рассматривалось в древние времена как нарушение законов войны.

Убивать сдавшихся врагов было так же противно грекам или римлянам, как это когда-либо было против христианской войны. Общая греческая и римская практика заключалась в предоставлении пощады сдавшемуся врагу и выкупе или обмене его пленными.^[22] По законам войны действительно существовало право убивать или обращать их в рабство, и хотя оба права иногда осуществлялись с большим варварством, степень реализации первого права была сильно преувеличена. Иначе почему Диодор Сицилийский в столетии, предшествующем нашей эре, говорил о милосердии к заключенным как об общем праве (τὰ κοινὰ νόμιμα), а о нарушении такого закона как об акте исключительного варварства?^[23] Можно справедливо усомниться в том, что французские пленники на английских кораблях во время войны с Наполеоном пострадали меньше, чем афинские пленники на рудниках Сиракуз; а что касается пощады, то как быть с французскими добровольцами или французскими тирерами, которые в 1870 году попали в руки немцев, или с французскими крестьянами, которые, хотя и были набраны и вооружены местными властями по указу Наполеона, были, в случае пленения, преданы смерти союзниками в 1814 году?

Некоторые другие примеры, как правило, показывают, что реального прогресса в войне нет и что многие из воображаемых смягчений ее последствий являются просто случайными и эфемерными особенностями.

В старину французы и англичане щадили рыбацкие лодки друг друга и их экипажи. "Рыбаки, - сказал Фруассар, - хотя между Францией и Англией может начаться война, никогда не причиняйте вреда друг другу; они остаются друзьями и помогают друг другу в случае необходимости, покупают и продают рыбу, когда у одного ее больше, чем у другого, потому что, если бы они воевали, у нас не было бы свежей рыбы".^[24] Еще во время Крымской войны английские флоты на Балтике захватывали или сжигали рыбацкие лодки финнов и уничтожали грузы рыбы, от которой, засоленной в летние месяцы, зависело их пропитание зимой.^[25]

Полибий сообщает нам, что толийцы считались обычными преступниками Греции, потому что они без колебаний развязывали войну без объявления о ней. Вторжения такого рода рассматривались как грабежи, а не как законные войны. И все же теперь можно обойтись без объявления войны, поскольку первый прецедент для этого был создан Густавом Адольфом.

Густав Адольф в 1627 году издал несколько гуманных военных уставов, которые запрещали, среди прочего, причинять увечья старикам, женщинам и детям. Тем не менее, в течение нескольких лет шведская солдатня, как и другие войска своего времени, сделала беспричинные пытки и нанесение увечий комбатантам или некомбатантам обычным эпизодом своих военных действий.^[26]

Когда английский король Генрих V вторгся во Францию в начале XV века, он в своих Общих приказах запретил бессмысленный ущерб собственности, оскорбления женщин или беспричинное кровопролитие. Однако четыре столетия спустя характер войны изменился так мало, что мы находим, что герцог Веллингтон, вторгаясь в ту же страну, в Общем Приказе сетовал на то, что, "согласно всей информации, полученной командующим Вооруженными

силами, его войска совершали всевозможные злодеяния", "даже в присутствии своих офицеров, которые не прилагали никаких усилий, чтобы предотвратить их".[27]

Французы жалуются, что их последняя война с Германией была не войной, а грабежом; как будто грабеж и война когда-либо отличались друг от друга на самом деле или были различимы в мыслях. По-видимому, грабеж, совершавшийся под названием контрибуций, имел очень мало пределов; тем не менее Ваттель сообщает нам, что, хотя в его время эта практика прекратилась, воюющие монархи в войнах Людовика XIV привыкли регулировать договором размеры враждебной территории, на которой каждый из них мог взимать контрибуции, вместе с суммой, которая могла взиматься, и способом, которым должны были вести себя стороны, взимающие контрибуции.[28]

Разве приведенные выше факты не доказывают, что законы войны скорее изменяются от века к веку в несколько узких пределах, чем постоянно совершенствуются, и что они склонны терять в одном направлении все, что они приобретают в другом? Человечность на войне сейчас, как и в древности, остается исключением, а не правилом; и ее можно встретить сейчас, как и во все времена, в книгах или в более тонком воображении немногих, гораздо чаще, чем в реальной жизни на поле боя. Призыв сократить ужасы войны всегда является призывом довести их до крайности; как, например, у Лувуа за опустошение Пфальца или у Суше, французского генерала, за то, что он загнал беспомощных женщин и детей в цитадель Лериды, а затем обстреливал их всю ночь с гуманной целью побудить губернатора к более быстрой капитуляции.[29]

Авторы "Международного права" фактически ввели нас в заблуждение по поводу войны (которая больше всего на свете способствовала сохранению этого обычая), представив его как нечто довольно мягкое и почти утонченное в наше время. Ваттель, швейцарский юрист, подал пример. Он опубликовал свою работу о правах наций через два года после начала Семилетней войны и говорит о европейских нациях того времени, которые вели свои войны "с большой умеренностью и великодушием", как раз за год до того, как маршал Беллиль отдал приказ превратить Вестфалию в пустыню. Ваттель тоже был первым, кто обратился к удобствам, которые иногда прерывают военные действия, в поддержку своей теории о великодушии современной войны.

Но к чему, в конце концов, это приводит, если соперничающие генералы обращаются друг к другу с точки зрения вежливости или обмениваются приемлемыми подарками? В Севастополе английский сэр Эдмонд Лайонс послал русскому адмиралу Махиноффу в подарок жирного самца, а последний в ответ на комплимент прислал твердый голландский сыр. В Гибралтаре, когда солдаты гарнизона Эллиота серьезно страдали от цинги, Крильон прислал им тележку моркови. Подобные вещи происходили всегда, даже в самые жестокие времена военного варварства. При осаде Орлеана (1429) граф Саффолк послал французскому командующему Дюнуа в подарок десерт, состоящий из инжира, фиников и изюма; а Дюнуа в ответ прислал Саффолку немного меха для его плаща; однако в те дни свирепости, проявляемой французами и англичанами друг к другу на войне, не было предела. Выкуп требовался даже за тела убитых. Случайные проблески человечности в истории войн ничего не значат в общей картине их жестокости.

Юристы таким образом помогли придать совершенно ложную окраску реальной природе войны; и едва ли в современной кампании проходит день, который не опровергал бы правила,

изложенные в увесистых томах специалистов по международному праву. Говорят, что Густав Адольф всегда имел при себе в лагере экземпляр "Гроция", поскольку Александр, как говорят, ночевал над Гомером. Невероятность нахождения экземпляра "Гроция" в современном лагере может быть воспринята как иллюстрация пренебрежения, которое уже давно проявилось к ограничениям, которыми наши публицисты пытались сковать наших генералов, и тщетности всех таких попыток.

Вся честь Гроцию за то, что он стремился сделать войну на несколько градусов менее жестокой, чем он ее находил; но давайте поэтому не будем обманывать себя чрезмерной верой в эффективность его трудов. Кант, который жил позже и столкнулся с той же проблемой, не питал иллюзий относительно возможности гуманизации войны, но сразу перешел к попытке полностью остановить ее; и Кант был во всех отношениях лучшим рассуждателем. Любой из них, несомненно, счел бы рассуждения другого на эту тему утопическими; но у кого из них больше оснований?

Гроций сначала изложил крайние права войны, подтвержденные прецедентами и обычаями, а затем призвал к их смягчению на почве религии и человечности. В любом случае он апеллировал к прецеденту и лишь противопоставлял лучшее худшему, оставляя, таким образом, право ведения войны в полной неразберихе и совершенно лишенным какого-либо принципа измерения.

Давайте возьмем в качестве иллюстрации его метода вопрос об убийстве женщин и детей. Он начал с признания строгого права на войну. Светская история снабдила его несколькими примерами подобных массовых убийств, и особенно библейская история. Он прямо сообщает нам, что воздержался от упоминания убийства еврейями женщин и детей Хешбона или данного им приказа поступить таким же образом с народом Ханаана, ибо это были дела Бога, чьи права на человечество были намного больше, чем права человека на животных. Как более близкий к практике своего времени, он предпочел свидетельство того стиха из Псалмов, который гласит: 'Блажен будет тот, кто разобьет детей твоих о камень'. Впоследствии он отозвал это право на войну, сославшись на лучшие прецеденты древних времен. Похоже, ему не приходило в голову, что исторические прецеденты, если мы обратимся к ним за нашими правилами ведения войны, что-либо докажут, в зависимости от характера выбранных нами действий. Камилл (у Ливия) говорит о детстве как о неприкосновенности даже в захваченных штурмом городах; император Север, с другой стороны, приказал своим солдатам предавать мечу всех жителей Британии без разбора и, в свою очередь, сослался на прецедент, а именно на приказ Агамемнона, согласно которому у троянцев даже дети в утробе матери не должны быть избавлены от уничтожения. Сынам Израилевым во время их войн было запрещено рубить фруктовые деревья; однако, когда они воевали против моавитян, 'они перекрыли все источники воды и срубили все хорошие деревья'. Только таким образом можно было отличить лучший обычай от худшего, а не правильный от неправильного; и то, и другое в равной степени оправдывалось простым обращением к историческим примерам.

Правила ведения войны, царившие во времена Гроция — в начале Тридцатилетней войны, - можно вкратце резюмировать из его работы следующим образом. Права ведения войны распространялись на всех лиц в пределах враждебных границ, причем объявление войны было по существу направлено против каждого представителя воюющей нации. Следовательно, любой представитель враждебной нации мог быть убит везде, где его находили, при условии,

что это происходило не на нейтральной территории. Женщины и дети могли быть законно убиты (как будет показано, они также подлежали этому в лучшие дни рыцарства); то же самое могли сделать военнопленные, просители пощады или те, кто безоговорочно сдался. Было законно убивать врага при условии, что это не влекло за собой нарушения молчаливого или явно выраженного соглашения; но было незаконно использовать яд в любой форме, хотя фонтаны, если их не отравлять, могли стать непригодными для питья. Все, что принадлежало врагу, могло быть уничтожено: его посевы, его дома, его стада, его деревья, даже его священные сооружения или места захоронений.

То, что эти крайние права ведения войны буквально навязывались в семнадцатом веке, не вызывает сомнений; и если какие-либо из них вообще были смягчены, можем ли мы приписать это не столько гуманной попытке Гроция и его последователей установить ограничения на законное применение преобладающей силы, сколько случайному влиянию отдельных командиров. Хорошо подмечено, что право некомбатантов на неприкосновенность на войне было признано генералами еще до того, как оно было провозглашено публицистами.^[30] И та же истина применима ко многим другим изменениям в ведении войны, которые чаще были результатом временной военной моды или новых идей военной целесообразности, чем послушания Гроцию или Ваттелю. Они ставят перед собой такую же бесполезную задачу, как пресловутая невозможность отбелить негра; в результате разрушительность войны, ее преступления и жестокость являются чем—то новым даже для мира, который не может забыть разграбление Магдебурга в 1631 году или опустошение Пфальца в 1689 году.^[31]

Публицисты лишь распознали и отразили витающие настроения своего времени, не дав нам никакого определенного принципа, с помощью которого можно было бы отделить допустимую практику ведения войны от недопустимой. Мы видели, как сильно они спорят об использовании яда. Они в равной степени спорны относительно права прибегать к убийству; относительно масштабов законного использования мошенничества; относительно права начинать войну без объявления; относительно пределов прав захватчика на грабеж; относительно права захваченных восстать против своего захватчика; или относительно того, следует ли обращаться с восставшими таким образом лицами как с военнопленными или вешать как убийц. Давайте подумаем, что они сделали для нас в отношении права использовать дикарей в качестве союзников или в отношении прав завоевателя на город, который он взял штурмом.

Все современные авторы текстов единодушно отрицают право использовать варварские войска на христианском поле битвы. Негодование лорда Чатема по поводу использования их Англией против своих восставших колоний в Америке принесло столь же мало пользы. Ближе к концу Крымской войны Россия подготовилась вооружить некоторые дикие расы в пределах своей империи и ввела черкесов в Венгрию в 1848 году.^[32] Франция использовала африканских турок как против Австрии в 1859 году, так и против Пруссии в 1870 году; и самые молодые помнят, что получилось из использования Турцией башибузуков. Вероятно ли, что они не будут использоваться в будущем из-за того, что их запрещают Бланчли, Хефтер или Уитон?

Взять город штурмом - самая страшная опасность, с которой может столкнуться солдат. Таким образом, теория имела видимость разума, что без вознаграждения в виде неограниченной вольности он никогда не мог быть привлечен к нарушению. Говорят, что Тилли ответил, когда некоторые из его офицеров умоляли его прекратить грабежи и кровопролитие, увековечившие разграбление Магдебурга в 1631 году: 'Трехчасовое разграбление - самое короткое правило

войны. У солдата должно быть что-то за его труды и неприятности.[33] Следовательно, именно в таких случаях война проявляет себя в своем истинном характере, и замечание месье Жирардена: *"Война - это убийца, война - это воля"*, читается как откровение. Сцена никогда не меняется от эпохи к эпохе; и штурм Бадахоса и Сан-Себастьяна английскими войсками во время войны за полуостров или Константина в Алжире французами в 1837 году показывает нам, что мы можем ожидать увидеть в Европе, когда в следующий раз город будет взят штурмом, каким мог быть Страсбург в 1870 году. "Ни одна эпоха, ни одна нация, - говорит сэр У. Нейпир, - никогда не посылала в бой более храбрых войск, чем те, кто штурмовал Бадахос" (апрель 1812 г.). И все же в течение двух дней и ночей на его улицах царили, по словам того же автора, "бесстыдная алчность, звериная неводержанность, дикая похоть, жестокость и убийства".[34] А что он говорит о Сан-Себастьяне полтора года спустя? Разразившаяся гроза 'казалась сигналом из ада к совершению злодейства, которое посрамило бы самых свирепых варваров древности'. ... "Самая ужасная, отвратительная жестокость была добавлена к списку преступлений: одно зверство ... поражает воображение своим огромным, невероятным, неопишуемым варварством".[35] Если офицеры погибли, пытаюсь предотвратить подобные деяния — сама жестокость которых, как кто—то сказал, спасает их от нашего полного проклятия, потому что это делает невозможным их описание, - вероятно ли, что доблестных солдат, увенчавших свою храбрость такой дьявольщиной, хоть на йоту сдерживало бы соображение, что, отказываясь от пощады или убивая, пытая или калеча мирных жителей, они действовали вопреки правилам современной войны?

Если, таким образом, мы заменим теорию практикой и оставим наши книги ради фактов поля битвы (насколько они когда-либо рассказываются полностью), мы, возможно, сможем сформулировать следующие наиболее важные законы современной войны:

1. Вы не можете использовать разрывные пули; но вы можете использовать пули конической формы, которые наносят гораздо больше увечий, чем круглые, и даже разрывные пули, если их мощность не ниже определенной величины.
2. Вы не можете отравить своего врага, потому что таким образом вы лишаете его возможности самозащиты; но вы можете взорвать его фугасом или динамитом, от которых он в равной степени неспособен защититься.
3. Вы не можете отравить питьевую воду вашего врага, но вы можете заразить ее мертвыми телами или иным способом, потому что это равносильно повороту ручья.
4. Вы не имеете права убивать беспомощных стариков, женщин или детей мечом или штыком; но сколько вам заблагорассудится, вашими реактивными снарядами Конгрив, гаубицами или минометами.
5. Вы не имеете права вести войну с мирными жителями страны; но вы можете сжечь их дома, если они будут сопротивляться вашим требованиям отнять у них все до последнего фартинга.
6. Вы не имеете права отказывать в пощаде врагу; но можете, если он не экипирован определенным образом.
7. Вы не имеете права убивать своих военнопленных; но вы можете приказывать своим солдатам не брать ни одного.

8. Вы не имеете права требовать выкуп за своих пленных; но вы можете с лихвой покрыть их стоимость единовременной суммой, которую вы требуете на военные расходы.

9. Вы не имеете права намеренно разрушать церкви, больницы, музеи или библиотеки; но "военная необходимость" покроет ваши действия, как и почти все остальное, что вы решите сделать в нарушение любых других ограничений на ваше поведение.

И именно к этим нелепостям привели нас рассуждения Гроция и его последователей. По-видимому, настоящими мечтателями были не те, кто, подобно Генриху IV, Сюлли, Сен-Пьеру или Канту, мечтал о мире без войн, а те, кто мечтал о войнах, ведущихся без беззакония, страсти или преступлений. На них следует обрушить насмешки утопизма, которыми они так долго осыпали единственный взгляд на вопрос, который действительно логичен и последователен. На них, по крайней мере, лежит тень и должен лежать упрек в вопиющем провале, если только недавние войны не имеют никакого значения и не преподают никакого урока. И если их неудача реальна и знаменательна, что остается тем, кто желает лучшего и пытается хоть как-то сдержать действия, угрожающие нашей цивилизации, кроме как повернуться спиной к наставникам, которым они когда-то доверяли; зажечь свои костры, а не нагружать свои полки Гроцием, Ваттелом и остальными; и связать свою судьбу в будущем с мнением, доселе презируемым, хотя это был Кант, и с усилиями, до сих пор дискредитированными, хотя это были Генрих Великий, Салли и Елизавета - мнением, то есть, что это не так? было ли легче отменить войну, чем гуманизировать ее, и что только в росте духа международного доверия кроется какая-либо возможная надежда на ее окончательное прекращение?

ГЛАВА II. ВОЙНА В РЫЦАРСКИЕ ВРЕМЕНА.

Voi m'avete fatto tornare quest'arte del soldo quasi che nulla, ed io ne l'aveva presupposta la più eccellente e la più onorevole che si facesse.—Machiavelli, *Dell'Arte della Guerra*.

Заблуждение о характере войны во времена рыцарства — Обычная резня женщин и детей — Разграбление Пуатье графом Дерби — Резня Граммона и Гравелина — Старая поэма "Обет цапли" — Резня в Лиможе Эдуардом Черным принцем — Заточение дам ради выкупа — Военнопленных морили голодом; или убивали, если не было надежды на выкуп; или ослепляли или иным образом калечили — Значение капитуляции по собственному усмотрению, проиллюстрированное Эдуардом III. в Кале; и несколькими примерами в том же и следующем столетии — Практика сжигания в помощь войне; и разрушение священных зданий — Практика отравления воздуха — Использование варварского оружия — Влияние религии на войну — Церковь напрасно выступает на стороне мира — Любопытные клятвы рыцарей — Небольшая личная опасность, которой они подвергались на войне — Объяснение их великолепных костюмов — Полевые развлечения во время войны — Стремление к наживе как главный мотив войны — Личность солдат и разбойников — Карьера и характер Черного принца — Место, где они сражались. роль денег в истории рыцарства — Их влияние как военного мотива между Англией и Францией — Общий низкий характер рыцарской войны.

Для беспристрастной оценки обычаев ведения войны лучшей подготовкой является изучение ее ведущих черт во времена рыцарства. Мало того, что большинство наших современных военных обычаев напрямую восходят к тому периоду, хотя многие утверждают о гораздо более отдаленном происхождении и восходят ко временам первобытной дикости, но именно рыцарские традиции в основном поддерживают иллюзию, что войну можно вести с гуманностью, великодушием и вежливостью.

Хэллэм, например, отмечает, что в войнах нашего Эдуарда III "дух благородства и вежливости по отношению к врагу, кажется, достиг наивысшей точки"; и он особенно ссылается на обычай выкупа пленного под честное слово и на великодушное обращение Черного принца с французским королем, взятым в плен при Пуатье.

Чтобы продемонстрировать крайнее преувеличение этой точки зрения и показать, что с войной, как и с более тяжкими преступлениями, моральное величие связано лишь случайно, эпизодически или в романах, необходимо несколько пристальнее изучить военные действия четырнадцатого века. Рыцарство, по мнению некоторых историков, находилось в том столетии в процессе упадка; но упадок, если таковой и был, был скорее в природе его форм и церемоний, чем в его духе или сущности. Это был век самых прославленных имен рыцарства: во Франции - Бертрана дю Геклена, в Англии - Черного принца, сэра Уолтера Мэнни, сэра Джона Чандоса. Это был век битв при Креси, Пуатье, Авре и Наваретте. Это был век ордена Звезды во Франции, Подвязки и Бани в Англии. Прежде всего, это был век Фруассара, который изобразил его нравы и мысли с такой яркостью, что читать его страницы - значит почти жить в его время. Таким образом, четырнадцатое столетие справедливо можно рассматривать как период, в который рыцарство достигло своего наивысшего совершенства и в котором военный образ жизни и характер достигли своего наивысшего развития. Это век, о котором мы инстинктивно думаем, когда представляем себе время, когда соперничество храбрых поступков порождает героизм, а соперничество военного великодушия придавало даже жестокости на поле боя ореол романтики.

Однако воображение здесь, как и везде, обманывает нас. Сам Фруассар, который описывал войны, сражения и благородные ратные подвиги с искренностью, равной его искреннему восторгу от них, сам по себе является достаточным доказательством того, что редко был период, когда война велась с большей жестокостью; когда законы, ограничивающие ее, налагаемые голосом морали или религии, были менее ощутимыми; когда мотивы для нее, а также стимулы личной храбрости были более корыстными; или когда деморализация, вытекающая из нее, была более широкой или более фатальной. Факты, которые следуют в поддержку этого вывода, взяты, за неимением каких-либо других специальных ссылок, исключительно от этого очаровательного хрониста; ссылки на другие источники необходимы только для доказательства существования общепринятого обычая и не оставляют места для теории о том, что случаи, собранные Фруассаром, были всего лишь случайными происшествиями.

Даже дикие племена, такие как зулусы, щадят жизни женщин и детей на войне, и такая сдержанность является первым испытанием любой войны, претендующей на звание лучшей из самых варварских. Но в четырнадцатом веке такая беспорядочная резня была самым обычным эпизодом войны: факт, не в последнюю очередь удивительный, если вспомнить, что защита женщин и беззащитных была одним из особых пунктов клятвы, приносимой рыцарями на церемонии посвящения. Через пять дней после смерти Эдуарда III, фактически во время

переговоров между Францией и Англией, адмиралы Франции и Испании по приказу короля Франции отплыли в Рай, который они сожгли, убив жителей, как мужчин, так и женщин (1377 г.); и разумно предположить, что то же поведение ознаменовало их дальнейший прогресс в грабежах и поджогах на острове Уайт.

Подобные действия не были лишь эпизодами морской войны и совершались исключительно пиратами обеих стран; ибо они столь же часто происходили и во время военных действий на суше, и в связи с самыми благородными именами христианского мира. В Тайллубуре, в Сентонже, граф Дерби приказал предать мечу всех жителей в отместку за смерть одного рыцаря, который во время штурма города встретил свою смерть. Так было во время той же кампании и в трех других местах Пуату, причем хронист сообщает нам более подробные сведения о судьбе Пуатье. В городе не было рыцарей, привычных к войне и способных организовать оборону; и только люди из бедноты оказывали армии храброе, но тщетное сопротивление. Когда город был взят, 700 человек были убиты; 'ибо люди графа предали всех мечу, мужчин, женщин и маленьких детей'. Граф Дерби не предпринял никаких шагов, чтобы остановить резню, но после того, как было разрушено много церквей и домов, он запретил под страхом смерти любые дальнейшие поджоги, очевидно, только по той причине, что он хотел остаться там на десять или двенадцать дней. Несколько лет спустя, когда французы отвоевали Пуатье, английские рыцари, находившиеся там, двинулись маршем к Ньюру, который, поскольку жители отказались их впустить, они немедленно атаковали и быстро победили, благодаря отсутствию, как и при Пуатье, рыцарей, руководивших обороной. Жители, как мужчины, так и женщины, были преданы мечу. Все эти примеры описаны в одной короткой главе "Фруассара".

Иногда эта беспорядочная резня даже вызывала более высокое уважение к ее виновникам. Подобный эпизод произошел во время знаменитой войны между гражданами Гента и графом Фландрии. Лорд д'Энгиен с 4000 кавалеристами и большим пешим отрядом осадил город Граммон, который был присоединен к Генту. Около четырех часов дня в одно прекрасное июньское воскресенье осаждающие овладели городом, и, по словам Фруассара, было очень много убитых мужчин, женщин и детей, ибо никому не было оказано милосердия. Более 500 жителей были убиты; множество стариков и женщин были сожжены в своих постелях; и город, который затем был подожжен более чем в двухстах местах, быстро превратился в пепелище. 'Прекрасный сын,' сказал граф Фландрский, приветствуя своего вернувшегося родственника, 'ты доблестный человек, и, если Богу будет угодно, ты будешь доблестным рыцарем, ибо ты положил прекрасное начало'. История, однако, может порадоваться, что столь многообещающая карьера была пресечена в зародыше, ибо гибель молодого дворянина в перестрелке через несколько дней сделала его первый ратный подвиг одновременно и последним.

Похожая история связана с памятью о знаменитом в те дни боевом епископе Норвича. Он был уполномочен папой Урбаном VI. чтобы начать войну с папой Климентом VII, он пошел и осадил город Гравелин выстрелами и перестрелкой, "пока, в конце концов, наши люди не вошли в город со своим епископом, когда они по его приказу уничтожили мужчину, женщину и ребенка, не оставив в живых ни одного из всех, кто оставался в городе".^[36] Это было в 1383 году; и будет замечено, что тогда, как и в более поздние дни, оправдание приказами вышестоящего начальства служило оправданием для совершения любого преступления, при условии только, что оно было совершено на войне.

Было бы ошибкой предполагать, что все это было простой случайностью войны, вызванной страстью момента или слабым контролем лидеров над своими людьми. В очень любопытном старофранцузском стихотворении под названием 'Клятва цапли' есть неоспоримые свидетельства того, что убийство женщин и детей часто не только предумышленно совершалось до начала военных действий, но и что клятва, обязывающая мужчину соблюдать ее, иногда давалась и принималась в знак похвальной храбрости. Поэма, о которой идет речь, повествует об исторических событиях и личностях; и если ее не воспринимать буквально, она, несомненно, находится в пределах вероятности, что подтверждается другими свидетельствами нравов тех времен. Роберт, граф Артуа, изгнанный из Франции, приезжает в Англию и приносит Эдуарду III жареную цаплю. и его двор умоляет их принести клятвы перед употреблением этого блюда (в соответствии с обычаем, который придает таким клятвам особую святость) относительно военных действий, которые они предпримут против королевства Франции. Эдуард III, граф Солсбери, сэр Уолтер Мэнни, граф Дерби, лорд Саффолк, поклявшись исполнять волю графа, сэр Фокемон, стремясь превзойти их в военном рвении, поклялся, что, если король пересечет море, чтобы вторгнуться во Францию, он всегда будет в авангарде своих войск, неся опустошение, огонь и резню, не щадя ни алтарей, ни родственников, ни друзей, ни беспомощных женщин, ни детей.[37]

Пусть читатель задумается, что все это происходило во время войны не христиан с неверными, а христиан друг с другом, и в период, который обычно восхваляют за его развитие рыцарской человечности. Описанные инциденты были слишком обычным явлением, чтобы требовать особого упоминания их летописцем; но необычные зверства при знаменитом разграблении Лиможа по прямому приказу Эдуарда Черного принца были слишком велики даже для Фруассара. Лучше всего позволить ему рассказать свою собственную историю с момента вступления осаждающих войск: 'Принц, герцог Ланкастерский, графы Кембриджский и Пембрук, сэр Жискар д'Англ и другие со своими людьми ворвались в город. Тогда вы бы увидели мародеров, активно творящих зло, бегающих по городу, убивающих мужчин, женщин и детей, согласно их приказам. Это было самое печальное дело, ибо все звания, возраста и пола падали на колени перед принцем, умоляя о пощаде; но он был настолько охвачен страстью и местью, что никого не слушал, но все были преданы мечу, где бы их ни нашли, даже те, кто не был виновен; ибо, я не знаю почему, не были пощажены бедняки, которые не могли иметь никакого отношения к этой измене; но они пострадали за это, и даже больше, чем те, кто был руководителями предательства. В тот день в городе Лимож не было ни одного столь ожесточенного сердца, обладавшего хоть каким-то чувством религии, которое не оплакивало бы глубоко печальные события, происходившие на их глазах; ибо в тот день было предано смерти свыше 3000 мужчин, женщин и детей. Да смилуется Господь над их душами, ибо они были настоящими мучениками.' И все же человеком, чья память запятнана этим преступлением, одним из самых черных в истории, был тот, кого не только его собственная страна, но и Европа того времени окрестили Зеркалом рыцарства; и те, кто слепо, но (согласно все еще распространенной софистике милитаризма) справедливо выполняли его приказы, насчитывали среди них по крайней мере три самых благородных имени в Англии.

Отсутствие в рыцарстве какого-либо чувства, достаточно сильного, чтобы спасти жизни женщин от меча воина, делает маловероятными *априори* какие-либо острые угрызения совести против того, чтобы делать их военнопленными. Во Франции такие сомнения были сильнее, чем в Англии. Солдаты Черного принца взяли в плен герцогиню Бурбонскую, мать короля Франции, и заточили ее в замке Бельперш, откуда впоследствии ее препроводили в Гиенну и потребовали

выкуп за ее освобождение. Подобные факты характерны для всего периода с двенадцатого по пятнадцатый век. Когда крестоносцы под командованием Ричарда I. взяли Мессину штурмом, они увезли вместе с другой законной добычей всех самых благородных женщин, принадлежавших сицилийкам.[38] Эдуард I. взял в плен королеву Роберта Брюса и ее фрейлин, а также графиню Бьюкенен, которая короновала Брюса. Последняя, сказал он, поскольку она не пользовалась мечом, не должна погибнуть от него; но за свой незаконный заговор она должна быть заключена в камеру из камня и железа, круглую, как корона, которую она дала; и в Бервике она должна быть подвешена под открытым небом, на зрелище путешественников, и за ее вечный позор. Соответственно, для нее была оборудована башенка с прочной решеткой, сделанной из прочных столбов и железных прутьев.[39] В пятнадцатом веке англичане в своей войне на французской границе, по словам Монстреле, "взяли много пленных и даже увезли женщин, как благородных, так и нет, которых они держали в тесном заключении, пока те не выкупили себя".[40] Следовательно, представление о том, что в те времена на войне проявлялась какая-то особая вежливость по отношению к слабому полу, должно быть воспринято с предельной широтой. В 1194 году Генрих, император римлян, взяв штурмом Салерно в Апулии, фактически выставил на аукцион своим войскам жен и детей знатных граждан, которых он убил и сослал.

Перейти к обращению с военнопленными, которые, следует помнить, были только теми, кто мог пообещать выкуп. Старый историк Ховеден, говоря о битве, которая произошла в 1173 году, говорит, что в ней пало более 10 000 фламандцев; остальные, которые были взяты в плен, были брошены в тюрьму в оковах и там умерли от голода. Нет никаких свидетельств того, сохранялась ли в моде смерть от голода и как долго она сохранялась; но железные цепи были обычным явлением даже в четырнадцатом веке или позже среди немцев и испанцев, причем вымогательство более крупного выкупа было мотивом увеличения веса цепей и общего дискомфорта тюрьмы. Условно-досрочное освобождение заключенного за выкуп было шагом, начатым французами, который естественным образом возник в условиях боевых действий, в ходе которых большинство участников боевых действий были лично знакомы, но это все равно было настолько исключительным поведением, что Фруассар всегда говорит о нем с высокой похвалой. Кроме того, это было наступление, которое часто возникало из самых простых соображений дела, как, например, когда после битвы при Пуатье англичане обнаружили, что их пленных вдвое больше, чем их самих, поэтому, принимая во внимание риск, которому они подвергались, они либо получали от них выкуп на месте, либо предоставляли им свободу в обмен на обещание доставить деньги за выкуп на Рождество в Бордо. Бертран дю Геклен сделал то же самое с английскими рыцарями после их поражения при Понваллине; и именно в связи с этим последним случаем Фруассар обращает внимание на превосходство французов над немцами в том, что они не заковывали своих пленников в кандалы с целью получения более крупного выкупа. 'Будь они прокляты за это,' восклицает он о немцах. 'Это народ без жалости и чести, и они никогда не должны получать пощады. Французы хорошо обращались со своими пленными и вежливо выкупали их, не будучи к ним слишком суровыми.

Тем не менее мы должны подозревать, что такого рода любезность была скорее случайной, чем обычной. Об этом самом Дю Геклене, которого Сен-Пале называет цветком рыцарства,[41] рассказываются две истории, которые проливают иной, но любопытный свет на нравы тех времен. Однажды нанеся поражение англичанам и взяв многих из них в плен, Дю Геклен попытался соблюсти правила справедливого распределения при разделе пленников, но, не добившись успеха и не сумев выяснить, кому на самом деле принадлежали пленники, он и

Клиссон (которые были братьями по оружию), чтобы положить конец разногласиям, которые победоносные французы имели друг с другом по этому вопросу, пришли к выводу, что единственным справедливым решением было бы уничтожить их всех, и соответственно более 500 англичан были хладнокровно преданы смерти за воротами Брессьера.^[42] И так, во втором случае было захвачено такое количество англичан, что "не было никого, вплоть до самого простого солдата, у кого не было бы какого-нибудь пленника, за которого он рассчитывал получить хороший выкуп; но поскольку между французами возник спор о том, кому принадлежал каждый пленник, Дю Геклен, чтобы уравнивать их всех, приказал им предать всех мечу, и только английские вожди были пощажены.^[43] Этот свирепый воин, продукт и гордость своего времени, любимый герой французского рыцарства, был отвратителен лицом и фигурой; и если мы подумаем о нем, с его круглым смуглым лицом, приплюснутым носом, зелеными глазами, взъерошенными волосами, короткой шеей, широкими плечами, длинными руками, коротким туловищем и плохо сложенными ногами, мы, очевидно, получим один из худших образцов того типа, который так долго был проклятием человечества, - воина средневековой Европы.

Таким образом, в отношении заявления Хэллема о том, что рыцарская вежливость постепенно привела к снисходительному обращению с пленными, которое было почти неизвестно древности, ясно, что было бы неразумно слишком придавать значение сравнению в этой области между дохристианскими и постхристианскими войнами. Во время осады Толедо Беск де Виленес, соратник Дю Геклена по войне в Испании, чтобы запугать осажденных и заставить их сдаться, приказал установить перед городом столько виселиц, сколько он взял пленных, и фактически палач повесил с этой целью более двух дюжин. На страницах Ливия или Фукидида может быть описано много дурных поступков, но, по крайней мере, нет ничего хуже деяний Беска де Вилена, или Дю Геклена, коннетабля Франции, или Эдуарда, Черного принца Англии.

Есть еще один момент, помимо заковывания пленников, в котором Фруассар обращает внимание на исключительное варварство испанцев; и ни при какой оценке военного образа жизни в самые пальмовые дни рыцарства было бы разумно полностью исключить Испанию. Во время войны между Кастилией и Португалией войска под командованием дона Иоанна Кастильского осадили Лиссабон, плотно обложив его; и если кто-либо из португальцев попадал в плен в стычке или иным образом, им выкалывали глаза, отрывали ноги, руки или другие члены тела, и в таком тяжелом состоянии их отправляли обратно в Лиссабон с сообщением, что, когда город будет взят, пощады никому не будет. Такова была история, рассказанная португальским послом герцогу Ланкастерскому и повторенная от его имени Фруассаром. К чести человечества, не говоря уже о рыцарстве, можно было бы вообще не верить в эту историю или рассматривать ее как эпизод, стоящий особняком от общей практики того времени, поскольку это единственный в своем роде, рассказанный Фруассаром. Но молчание летописца может объясняться как частотой, так и редкостью той или иной практики, и нет никаких сомнений в том, что увечья описанного рода были обычным явлением в рыцарский период, даже если они устарели или почти устарели в четырнадцатом веке. Слепление и кастрация были не только наказаниями, применявшимися за нарушения лесных законов нормандских королей Англии, но и обычной участью пленных врагов с оружием в руках по всей Европе в одиннадцатом и двенадцатом веках. Так, например, поступили со своими валлийскими пленниками графы Шрусбери и Честер в 1098 году; а также с Вильгельмом III, королем Сицилии, от рук Генриха,

императора римлян, в 1194 году. В конце XII века, в войне между Ричардом I Английским и Филиппом Августом французским, к ослеплению прибегли с обеих сторон; ибо Ховеден прямо говорит: 'Король Франции выколол глаза многим подданным английского короля, которых он взял в плен, и это спровоцировало короля Англии, как бы он того ни не желал, на аналогичные акты нечестия'. И в качестве последнего примера, в 1225 году миланцы, взяв в плен 500 генуэзских арбалетчиков, лишили каждого из них глаза и руки в отместку за увечья, нанесенные их луками.^[44] Так что было бы интересно, если возможно, узнать от какого-нибудь историка дату и причину прекращения столь глубоко варварских и жестоких обычаев.

Опять же, по правилам рыцарской войны все лица, обнаруженные в пределах города, взятого штурмом, подлежали ответственности, и все взрослые мужчины, вероятно, были убиты. Бертран дю Геклен взял за правило перед нападением на объект угрожать его командиру альтернативой капитуляции или смерти; военный обычай, возможно, столь же древний, как сама война, и дошедший неизменным до наших дней. Только при своевременной капитуляции осажденные могли лелеять какую-либо надежду на сохранение своей жизни или состояния; и даже предложение о капитуляции могло быть отклонено, и вместо этого требовалась безоговорочная капитуляция. Это подтверждается хорошо известной историей Эдуарда III. история об осаде Кале, которую иногда подвергают сомнению только потому, что она опирается исключительно на авторитет Фруассара. Губернатор Кале предложил сдать город и все, что в нем есть, в обмен на простое разрешение покинуть его в безопасности. Сэр Уолтер Мэнни ответил, что король решил, что они должны подчиниться исключительно его воле, чтобы получить выкуп или убить их, как ему заблагорассудится. Француз возразил, что они скорее подвергнутся самым ужасным испытаниям, чем смирятся с тем, что самому маленькому мальчику в Кале приходится хуже, чем остальным. Король упрямо отказывался менять свое решение, пока сэр Уолтер Мэнни, настаивая на нежелании его офицеров размещать гарнизоны в его замках с перспективой репрессий, которые такое осуществление его права на войну сделало бы вероятными, Эдуард не смягчился настолько, что настоял на том, чтобы оставить шестерых граждан Кале в полном распоряжении для его мести. Когда шестеро, принесших себя в жертву за остальных своих сограждан, предстали перед королем, последний, хотя все рыцари вокруг него были тронуты даже до слез, немедленно приказал обезглавить их. Все присутствующие умоляли за них, и прежде всего сэр Уолтер Мэнни, в соответствии с его обещанием французскому губернатору; но все было напрасно, и если бы не мольбы королевы, эти шестеро граждан пали бы жертвами дикого гнева безжалостного Эдуарда.

Два факта подтверждают вероятную правдивость приведенного выше повествования Фруассара. Во-первых, оно полностью соответствует поведению того же воина при взятии Кана. Когда король услышал, какой вред жители причинили его армии своей энергичной обороной, он отдал приказ перебить всех остальных жителей, а город сжечь;^[45] и если бы не увещевания сэра Годфри де Харкорта, нет оснований сомневаться, что таким образом он насытил бы, как и жаждал, энергичного туземца. дикость его души. Во-вторых, эта история полностью соответствует общему военному правилу того и более позднего времени, в силу которого победитель всегда мог воспользоваться бедственным положением своего врага, чтобы настоять на капитуляции по своему усмотрению, что, конечно, было равносильно капитуляции перед смертью или чем-то еще.

Насколько часто в таких случаях приводилась смерть, можно показать из некоторых рассказов Монстрелета о капитуляциях. Когда Мо сдался Генриху V, шестеро защитников были названы по

именам для передачи в руки правосудия (таково было распространенное выражение), а четверо вскоре после этого были обезглавлены в Париже.[46] Когда Мейлан сдался регенту, герцогу Бедфорду, из числа тех, кому герцог даровал жизнь, было специально выделено несколько человек, "чтобы они оставались в распоряжении лорда-регента".[47] Когда несколько французских солдат, укрывшихся в форте, были настолько плотно осаждены графом-маршалом Англии, что были вынуждены сдаться по собственному усмотрению, многие из них были повешены.[48] Когда гарнизон Гиза капитулировал перед сэром Джоном де Люксембург, всеобщее помилование было даровано всем, за исключением некоторых, кто должен был предстать перед правосудием.[49] Когда тот же капитан с примерно тысячей человек осадил замок Гетрон, в котором находилось около шестидесяти или восьмидесяти французов, последние предложили сдаться при условии сохранения их жизней и состояния; "им сказали, что они должны сдаться по своему усмотрению. В конце концов, однако, губернатор согласился с тем, что сэр Джон пощадит от четырех до шести его людей. Когда это соглашение было заключено и даны обязательства по его выполнению, губернатор вернулся в замок и был осторожен, чтобы не рассказывать своим спутникам обо всем, что произошло на совещании, дав им понять в целом, что они должны уйти в безопасности; но когда замок был сдан, все в нем были взяты в плен. На следующее утро по приказу сэра Джона де Люксембург все они были задушены и повешены на деревьях неподалеку, за исключением четырех или шести ранее упомянутых — один из их товарищей выполнял обязанности палача.[50] Еще одно из этих черных деяний, столь распространенных среди рыцарских воинов, и это утверждение, возможно, будет признано доказанным. Французы овладели замком Руан, но через двенадцать дней были вынуждены сдаться по собственному усмотрению англичанам; 'все они были взяты в плен и поставлены под хорошую охрану; и вскоре после этого сто пятьдесят человек были обезглавлены в Руане".[51]

Давайте перейдем теперь от живого к неодушевленному миру, затронутому войной. Поджог Граммона в более чем двухстах местах является наглядным примером обычного использования поджога в качестве боевого оружия в рыцарский период. Поджог незащищенного города или деревни не считался подлостью; это было так же часто, как уничтожение посевов, фруктовых деревьев или других источников существования людей. Обычай вырывать виноградные лозы или фруктовые деревья сильно контрастирует с приказом Ксеркса своим войскам щадить рощи во время их похода; и любой читатель древней истории признает огромное ухудшение языческих законов войны, которые раскрывает каждая страница истории христианского рыцарства.

Но как ни мало терпения проявлялось на войне по отношению к беззащитным женщинам и детям, или к посевам и домам, которые давали им пищу и кров, возможно, следовало ожидать, что во времена, когда не возникало серьезных разногласий, разделяющих христианство, и когда защита религии и религиозных церемоний входила в число провозглашаемых обязанностей рыцарства, церкви и священные здания должны были пользоваться особым иммунитетом от разрушительных действий войны. Даже в языческих войнах храмы противника, как правило, оставались в стороне; такой акт, как разрушение римлянами священных сооружений Марсов при Германике, противоречил лучшим традициям римского военного прецедента.

Хотя по правилам войны, говорит Полибий, было допустимо уничтожать гарнизоны, города, посевы противника или что-либо еще, что могло ослабить его власть, разрушение таких вещей,

как его статуи или храмы, было проявлением простой ярости и безумия, от чего ни одна сторона не получала никакой пользы или вреда; и в дохристианских войнах нет многочисленных упоминаний о нарушениях этого правила.^[52] Практика римлян и македонян мирно встречаться во время войны на острове Делос из-за его святости как предполагаемого места рождения Аполлона,^[53] не имеет аналогов в истории войн между народами Христианского мира. Самое большее, что можно сказать о четырнадцатом веке в этом отношении, - это то, что церкви и монастыри охранялись чуть более сильными угрызениями совести, чем жизни женщин и детей. Это подразумевается в отчете Фруассара о штурме Герранда: "Мужчины, женщины и дети были преданы мечу, а прекрасные церкви кощунственно сожжены; это привело лорда Льюиса в такую ярость, что он немедленно приказал повесить двадцать четыре самых активных человека на месте".

Но малейшая озлобленность снимала все сомнения в пользу священных зданий. Ричард II, переправившись со своей армией через Твид, поселился в прекрасном аббатстве Мелроуз; после чего монастырь, хотя и уцелевший во всех предыдущих войнах с Шотландией, был сожжен, потому что англичане решили, как говорит Фруассар, разрушить все в Шотландии, прежде чем вернуться домой, в отместку за недавний союз, заключенный этой страной с Францией. Аббатство Данфермлин, где раньше хоронили шотландских королей, также было сожжено в ходе той же кампании; и так же обстояло дело со всеми другими частями Шотландии, которые захватили англичане; ибо они "не пощадили ни монастырей, ни церквей, но предали все огню".

Не проявилось большей степени рыцарства и в том, что касалось способов ведения войны и оружия. Хотя разум не может выдвинуть обоснованных возражений против средств разрушения, к которым прибегают враждебные силы, будь то отравленные стрелы, разрывные пули или динамит, тем не менее определенные вещи, как правило, исключаются из категории справедливой военной практики, как, например, отравление воды противника. Но воины четырнадцатого века, даже если их оправдывают за отравление рек и колодцев, не стеснялись отравлять воздух, что, возможно, почти равносильно. Огромные машины, которые они называли "Свиноматки" или "Бараны", подобные той, шириной 120 футов и длиной 40 футов, из которой Филипп фон Артефельд и жители Гента бросали в Ауденарде тяжелые камни, деревянные балки или бруски раскаленной меди, должно быть, сделали жизнь внутри такого места достаточно неприятной; но можно было впрыснуть вещи и похуже, чем медные бруски или деревянные снаряды. Герцог Нормандии, осаждавший английский гарнизон в Тин-л'Эвеке, приказал забросить в замок мертвых лошадей и прочую падаль, чтобы отравить гарнизон запахом; и поскольку воздух был жарким, как в разгар лета, неудивительно, что веления разума вскоре восторжествовали над духом сопротивления. А при осаде Грейва рыцарство Брабанта использовало аналогичную падаль, чтобы вынудить гарнизон сдаться.

Даже в оружии отчетливо различимы различные степени варварства, в зависимости от того, предназначено ли оно для нанесения раны, выводящей из строя, или раны, которая вызовет ненужные рваные раны и боль из-за сложности их удаления. Стрела или копье с зазубринами, конечно, символизируют последний объект, и стоит посетить в Кенсингтонском музее оружие с несколькими зазубринами из разных уголков мира, чтобы узнать, до каких пределов может пойти военная изобретательность в этом направлении. Наконечники копий крестоносцев были зазубрены;^[54] такими же были стрелы, использовавшиеся в Креси и в других местах, как можно видеть по ссылке на рисунки рукописи, цель которых состояла в том, чтобы сделать

невозможным их извлечение без разрыва плоти. Сарбакан, или длинная полая трубка, использовался для стрельбы отравленными стрелами по врагу;[55] сохранились изображения пузырьков с горючими веществами, которые часто прикрепляли к концам стрел и копий.[56]

Приведенные выше факты ясно демонстрируют манеру и дух, с которыми наши предки вели войну во времена того, что Халлам называет рыцарской добродетелью: одного из самых грандиозных исторических обманов, который когда-либо стал общепринятым предметом народного верования. Военные обычаи греков и римлян были мягкими и отточенными по сравнению с неизмеримой дикостью, которой отличались христиане времен Фруассара. Что касается положительных черт, редкого великодушия или учтивости по отношению к врагу, их можно было бы почти в таком же изобилии привести в рассказах о войнах краснокожих индейцев; но что бросает особое пятно на образ шевалье, так это показная связь религии со зверствами этих жаждущих крови мародеров. Церковь посредством особого религиозного богослужения благословила и освятила как рыцаря, так и его меч; и самый торжественный обряд христианской веры был осквернен до уровня подготовки к битве. На Пасху и Рождество, великие религиозные праздники исповедующего миролюбие богослужения, псалом, который считался наиболее подходящим для исполнения в часовнях папы Римского и короля Франции, начинался так: "Benedictus Dominus Deus meus, qui docet manus meas ad bellum et digitos meos ad proelia".

Любопытной особенностью этой религии войны было то, что, когда войска Эдуарда III вторглись во Францию, суеверия, заставлявшие их соблюдать Великий пост, были настолько строгими, что среди прочего в страну были доставлены кожаные суда, с помощью которых добывали рыбу из озер и прудов противника.

Действительно, довольно странно, что христианство, которое могло требовать столь строгого соблюдения своих предписаний, как это подразумевается при перевозке лодок для ловли рыбы к Великому посту, оказалось бессильным как-либо обуздать свирепый милитаризм того времени; и очень немного, что когда-либо было сделано Церковью для сдерживания или гуманизации ведения войны, является вечным отражением так называемого обращения Европы в христианство. Тем не менее Церковь, надо отдать ей справедливость, использовала то влияние, которым она обладала на стороне мира, способом, который она уже давно упустила из виду; и папство в свои самые смутные дни никогда не было таким безразличным к злу войны, каким была протестантская церковь с тех пор и остается до сих пор. Климент VI. преуспел в заключении мира между Францией и Англией, как и Александр III. предотвратил войну между двумя странами в 1161 году. Иннокентий VI. пытался сделать то же самое; и Урбан V. вернулся из Рима в Авиньон, надеясь достичь той же цели. Григорий XI. был глубоко огорчен провалом усилий, аналогичных усилиям его предшественников. Папы действительно пытались остановить войны, как они пытались остановить турниры или использование арбалета; но они потерпели поражение из-за крайнего варварства рыцарства; и нельзя обвинять Римскую церковь, как это можно сделать Церковь Реформации, в том, что она когда-либо складывала руки в отчаянии и апатии перед обычаем, который она признавала порочным. Кардиналы и архиепископы тех дней постоянно участвовали в мирных, но не всегда бесполезных посольствах. И прелаты часто проповедовали обеим сторонам аргументы в пользу мира: факт, который сильно контрастирует с почти всеобщим молчанием и бессилием современной кафедры либо остановить войну, либо смягчить ее варварство.

Но это правда, что они одинаково хорошо знали, как воздействовать на военную силу и на тихий аккорд в своей аудитории; ибо красноречие архиепископа Тулузского обратило шестьдесят городов и замков в защиту интересов и прав французского короля в его ссоре с Англией; а проповеди прелатов и юристов Пикардии произвели аналогичный эффект в других крупных городах. Английское духовенство не замедлило, в отличие от французского, отстаивать права своего короля и страны, поскольку Саймон Тибальд, епископ Лондонский, произнес несколько длинных и прекрасных проповедей, чтобы продемонстрировать (как всегда демонстрируется в подобных случаях), что король Франции поступил крайне несправедливо, возобновив войну, и что его поведение полностью противоречило как справедливости, так и здравому смыслу.

Но эти апелляции духовенства к мнению своих прихожан также являются доказательством того, что в четырнадцатом веке мнение народа значило не так уж мало, как часто предполагается при заключении мира и ведении войны. И все же власть народа в этом отношении, несомненно, была столь же незначительной, сколь и остается до сих пор в наши дни: нет ничего более замечательного, даже в свободном правительстве современной Англии, чем влияние народа в теории и его влияние на деле на самый важный вопрос, касающийся их судеб.

Также нетрудно проследить моральные причины, из-за которых в те времена войны вспыхивали так часто и длились так долго, что те, кто сейчас читает о них, могут только удивляться, как вообще возникла цивилизация, даже в той несовершенной степени, в какой нам дано наслаждаться ею. Любовь к приключениям и надежда на славу, конечно, были одними из главных мотивов. Высказывание Адама Смита о том, что великий секрет образования заключается в том, чтобы направить личное тщеславие на соответствующие цели, содержит ключ ко всем достижениям, которые когда-либо были достигнуты в цивилизации, и ко всем недостаткам. Дикость средневековья была вызвана направлением личного тщеславия исключительно в военные русла, так что стремление к отличию часто проявлялось в формах совершенного абсурда, как в случае с молодыми английскими рыцарями, которые отправлялись за границу с закрытым одним глазом, связывая себя клятвой своим дамам не видеть своими глазами и не отвечать ни на что, о чем их попросят, пока они не проявят себя совершением какого-нибудь чудесного поступка во Франции. Постепенное открытие в более поздние времена других путей к отличию, помимо пути к оружию, значительно уменьшило опасность для общественного спокойствия, связанную с никчемным образованием наших предков.

Личное отличие воина также не достигалось каким-либо большим риском личной опасности. Личная опасность на войне уменьшалась в точном соотношении с рангом воюющего, и только низшие слои социальной иерархии безоговорочно рисковали своей жизнью. В случае поражения у них не было выкупа, который они могли бы предложить в обмен на милосердие, и, по-видимому, почти всегда они были убиты без такового. Если для любой из сторон было обычным делом договариваться перед битвой об именах тех, кто должен быть допущен к выкупу с другой стороны, то не было ничего необычного в том, чтобы решить, как это сделали англичане перед Креси, вообще не давать пощады врагу. Но, как правило, поле битвы представляло для рыцаря не большую опасность, чем турнир; и хотя многие погибали, будучи бессильными отвести длинный тонкий кинжал, называемый *мизерикордой*, от щелей своих доспехов или забрала шлемов, все же поразительным фактом в Фруассаре является огромное количество сражений, стычек и осад, в которых встречаются те же названия, доказывающие, как редко их носители были ранены, искалечены или убиты. Это, конечно, было связано

главным образом с великолепными защитными доспехами, которые они носили, что оправдывает удивление не только тем, как они сражались, но даже тем, как они двигались. Облаченные в кольчуги, нашитые или надеваемые поверх гамбезона или толстого нижнего белья из ткани или кожи, или в пластины из прочной стали, которые сначала надевались поверх кольчуги, а затем вместо нее, и часто с пластроном или нагрудником из кованого железа как под кольчугой, так и под гамбезоном, они, очевидно, мало опасались стрел, мечей или копий, за исключением случаев, когда они забывали опустить забрало шлема, как это сделал сэр Джон Чандос, когда он встретил свою смерть от ранения копьем в глаз (1370). Их главная опасность заключалась в ударах боевых топоров по шлемам, которые оглушали или ранили, но редко убивали их. Но пехотинцы и легкая кавалерия, хотя и были в целом хорошо экипированы, были менее защищены доспехами, чем рыцари, кольчуга разрешалась во Франции только лицам, обладавшим определенным состоянием; так что рыцари были менее опасны друг для друга, чем для тех, кто в силу условий боя не мог быть столь же опасен для себя.

Плащ также служил защитой рыцарю, указывая на выкуп, который он мог заплатить за свою жизнь. Иначе невозможно объяснить его готовность вступить в бой в этом длинном одеянии, ниспадающем поверх его стальных доспехов и всего остального снаряжения. Если бы сэр Джон Чандос не запутался в своем длинном плаще, когда поскользнулся, он мог бы дожить до многих других сражений во имя чести английского рыцарства. Богатство доспехов служило той же цели, что и плащ. В битве при Никополе, когда цвет французской знати потерпел столь сокрушительное поражение от турок, французские лорды, по словам Фруассара, были так богато разодеты в свои расшитые гербами плащи, что походили на маленьких королей, и многие какое-то время были обязаны своими жизнями исключительно богатству своих доспехов, что заставило сарацин считать их более могущественными лордами, чем они могли быть на самом деле. Таким образом, опять же, искусно сделанные золотые ожерелья, которые носили выдающиеся офицеры в семнадцатом веке, вероятно, были скорее символами выкупа, который могли заплатить их владельцы, чем просто для показухи и тщеславия. Именно беспечности на этот счет шотландцы были обязаны своими большими потерями в битве при Массельборо в 1548 году: ибо (перефразируя слова Патена современным языком) их "мерзость портвейна была причиной того, что так много великих людей и джентльменов было убито и так мало спаслось". Внешнего вида, видимости и признака, по которым незнакомец мог бы отличить негодяя от джентльмена, среди них не было.

Война в этих условиях главным образом повлияла на жизнь великих людей, приятно скрасив монотонность мирных дней. В мирное время у них было мало занятий, кроме соколиной охоты и переворачивания костей, а во время военных действий эти развлечения продолжались. Полевые виды спорта, о которых их восхвалители иногда говорят как об образе войны, не отсутствовали и в ее реальности. Эдуард III. ежедневно охотился и ловил рыбу во время своей кампании во Франции, имея при себе тридцать сокольников на лошадях, шестьдесят пар гончих и столько же борзых. И многие из его вельмож последовали его примеру, переправив своих ястребов и гончих через Ла-Манш.

Но предшествующие причины частых войн во времена рыцарства совершенно незначительны по сравнению с тем мотивом, который в наши дни находит выход главным образом в мирных каналах торговли, а именно, общим желанием наживы. Жажда славы имела к этому гораздо

меньшее отношение, чем жажда наживы; и ничто от начала и до конца Фруассара не проявляется так явно, как чисто корыстный мотив войны. Выкуп пленных или городов, или даже выкуп за убитых,[57] предоставлял короткий и царственный путь к богатству и был главным стимулом, поскольку это также было главной наградой за храбрость. Шевалье Баярд за свою жизнь заработал путем выкупов сумму, равную 4000л., что в те дни, должно быть, было состоянием;[58] а сэр Уолтер Мэнни за одну кампанию обогатился на 8000л. точно так же.[59] Таким образом, история о старом шотландском рыцаре, который в год всеобщего мира молился: "Господи, переверни мир с ног на голову, чтобы джентльмены могли зарабатывать на нем хлеб". Грабеж и разбой, современные привлекательные стороны разбойников, были тогда фактически главными искушениями рыцаря или солдата; и различие между последним и разбойником было гораздо меньшим, чем в прошлом. дохристианский период, или чем он является в более современные времена. Действительно, само слово *разбойник* первоначально означало просто пехотинца, сражавшегося в бригаде, и в этом смысле его использовал Фруассар; и только постоянное пристрастие первого к занятиям разбойника с большой дороги придало слову "разбойник" его последующее злое значение.

Но не только для простого солдата первым вопросом в случае войны была выгода, которую она могла извлечь; ибо люди из лучших семей аристократии были не менее склонны к сухопутному пиратству, которое тогда представляло собой войну, о чем свидетельствуют такие имена, как Калверли, Гурне, Олбрет, Хоквуд и Геклин. Дворянин, который был солдатом на войне, часто продолжал сражаться как разбойник после заключения мира и не считал ниже своего достоинства заставлять несчастных крестьян спасать свою жизнь; и, несмотря на перемирия и договоры, грабеж и выкупы были его главным и часто единственным источником существования. История Шарля де Бомона, умирающего от сожаления о потерянном выкупе, потому что по ошибке он убил, а не взял в плен герцога Бургундского в битве при Нанси, является прекрасной иллюстрацией господства самых низких меркантильных чувств над знатью Европы.

Эта наемническая сторона рыцарской войны была настолько упущена из виду в общепринятых ее описаниях, что стоит обратить внимание на то, насколько мало причина войны на самом деле касалась тех, кто принимал в ней участие, и насколько необоснованна идея о том, что люди потрудились сражаться за слабых или угнетенных под влиянием благородных порывов рыцарства, а не просто в каком-либо месте или ради какой-либо цели, которая сулила им перспективу наживы. Как иначе можно объяснить поведение Черного принца, сражавшегося за возвращение Педро Жестокого на трон Кастилии, с которого он был смещен в пользу Генриха Трастамарского не только оружием дю Геклена и французских флибустьеров, но и желаниями и согласием народа? Любая мысль о пострадавших людях или сочувствие к их освобождению так же мало приходили в голову Черному принцу, как если бы вопрос касался жаб или кроликов. При условии, что это давало повод для борьбы, не имело значения ни то, что Педро правил деспотично; ни то, что он убил или, по крайней мере, считалось, что убил свою жену, сестру правящего короля Франции; ни то, что он даже был осужден папой как враг христианской церкви. Тем не менее, перед битвой при Наваретте (1367), в которой Генрих потерпел полное поражение, принц, не колеблясь, в своих молитвах о победе утверждал, что он вел войну исключительно в интересах справедливости и разума; и именно за его успех в этом незаконном подвиге (успех, за которым только ожидался его отъезд из страны, за которого последовало восстание в пользу свергнутого им монарха) принц завоевал свой главный титул славы; что Лондон исчерпал себя зрелищами, триумфами и празднествами в его честь; и что

немцы, англичане и фламандцы с единовѣрным намерением победили. аккорд назвал его "зеркалом рыцарства". Принцу было всего тринадцать, когда он сражался при Креси, и сражался он храбро; он был всего на десять лет старше, когда выиграл битву при Пуатье, и он вел себя учтиво с пленным французским королем, от которого ожидал непомерного выкупа; но чрезмерные хвалебные речи, которыми его обычно осыпали, доказывают, сколь малопочтенными в действительности были военные идеалы его эпохи. О его разграблении Лиможа, прославившемся военными зверствами, уже говорилось; также не следует забывать, как еще одно свидетельство его характера, что, когда два гонца принесли ему повестку от короля Франции с требованием ответить на призыв гасконцев Аквитании, он фактически заключил их в тюрьму, показав себя, однако, в этом выше своей знати и баронов, которые фактически рекомендовали смертную казнь в качестве наиболее подходящего вознаграждения посланцам за их труды.

Вольные отряды, или орды разбойников, которые опустошали Европу на протяжении всего периода рыцарства и представляли собой величайшую социальную проблему того времени, были просто сформированы из рыцарей и латников, которые, когда общественная война больше не оправдывала их грабежи и убийства от имени государства, сами превратились в грабителей и убийц. После того, как Бретинский мирный договор положил конец военным действиям между Францией и Англией (1360 г.), 12 000 из этих людей, людей знатных и семейных, а также нуждающихся авантюристов и под предводительством лидеров всех национальностей, решили скорее, чем сложить оружие, отправиться в Бургундию, чтобы там за счет выкупов, которые они могли бы взимать, избавиться от нищеты, которую они не могли предотвратить иным способом. Многие войны не имели иного оправдания, кроме освобождения одного народа от его произвола путем обращения его против другого. Таким образом, дю Геклен повел свой Белый отряд в Испанию от имени Генриха Бастарда не столько для того, чтобы отомстить за жестокость Педро, сколько для того, чтобы освободить Францию от проклятия ее безработного рыцарства; и Генрих Бастард, когда с такой помощью он вырвал королевство Кастилия у своего брата Педро, спланировал вторжение в Гранаду просто для того, чтобы отвлечь от своих собственных территорий союзников, которые передали их ему во владение. В те дни это было постоянным источником войн, точно так же, как в наши дни существование больших армий неизбежно приводит к войнам за их использование; и даже крестовые походы получают некоторое объяснение из действия указанного мотива.

В самом деле, никакой исторический микроскоп не обнаружит никакой разницы между Вольными отрядами и регулярными войсками, поскольку не только последние слились с первыми, но и те и другие руководствовались единственным стремлением к наживе и были одинаково безразличны к идеям чести или патриотизма. Кредо обоих было подытожено в следующей исполненной сожаления речи, приписываемой Эмериготу Марселю, великому командиру мародерских банд: 'В мире нет наслаждения, подобного тому, которым наслаждались такие люди, как мы. Как мы радовались, когда, отправляясь на поиски приключений, встречали богатого аббата, купца или вереницу мулов, нагруженных тканями, мехами или специями из Монпелье, Безье и других мест! Все принадлежало нам или было выкуплено по нашей воле. Каждый день мы зарабатывали деньги, ... мы жили как короли, и когда мы уезжали за границу, страна трепетала; все было нашим, как при отъезде, так и при возвращении'.

Во времена рыцарства это стремление к наживе, каким бы приобретенным оно ни было, охватывало все классы людей, от низших до высших. Карл IV Французский, когда его сестра Изабелла, королева Эдуарда II, бежала к нему, пообещал помочь ей золотом и серебром, но тайно, чтобы это не привело его к войне; а затем, когда прибыли гонцы из Англии с золотом, серебром и драгоценностями для него и его министров, и он, и его совет за короткое время стали столь же холодны к делу Изабеллы, сколь и горячи, король зашел так далеко, что запретил кому-либо из своих подданных под страхом изгнания помогать его сестре в ее предполагаемом возвращении. И снова, когда Эдуард III. собирался начать войну с Францией, разве ему не сказали, что его союзники - люди, которые любят наживаться и которым необходимо заранее заплатить? И разве он не обнаружил, что разумное распределение флоринов было столь же эффективным средством привлечения на свою сторону герцога, маркиза, архиепископа и лордов Германии, как и более бедных граждан городов Фландрии?

Таким образом, деньги или их эквивалент, а не титул на корону Франции, лежали в основе войн, которые англичане вели за границей при Эдуарде III. Вопрос о титуле просто служил предлогом, прикрывающим низменные цели вторжения. Нет более очевидного исторического факта, хотя он и игнорировался в популярных историях Англии, чем то, что непопулярность его преемника Ричарда II была вызвана его браком с дочерью короля Франции и его желанием мира между двумя королевствами, доказательством и гарантией которого был этот брак. Когда его стремление к миру привело к формированию партии войны и мира среди английской знати, Фруассар говорит: "Более бедные рыцари и лучники, конечно, были за войну, поскольку от этого зависели их единственные средства к существованию.^[60] Они научились безделью и смотрели на войну как на средство существования.' Ссылаясь на великую мирную конференцию, состоявшуюся в Амьене в 1391 году, он замечает: 'Многие люди не сразу поверят тому, что я собираюсь сказать, хотя это чистая правда, что англичане больше любят войну, чем мир. Во время правления светлой памяти Эдуарда и при жизни его сына, принца Уэльского, они совершили такие грандиозные завоевания во Франции, и благодаря своим победам и выкупу городов, замков и людей приобрели такое богатство, что самые бедные рыцари разбогатели; а те, кто не был джентльменом по рождению, отважно рискуя собой в этих войнах, были обогатены своей доблестью и достоинством. Те, кто пришел после них, желали следовать тем же путем.... Даже герцог Глостер, сын короля Эдуарда, склонился к мнению палаты общин, как и многие другие рыцари и оруженосцы, которые жаждали войны, чтобы иметь возможность поддерживать свое государство".^[61]

Ни одна другая страна, действительно, не доставляла такого удовольствия этим английским рыцарям-разбойникам, как Франция, в плане военного грабежа. Поэтому англичане, вернувшиеся из похода в Кастилию, горько жаловались, что в больших городах, где они ожидали найти все, не было ничего, кроме вина, свиного сала и пустых сундуков; но совсем иначе обстояло дело во Франции, где они часто находили во взятых на войне городах такие богатства, которые поражали их; следовательно, именно в войне с Францией им следовало рисковать своими жизнями, поскольку это было очень выгодно, а не в войне с Кастилией или Португалией, где не было ничего, кроме нищеты и потерь.^[62]

С этим свидетельством Фруассара можно сравнить отрывок из Филиппа де Коммина, где он говорит, говоря о Людовике XI. ближе к концу следующего столетия: 'Наш повелитель был

хорошо осведомлен о том, что дворянство, духовенство и простые люди Англии всегда готовы вступить в войну с Францией не только из-за своих старых прав на ее корону, но и из желания наживы, ибо Богу было угодно позволить их предшественникам выиграть несколько памятных битв в этом королевстве и оставаться во владении Нормандией и Гиенной в течение 350 лет ... за это время они перевезли в Англию огромную добычу. Не только в награбленном в нескольких городах, но и в богатстве и качестве своих пленников, которые в большинстве своем были великими принцами и лордами и заплатили им огромные выкупы за их свободу; так что каждый англичанин впоследствии надеялся сделать то же самое и вернуться домой, нагруженный добычей".[63]

Итак, таковы были предпосылки порочного обычая войны, дошедшего до нашего времени; и мы сделаем первый шаг к его отмене, когда таким образом научимся понимать его реальное происхождение и место в истории и отвергнем как чистую галлюцинацию идею о том, что в войнах прошлого было чего-то благородного, великого или славного не больше, чем в настоящих. То, что в нем часто совершались отважные поступки и иногда проявлялось благородное поведение, не должно закрывать нам глаза на другие, более мрачные черты. Это была война, в которой даже женщины и дети не были защищены от меча или копья рыцаря или солдата; ни священные здания не были защищены от их ярости. Это была война, в которой проявленное время от времени милосердие имело корыстный оттенок; в которой побежденных щадили только ради их выкупа; и в которой пленники постоянно подвергались пыткам, увечьям и заковыванию в кандалы. Прежде всего, это была война, в которой люди сражались скорее из низменной жажды наживы, чем из какой-либо любви или привязанности к своему королю или стране, так что всякое чувство лояльности быстро испарилось бы, если бы такой король, как Ричард II, захотел жить в мире со своими соседями.

Немаловажно, что таким образом рыцарская война была показана в ее истинном свете. Ибо именно заблуждение относительно нее, которое больше, чем что-либо другое, поддерживает в живых романтические представления о войне и воинах, является самым фатальным препятствием на пути к удалению того и другого с лица земли. Мы явно доведем милитаризм до его последней обороны, если лишим его всех периодов и почти всех названий, на которые он привык полагаться как на основание для нашего восхищения или почитания.

ГЛАВА III. МОРСКАЯ ВОЙНА.

Una et ea vetus causa bellandi est profunda cupido imperii et divitiarum.—Sallust.

Грабеж как первая цель морской войны—Пиратское происхождение европейских флотов—Беспощадный характер войн на море—Состояния, нажитые каперством в Англии—Каперы по заказу государства—Каперов защищают публицисты—Различие между каперством и пиратством—Неспособность государства регулировать каперство—Каперство осуждено лордом Нельсоном—Каперство отменено Парижской декларацией 1856 года—Современные настроения против захвата частной собственности на море—Морская война во времена деревянных кораблей—Незаконные методы морской войны—Император Лев VI "Трактат о

тактике"—Использование брандеров-Смертная казнь за службу на брандерах—Торпеды первоначально рассматривались как "плохая" война-Английская и французская доктрина прав нейтралов—Собственность противника под нейтральным флагом, охраняемая Парижским мирным договором—Недостатки Парижского мирного договора в отношении: (1) определения того, что является контрабандой; (2) права на досмотр судов под конвоем; (3) Практики эмбарго; (4) *jus angariae*— Международного морского кодекса будущего.

Первое поразительное различие между военной и морской войной заключается в том, что, в то время как — по крайней мере теоретически — вооруженные силы страны ограничивают свои атаки личностями и мощью своего противника, военно-морские силы посвящают себя в первую очередь разграблению его собственности и торговли. Если на суше теория современной войны освобождает от разграбления все имущество противника, которое не способствует его военной мощи, то на море такой разграбление является общепризнанной целью морской войны. И разница, как нам говорят, является "необходимым следствием состояния войны, которое ставит граждан или подданных воюющих государств во враждебное отношение друг к другу и запрещает любые сношения между ними",^[64] хотя сама причина неприкосновенности частной собственности на землю заключается в том, что война является условием враждебности между вооруженными силами двух стран, а не между их соответствующими союзниками. жители.^[64]

Специалисты по публичному праву изобрели множество остроумных теорий, объясняющих и оправдывающих на рациональных основаниях столь фундаментальное различие между двумя видами ведения войны. "Присвоение торгового судна, - говорит доктор Уэвелл, - это очевидный способ показать (такому судну), что его собственное государство неспособно защитить его на море, и, таким образом, это способ нападения на государство";^[65] причина, которая в равной степени оправдала бы убийство неагенириев. Согласно Отефейлю, различия естественным образом вытекают из условий боевых действий, ведущихся с различными элементами, и особенно из отсутствия на море каких-либо опасений перед *массовым* восстанием, которое, поскольку может быть результатом массового грабежа на суше, служит в некоторой степени защитой от него.^[66]

Более простое объяснение может привести к возникновению морского пиратства, которое на протяжении многих веков было обычным явлением между английским и континентальным побережьями и из которого постепенно развились военно-морские силы Европы. Сэр Х. Николас, описывающий состояние военно-морского флота в тринадцатом и начале четырнадцатого века, подтверждает многочисленными фактами следующую картину: 'Во время перемирия корабли брались на abordaj, грабились и захватывались судами дружественной державы, как если бы шла настоящая война. Даже английские торговые суда подвергались нападениям и грабежам как в порту, так и в море со стороны английских судов, и особенно со стороны портов Чинкве, которые, по-видимому, были гнездами разбойников; и, судя по многочисленным жалобам, создается впечатление, что существовала общая система пиратства, которую ни одно правительство не было достаточно сильным, чтобы обуздать'.^[67]

Однако правительства тех дней были не только недостаточно сильны, чтобы сдерживать пиратов, но, как правило, были только рады использовать их в качестве вспомогательных сил в своих войнах с иностранными державами. Несколько английских кораблей, перевозивших войска во Францию, были рассеяны штормом, и Генрих III приказал морякам портов Чинкве в отместку нанести французам всевозможные увечья; поручение с их стороны было выполнено с

таким рвением, что они убили и разграбили не только всех иностранцев, которых смогли поймать, но и своих соотечественников, возвращавшихся из своих паломничеств (1242). В течение всего правления Генриха IV (1399-1413), хотя между Францией и Англией существовало перемирие, обычные военные действия на море продолжались так, как если бы страны находились в состоянии открытой войны.^[68] Целью обеих сторон были грабеж и бессмысленное опустошение; ни от их высадки на берегах друг друга, сжигания городов и посевов друг друга и отнятия собственности друг друга страны обеих сторон не извлекли ни малейшей выгоды. Монах из Святого Дениса показывает, что эти пираты действительно были моряками, от которых в основном зависела военно-морская служба Англии во время войны, поскольку, говоря об этом периоде, он говорит: 'Английские пираты, недовольные перемирием и не желающие отказываться от своих прибыльных занятий, решили наводнить море и нападать на торговые суда. Три тысячи самых искусных моряков Англии и Байонны объединились для этой цели, и, как предполагалось, с одобрения своего короля.' Только в 1413 году Генрих V попытался положить конец пиратским действиям английской морской пехоты, и тогда он сделал это, не требуя ответных усилий со стороны других стран Европы.^[69]

Поскольку морская война, таким образом, была просто продолжением морского пиратства, обычаи одного естественным образом стали обычаями другого; единственная разница заключалась в том, что во время войны пираты осуществляли свою привычную программу поджогов, резни и грабежей с разрешения и на жалованье государства, а также с помощью рыцарей и оруженосцев.

Из этой связи, следовательно, с самого начала на море преобладал более низкий характер ведения войны, чем на суше, и дух пиратства витал над водами. Обычная военно-морская служба проявляла не больше милосердия, чем пираты к экипажу захваченного или сдавшегося судна, поскольку раненые и невредимые одинаково выбрасывались в море. Когда флот бретонских пиратов разгромил английских пиратов в июле 1403 года и взял 2000 из них в плен, большую их часть они выбросили за борт;^[70] и в большом морском сражении между английским и испанским флотами 1350 года вся команда испанского корабля, сдавшегося графу Ланкастеру, была выброшена за борт", согласно варварскому обычаю того времени".^[71]

Две другие истории того времени еще больше демонстрируют полное отсутствие чего-либо похожего на рыцарские чувства в морских обычаях. Фламандский корабль, направлявшийся в Шотландию, был отброшен штормом к английскому побережью, недалеко от Темзы, а его команда была перебита местными жителями, король вознаградил убийц всем грузом, а корабль и такелаж оставил себе (1318).^[72] В 1379 году, когда флот английских рыцарей под командованием сэра Джона Арундела, направлявшийся в Бретань, попал в шторм, и сброс других вещей не помог разгрузить суда, шестьдесят женщин, многие из которых были вынуждены сесть на борт, были выброшены в море.^[73]

Следовательно, пиратское происхождение военно-морских сил Европы в достаточной степени объясняет тот факт, что грабеж, который является не столько правилом, сколько эпизодом войны на суше, остается ее главной целью и отличительной чертой на море. Этот факт также может быть объяснен сохранением пиратства, которое долгое время санкционировалось государствами под видом каперства. Если мы хотим понять популярность войн в Англии в старые каперские времена, мы должны вспомнить великолепные состояния, которые часто выигрывались в качестве призовых денег в карьере легализованного пиратства. Во время

войны, которая была завершена в 1748 году Экс-ла-Шапельским мирным договором, Англия захватила французских и испанских кораблей в совокупности 3434, в то время как сама она потеряла 3238; но, какой бы незначительной компенсацией ни казался этот баланс в 196 судов в ее пользу после примерно девятилетнего противостояния, денежный баланс в ее пользу, как говорят, составил 2 000 000 *фунтов стерлингов*.^[74]

Теперь мы начинаем понимать, почему наши предки звонили в церковные колокола при объявлении войны, как они это делали при объявлении этой войны Испании. Война представляла для широких слоев населения то же, что золотые рудники Перу представляли для Испании, — лучшую из всех возможных финансовых спекуляций. Только в 1747 году английские корабли взяли 644 приза; и какой огромной ценности они часто представляли! Вот список ценностей, которых нередко достигали грузы этих призов:

- Стоимость "Эрона", французского корабля, 140 000 *фунтов стерлингов*
- "Консепсьон", французское судно, 200 000 *фунтов стерлингов*
- У "Шарманты", французенки из Ост-Индии, 200 000 *фунтов стерлингов*
- Стоимость "Весталки", испанского корабля, 140 000 *фунтов стерлингов*
- Стоимость "Гектора", испанского корабля, 300 000 *фунтов стерлингов*
- Стоимость "Конкордии", испанского корабля, 600 000 *фунтов стерлингов*^[75]

Зарегистрировано, что два испанских регистрационных судна выплатили по 350 *фунтов стерлингов* каждому матросу на фок-мачте, принимавшему участие в их захвате. В 1745 году три испанских судна, возвращавшихся из Перу, были захвачены тремя каперами, владельцы последних получили в свои отдельные доли сумму в 700 000 *фунтов стерлингов*, а каждый простой моряк - по 850 *фунтов стерлингов*. Другой испанский галеон был захвачен британским военным кораблем с миллионом фунтов стерлингов в слитках на борту.

Этих фактов достаточно, чтобы развеять то удивление, которое мы могли бы в противном случае испытывать по поводу любви наших предков к участию, под любым предлогом или без такового, в военных действиях с Континентальными державами. Наша политика была, естественно, энергичной, когда она означала такие шансы для всех, кому не хватало ни ума, ни воли жить честно, и такую отдачу от капитала, вложенного в патриотическое снаряжение нескольких каперов. Но какое преимущество в конечном итоге получила любая из сторон после вычета всех потерь и расходов, или насколько эти национальные пиратства способствовали более быстрому восстановлению мира, были вопросами, которые, по-видимому, не входили в сферу военных рассуждений для рассмотрения.

Было сделано все, чтобы сделать привлекательной пиратскую жизнь, проведенную на службе государству. Первоначально каждое европейское государство заявляло о своей доле в призах, которые оно поручало добывать своим каперам; но тот факт, что каждое из них, в свою очередь, отказалось от своих притязаний, доказывает, насколько трудно было заставить этих слуг-пиратов передать свою добычу на рассмотрение призовых судов. Первоначально все каперы были обязаны доставлять захваченное оружие и боеприпасы своему суверену и сдавать процент от своей добычи государству или адмиралу; но вскоре случилось так, что суверены должны были платить за оружие, которое они, возможно, пожелали бы сохранить, и что вычитаемый процент был сначала уменьшен, а затем и вовсе отменен. Сначала 30%. было вычтено в Голландии, которое последовательно упало до 18%, до 10%, до нуля; и в Англии эти

10%. первоначально благодаря адмиралу была окончательно сдана капитуляция.[76] Экипаж также получал дополнительный денежный приз за каждого убитого или захваченного в плен на вражеском военном корабле или каперском судне и за каждую пушку пропорционально ее диаметру.[77]

Из всех изменений мнений, произошедших в мировой истории, ни одно не является более поучительным, чем то, которое постепенно произошло в отношении каперства и которое закончилось его окончательным отказом большинства морских держав от Парижской декларации 1856 года.

Вес авторитета публицистов долгое время был на ее стороне. Ваттель всего лишь сделал оговорку о справедливом ведении войны условием для того, чтобы примирить каперство с чистой совестью.[78] Валин защищал это как патриотическую службу, поскольку это освобождало государство от расходов на оснащение военных судов. Эмеригон осудил призыв пиратов как позорное, в то же время высоко оценив призыв каперов как честное и даже славное. И на протяжении многих поколений различие между ними считалось удовлетворительным: капер действовал по приказу своего суверена, пират - ни по чьему иному, кроме своего собственного.

С моральной точки зрения это различие само по себе мало что доказывало. Возьмем историю французского генерала Крийона, который, когда Генрих III предложил ему убить герцога де Гиза, как говорят, ответил: 'Моя жизнь и мое имущество принадлежат вам, сир; но я был бы недостоин французского имени, если бы нарушал законы чести'. Если бы он принял поручение, был бы поступок похвальным или позорным? Может ли поручение повлиять на моральное качество действий? У палача есть поручение, но нет ни чести, ни отличия. Почему же тогда преуспевающий капер часто получал дворянский титул или в подарок от своего короля меч?[79]

Исторически это различие имело еще меньше оснований. В старые времена отдельные люди совершали свои собственные грабежи или репрессии на свой страх и риск; но их действия ни в малейшей степени не стали менее пиратскими, когда примерно в тринадцатом веке репрессии были взяты под контроль государства и стали законными только на основании каперских свидетельств, должным образом выданных сувереном или его адмиралами. В своих действиях, поведении и процедурах в целом каперы более поздних времен ничем заметным не отличались от пиратов средневековья, за исключением того факта, что государство использовало их в своих предполагаемых интересах: и это различие, возникшее только с того времени, когда запрет снаряжать крейсера во время войны без государственной власти впервые стал обычным явлением, было, очевидно, скорее устаревшим, чем естественным.

Более того, попытка государства регулировать свою пиратскую службу потерпела полный провал. В четырнадцатом веке было принято заставлять офицеров каперского судна клясться не грабить подданных воюющей стороны, или дружественных держав, или судов, плавающих под охранными удостоверениями; в следующем столетии стало необходимым, в дополнение к этой клятве, настаивать на крупных денежных гарантиях;[80] и такие гарантии стали обычными положениями мирных договоров. Почти каждый договор между морскими державами примерно после 1600 г. содержал положения об ограничении злоупотреблений каперством; о ценности которых достаточно судить по жалобам, которые возникали во время каждой произошедшей войны на превышение каперами своих полномочий. Многочисленные постановления разных стран, угрожающие наказать как пиратов всех каперов, у которых были

обнаружены поручения отобеих воюющих сторон, дают нам еще большее представление о характере этих государственных служащих.

На самом деле, различие, основанное на обладании орденом, было настолько незначительным, что даже к каперам с орденами иногда относились как к настоящим пиратам, а не как к законным воюющим сторонам. В семнадцатом веке к флибустьерам и буканьерам, которые опустошали Вест-Индию и состояли из отверженных Англии и Континента, хотя Франция должным образом поручила им нанести максимальный ущерб испанским колониям и торговле в Вест-Индии, относились не лучше, чем к пиратам, если они случайно попадали в руки испанцев. И особенно это различие запрещалось, если возникали какие-либо сомнения относительно законности каперских свидетельств. Англия, например, поначалу отказывалась относиться к каперам своих восставших колонистов в Америке как к чему-то лучшему, чем пираты; и во время Французской революции она пыталась убедить европейские державы так поступать с каперами, нанятыми республиканским правительством. Россия согласилась с этим планом, но его осуществлению помешал только почетный отказ Швеции и Дании присоединиться к столь ретроградному нововведению.^[81]

Иллюзорное различие между призом пирата и призом капера в дальнейшем поддерживалось судебным аппаратом призового суда. Права захватчика не были полными до тех пор, пока военно-морской трибунал его собственной страны не урегулировал его претензии к кораблям или грузу противника или нейтрального государства. С помощью этого устройства конфискация была лишена сходства с грабежом, и на фундаментальное беззаконие всей системы был наложен тонкий слой законности. Если бы волкам было предоставлено решать вопрос о своих правах на захваченную овцу, у последней было бы примерно столько же шансов на освобождение, сколько у судов призового суда похитителя. Призовой суд еще никогда не был в равной степени представлен ни одной из воюющих сторон и не был составлен таким образом, чтобы быть абсолютно беспристрастным ни в отношении одной из них.

Но даже при условии, что призовой суд выносит свои вердикты со строжайшим учетом доказательств, какого характера могли быть эти доказательства, когда они исходили главным образом от казначея на борту капера, в чьи обязанности входило устное изложение обстоятельств каждого посещения или поимки, и который, поскольку ему платил и назначал капитан капера, получал прибыль в концерне от законности присуждения призов? Как легко представить, что беззащитное торговое судно оказало сопротивление при досмотре, и что, следовательно, по законам наций оно и его груз были законной добычей! Как соблазнительно фальсифицировать все обстоятельства, которые действительно сопровождали захват или которые юридически затрагивали права похитителей на награбленное!

Эти аспекты каперства вскоре привели непредвзятые умы к более здравому суждению о нем, чем это было заметно в общепринятом мнении. Моллой, английский писатель, говорил об этом еще в 1769 году следующим образом: "Хорошо, что они (каперы) были ограничены согласием всех принцев, поскольку все хорошие люди считают их на одно лицо с пиратами, которые без всякого уважения к делу, не причинив им никакого вреда, или даже нанявшись на службу, портят людей и товары, делая из этого даже торговлю и призвание".^[82] Немецкий публицист Мартенс в конце того же столетия назвал каперство привилегированным пиратством; но мнение Нельсона, пожалуй, имеет большее значение, чем все остальные; и в его мнении не остается никаких сомнений. В письме от 7 августа 1804 года он писал: "Если бы у меня было хоть

малейшее право контролировать каперов, поведение которых настолько позорно для британской нации, я бы немедленно отобрал у них комиссионные". В том же письме он отзывался о них как об орде санкционированных грабителей;^[83] а в другом случае он написал: "Поведение всех каперство, насколько я видел, настолько близко к пиратству, что я только удивляюсь, как какая-либо цивилизованная нация может его допускать. Законная, а также незаконная торговля нейтральным флагом подлежит любому нарушению и хищению".^[84] Однако именно ради такого грабежа, который Англия решила рассматривать как свое морское право и отождествлять со своим морским превосходством, под предлогом заботы о свободах Европы она вела свою долгую войну с Францией и, в свою очередь, стала врагом почти всех других цивилизованных держав в мире.

Парижская декларация, первая статья которой запрещала каперство между подписавшими ее державами, была подписана лордом Кларендоном от имени Англии; но на том основании, что формально она не была международным договором и никогда не была ратифицирована парламентом или короной, фактически в английском парламенте несколько раз предлагалось нанести ущерб чести Англии, объявив это соглашение недействительным.^[85] Лорд Дерби, ссылаясь на такие предложения, сказал в 1867 году: 'Мы дали обещание не только державам, подписавшим с нами соглашение, но и всему цивилизованному миру'. Это был язык настоящего патриотизма, который считает честь страны своим высшим интересом; другой был языком откровенного вероломства. В ноябре 1876 года российскому правительству также настоятельно рекомендовали в случае войны с Англией выдать каперские свидетельства против британской торговли, несмотря на международное соглашение об обратном.^[86] Маловероятно, что это было бы сделано; но эти ходатайства в разных странах придают жизненно важный интерес истории каперства как одного из законных способов ведения войны.

Более того, поскольку ни Испания, ни Соединенные Штаты, ни Мексика не подписали Парижскую декларацию, война с кем-либо из них возродила бы все зверства и споры, которые озлобляли предыдущие войны, в которых участвовала Англия. Прецедент прежних договоров, таких как между Швецией и Соединенными Провинциями в 1675 году, Соединенными Штатами и Пруссией в 1785 году и Соединенными Штатами и Италией в 1871 году, по которым любая из сторон соглашалась в случае войны не использовать каперов против другой стороны, дает очевидный пример того, что дипломатия еще может сделать, чтобы уменьшить шансы войны между подписавшими и не подписавшими державами.

Соединенные Штаты подписали бы Парижскую декларацию, если бы она освободила торговые суда воюющих сторон как от государственных вооруженных судов, так и от каперов: и это следует рассматривать как очередную победу закона над беззаконием. Россия и несколько других держав были готовы принять американскую поправку, которая, сначала провалившаяся только из-за противодействия Англии, впоследствии была отозвана самой Америкой. Тем не менее, эта поправка остается желанием не только цивилизованного мира, но и наших собственных торговцев, чья транспортная торговля, крупнейшая в мире, находится в опасности попасть в руки нейтральных стран в случае, если Англия станет воюющей стороной. В 1858 году бременские купцы подали официальный протест против права военных кораблей захватывать имущество и корабли купцов.^[87] В войне 1866 года Пруссия, Италия и Австрия согласились отказаться от этого освященного веками права взаимного грабежа; и император Германии попытался установить такое же ограничение в войне 1870 года. Старая максима войны, обычай которой является пережитком, уже давно опровергнута политической экономией — доктриной,

а именно, что проигрыш одной страны является выигрышем для другой, или что одна страна получает выгоду от точного размера ущерба, который она наносит собственности своего противника. Потеряв свою основу в разуме, остается только убрать ее из практики.

Если мы на мгновение обратимся от этого аспекта морской войны к фактическому ведению боевых действий на море, то желание насильственно завладеть кораблями противника, несомненно, оказало благотворное влияние, сделав человеческие потери менее значительными, чем это было в сражениях на суше. Чтобы захватить корабль, было желательно, по возможности, вывести его из строя, не разрушая; так что огонь с каждой стороны в большей степени был направлен против мачт и такелажа, чем против корпуса или нижних частей судна. В случае с "Бервиком", английским 74-пушечным кораблем, который под своим флагом уступил французскому фрегату "Альцест", только четыре матроса были ранены, и капитан, которому выстрелом из бруска снесло голову, был единственным убитым; и "столь незначительные потери были приписаны умелой стрельбе французов, которые, убедившись в захвате "Бервика" и желая, чтобы такой корабль был целым в их флоте, были достаточно мудры, чтобы нанести как можно меньше повреждений его корпусу".^[88] Великое сражение между английским и голландским флотами у Кэмпердауна (1795) было исключительным как по повреждениям, нанесенным обоими корпусам противников, так и, следовательно, по большим человеческим жертвам с обеих сторон. "Появление британских кораблей в конце боя было очень непохоже на то, что обычно бывает, когда французы или испанцы выступают против первых. Ни одна мачта и даже фок-мачта не были снесены; такелаж и паруса кораблей были в их обычном изодранном состоянии. Голландцы стреляли именно по корпусам своих противников".^[89] Поскольку англичане, естественно, нанесли ответный удар, хотя "в качестве трофеев появление голландских призов было отрядным", как военные корабли "они не были ни малейшим приобретением для военно-морского флота Англии".^[90]

Когда это происходило, что не могло не происходить часто в ожесточенных морских сражениях, правительство иногда возмещало захватчикам стоимость призов, которые они потеряли из-за серьезного характера конфликта. Так, в случае с шестью французскими трофеями, добытыми в битве на Ниле, только три из которых так и не достигли Плимута, правительство, "чтобы захватчики не пострадали за доблесть, которую они проявили, изрешетив корпуса захваченных кораблей, выплатило за каждый из уничтоженных 74-х, "Герье", "Эре" и "Меркюр", сумму в 20 000 фунтов стерлингов, что было равно стоимости наименее ценного из оставшихся 74-х".

Любопытно отметить различия в морской войне между законными и незаконными методами, аналогичные тем, которые бросаются в глаза на суше. Такие снаряды, как куски железной руды, заостренные камни, гвозди или стекло, исключены из списка предметов, которые могут использоваться в *хорошей войне*; и Санкт-Петербургская декларация осуждает разрывные пули как в отношении одного элемента, так и в отношении другого. Необоснованные обвинения одной воюющей стороны против другой, однако, всегда могут привести к фактическому применению незаконного метода обеими сторонами под предлогом репрессий; как мы видим из следующего приказа дня, изданного в Бресте французским вице-адмиралом маршалом Конфланом (8 ноября 1759 г.): 'Абсолютно противоречит законам наций вести плохую войну и стрелять снарядами во врага, с которым всегда нужно сражаться в соответствии с правилами чести, оружием, обычно используемым вежливыми нациями. Тем не менее, некоторые капитаны жаловались, что англичане применили такое оружие против них. Поэтому только на основании этих жалоб и с крайней неохотой было принято решение устанавливать на линейные суда

пустотелые снаряды, но категорически запрещается использовать их, пока противник не начнет".[91]

Итак, англичане, в свою очередь, обвинили французов в том, что они ведут плохую войну. Рану, полученную Нельсоном в лоб при Абукире, приписывали куску железа или выстрелу лэнгриджа.[92] И ранения, которые экипаж "Брансуика" получил от "Венджера" в знаменитом сражении между французским и английским флотами в июне 1794 года, как говорят, были особенно тяжелыми из-за того, что французы использовали дробь лэнгриджа из необработанной руды и старых гвоздей, а также из-за того, что они бросали в иллюминаторы вонючие горшки, что вызвало наиболее болезненные ожоги и ошпаривания.[93] Безопаснее всего полностью опровергнуть такие обвинения, поскольку нет предела варварству, которое может проявиться из-за слишком легкой доверчивости.

Раскаленный добела выстрел, законный для защиты сухопутных фортов от кораблей, раньше не считался хорошей войной в состязаниях кораблей друг с другом. В трехчасовом бою между "Лайвли" и "Туртерелем", французским капером, использование последним огнестрельного оружия, "которое обычно не считается почетным в бою", было сочтено неправильным, но неправильным со стороны тех, кто снаряжал судно для выхода в море, а не со стороны капитана, который их выпустил.[94] Говорят, что английские атакующие батареи, обстрелявшие Глюкштадт раскаленными ядрами в 1813 году, прибегли к "способу ведения войны, весьма необычному для нас со времен осады Гибралтара".[95]

‘Трактат о тактике’ императора Льва VI относит описание средств, применяемых против врага в морской войне, к девятому веку. Вещи, которые он рекомендует как наиболее эффективные: подъемные краны, чтобы сбрасывать тяжелые грузы на палубы противника; калътропы с железными шипами, чтобы ранить его ноги;[96] банки, полные негашеной извести, чтобы задушить его; банки с горючими веществами, чтобы сжечь его; банки с ядовитыми рептилиями, чтобы укусить его; и греческий огонь с его шумом, подобным грому, чтобы напугать, а также сжечь. он.[97] Многие из этих методов использовались с незапамятных времен; ибо Сципион знал достоинства банок, наполненных смолой, а Ганнибал - банок, полных гадюк.[98] Ничто не было слишком плохим для использования в те дни; также невозможно установить, когда и почему они перестали использоваться. Греческий огонь с большим успехом использовался в морских сражениях между сарацинами и христианами; и есть справедливый повод для удивления, что изобретение пороха настолько полностью вытеснило его, что само его производство было забыто. История также не фиксирует ни дату, ни причину отказа от негашеной извести, которая в знаменитом сражении при Дувре в 1217 году между французами и англичанами внесла столь значительный вклад в победу последних.[99]

Трудно поверить, что чувства гуманности должны были заставить отказаться от этих методов ведения боевых действий на море; но то, что такие мотивы привели к некоторому смягчению применения брандеров, явствует из отрывка из "Истории военно-морского флота" капитана Брентона, где он говорит: ‘Использование брандеров уже давно отложено в сторону к чести нации, которая первой отказалась от этого варварского усиления ужасов войны’. То есть, как он объясняет это, хотя брандеры продолжали сопровождать флоты, они использовались только на якорной стоянке, где был хороший шанс спастись команде, против которой они были посланы; их перестали использовать, как когда-то, для поджога или взрыва поврежденных кораблей,

которые завоеватель не осмеливался взять на абордаж и отвести в порт, и которые были покрыты ранеными и умирающими. Последний случай, когда они были так использованы англичанами, был в битве при Тулоне в 1744 году; и говорят, что их использование в этом случае вызвало заслуженный упрек со стороны историка того времени.^[100]

Поскольку служба на пожарном корабле требовала величайшей храбрости и хладнокровия — поскольку он, конечно, подвергался нападениям всеми возможными способами, и часто было трудно спастись на лодке, прикованной к нему цепью, — это демонстрирует чрезвычайную непоследовательность мнений по таким вопросам, что ее следовало рассматривать скорее как службу позора, чем чести. Моллой в 1769 году писал о том, что в его время практиковалось умерщвление заключенных, взятых с брандера: "Обычно люди, находящиеся на них, предаются смерти, если их захватывают".^[101] И другой автор говорит: "Может быть, трудно судить, из-за утонченной идеи или из-за самого решительного негодования по отношению к тем, кто действует на брандерах; но редко бывает пощады тем, кто попадает во власть врага".^[102]

Часовые машины, или торпеды, были введены в европейскую войну англичанами для уничтожения кораблей Наполеона в Булони в 1804 году. Примечательно, что поначалу их использование было отвергнуто капитаном Брентоном и лордом Сент-Винсентом, которые предвидели, что другие державы, в свою очередь, примут это нововведение.^[103] Французы, подобравшие некоторые из них недалеко от Булони, называли их адскими машинами. Но в настоящее время они, похоже, вполне утвердились как часть хорошей войны, несмотря на отсутствие какого-либо международного соглашения против них, например, того, которое существует против разрывных пуль.

Тот же Международный акт, который отменил первичное введение переговоров между подписавшими его державами, урегулировал также между ними два других спорных пункта, которые на протяжении веков были частой причиной войн и зависти, а именно ответственность за конфискацию имущества нейтральных государств, обнаруженного на кораблях противника, и за конфискацию имущества врага, обнаруженного на кораблях нейтрального государства.

По поводу абстрактного права воюющих сторон таким образом обращаться с кораблями или собственностью нейтральных держав публицисты долгое время вели ожесточенную борьбу, утверждая, что либо нейтральный корабль следует рассматривать как нейтральную территорию, либо что собственность противника является законным призом где бы то ни было. В то время как французская или континентальная теория рассматривала национальную принадлежность судна, а не его груз, так что товары нейтрального государства могли быть справедливо конфискованы на вражеском судне, но товары врага были в безопасности даже на нейтральном судне; английская теория была диаметрально противоположной, поскольку Адмиралтейство восстанавливало собственность нейтрального государства, захваченную на вражеском судне, но конфисковывало товары противника, если они были обнаружены на нейтральном судне. Это различие между английским правлением и правлением других стран было источником бесконечных раздоров. Фридрих II. Пруссия в 1753 году впервые воспротивилась притязаниям Англии захватить враждебную собственность, плававшую под нейтральным флагом. Затем против того же требования выступил первый Вооруженный нейтралитет 1780 года, возглавляемый Россией, и снова в 1801 году вторая вооруженная коалиция Северных держав. Таким образом, различие в правлении было, как и всегда должно быть, источником реальной слабости Англии из-за врагов, которых она создала против себя по

всему миру. И все же континентальная теория о свободных кораблях, производящих бесплатные товары, на протяжении поколений считалась настолько враждебной реальным интересам Англии, что лорд Нельсон в 1801 году охарактеризовал ее в Палате лордов как "предложение, настолько чудовищное само по себе, настолько противоречащее международному праву и настолько вредное для морских интересов Англии, что оправдывает войну со сторонниками такой доктрины до тех пор, пока в стране остается хоть один человек, хоть один шиллинг или хоть одна капля крови".^[104] Парижский мирный договор закрепил континентальное правило, и, несмотря на лорда Нельсона, свободные корабли теперь перевозят бесплатные товары.

Таким образом, тем фактом, что, если бы Англия сейчас находилась в состоянии войны с Францией, она не могла бы забрать французскую собственность (если только это не контрабанда) с русского или американского корабля, мы обязаны не публицистам, которые разделились по этому поводу, и не военно-морскому мнению, которое было настроено против этого, а случайному союзу между Францией и Англией в Крымской войне. Чтобы сотрудничать вместе, каждая из сторон отказалась от своего старого требования, согласно которому Франция была бы вольна наложить арест на имущество нейтральной страны, обнаруженное на российских судах, а Англия - на российское имущество, находящееся на судах нейтральной страны. Поскольку Соединенные Штаты и другие нейтральные державы, вероятно, с оружием в руках воспротивились бы притязаниям любой из них таким образом вмешаться в их нейтралитет, взаимная уступка была проявлением общей осмотрительности; и поскольку одно и то же противодействие было бы постоянным, со стороны любой из них не было большой жертвой увековечить и продлить договором по окончании войны соглашение, которое поначалу должно было действовать только до конца.

Однако, несмотря на то, что этот договор многое сделал для мира во всем мире, ассимилировав в этих отношениях морское право государств, он оставил без изменений многие обычаи, которые по-прежнему привлекают внимание реформаторов. Поэтому представляет определенный практический интерес рассмотреть, какого характера должны быть будущие изменения, поскольку, если мы не можем согласиться полностью прекратить боевые действия, следующее лучшее, что мы можем сделать, - это свести количество предлогов для этого к как можно меньшему количеству.

Таким образом, оговорка в пользу конфискации имущества, являющегося военной контрабандой, оставила нетронутым право посещать и обыскивать нейтральные или враждебные торговые суда на предмет контрабанды; хотя ничто не было более плодотворным источником разногласий, чем отсутствие общего определения того, что представляет собой контрабанда. Все, что без дальнейших манипуляций непосредственно увеличивает мощь противника, в качестве военного оружия, по всеобщему признанию, является контрабандой; но являются ли кукурузой и провизией, как утверждают некоторые авторы текстов, а другие отрицают; являются ли чеканкой деньги, лошади или седла, как было решено в 1863 году между Северными державами Европы; являются ли дегтем и смолой для кораблей, как это оспаривалось между Англией и Швецией в течение 200 лет; должен ли быть уголь, как утверждал принц Бисмарк против Англии в 1870 году; или же рис является угрожающей войной точкой различия между Англией и Францией в этот самый год войны. грейс; это вопросы,

которые остаются абсолютно нерешенными или оставлены на усмотрение договоров между несколькими державами или произвольного каприза воюющих сторон.

Парижская декларация в равной степени умалчивала о праве (которого требовали все державы, кроме Англии) военных кораблей, которые всегда были освобождены от досмотра, освобождать от досмотра также торговые суда, плавающие под их конвоем. Столь фундаментальное расхождение между морскими обычаями разных стран может сохраняться только под угрозой возникновения вражды и войны без какого-либо соответствующего преимущества в виде компенсации.

Парижская декларация также оставила нетронутым старое применение эмбарго. Нация, обиженная другой страной, все еще может захватывать суда этой другой страны, которые могут находиться в ее портах, чтобы привлечь внимание к своим претензиям; восстанавливая их в случае мирного урегулирования, но конфискуя, если последует война. Сходство этой практики враждебного эмбарго с грабежом, происходящим как бы посреди мирного времени ... следовало бы, - говорит один американский юрист, - сделать его позорным и вывести из употребления".[105] Было бы столь же разумно арестовать людей и имущество всех торговцев, проживающих в стране, как это раньше делали Франция и Англия. В 1795 году Голландия, будучи завоевана Францией, стала, таким образом, врагом Англии. Соответственно, "был отдан приказ захватить все голландские суда в британских портах"; в силу чего адмиралом порта было задержано несколько канонерских кораблей и от пятидесяти до шестидесяти торговых судов в Плимутском проливе.[106] Трудно представить себе что-либо менее оправданное в качестве практики между цивилизованными государствами.

Из варварского происхождения морского права в равной степени вытекает, что все корабли противника, потерпевшие крушение у наших берегов или вынужденные искать убежища в наших гаванях из-за неблагоприятных погодных условий или нехватки провизии, или по незнанию о существовании военных действий, должны становиться нашими по праву войны. Есть щедрые примеры обратного. Испанский губернатор Гаваны в 1746 году, когда английское судно было загнано во враждебный порт из-за неблагоприятных погодных условий, отказался захватить судно и взять капитана в плен; то же самое сделал другой испанский губернатор в случае с английским судном, капитан которого не знал, что Гондурас является враждебной территорией. Но эти случаи являются исключением; правилом является то, что враждебная держава пользуется невежеством или бедственным положением капитана, чтобы сделать его пленником, а его корабль - военным призом; еще одно доказательство, если потребуется, того, как мало великодушия действительно присутствует в ведении военных действий.

Еще большим злоупотреблением правами войны является то, что воюющее государство может делать все, что ему заблагорассудится, не только со всеми судами своих собственных подданных, но и со всеми судами нейтральных государств, которые оказались в пределах его юрисдикции в начале войны; что оно может, предварительно выплатив владельцам стоимость их груза, конфисковать такие суда и заставить их участвовать в перевозке его войск или военного снаряжения. И все же это так называемое *ангарское право*, к которому апеллировал князь Бисмарк, когда во время войны с Францией немцы потопили несколько британских судов в устье Сены.[107] Это правда, что мы получили щедрую компенсацию, но, тем не менее, в отмене этого права заинтересованы все Державы.

Если, таким образом, из предыдущего ретроспективного обзора явствует, что какой бы прогресс мы ни достигли в морских обычаях наших предков, он был обусловлен исключительно межнациональным соглашением и дружественным соглашением между главными державами мира, действующими с учетом их постоянных и коллективных интересов, то вывод, очевидно, в пользу того, что любой дальнейший прогресс возможен только таким же образом. Отречение каждой Державы идет на пользу всем без исключения; и при этом завоевание мира не может повлечь за собой каких-либо реальных потерь для нескольких составляющих его наций. Поэтому мы, возможно, не будем далеки от истины, если представим, что следующие статьи в дополнение к тем, которые были сформулированы в Париже в 1856 году, составят Международный морской кодекс, который в будущем будет признан наиболее рассчитанным на устранение источников раздора между нациями и, следовательно, наилучшим образом приспособленным к постоянным интересам договаривающихся сторон:

1. Каперство было и остается упраздненным.
2. Торговые суда и грузы воюющих сторон освобождаются от ареста и конфискации.
3. Колонии любой из воюющих сторон должны быть исключены из поля законных военных действий, и нейтралитет их территории должен распространяться на их корабли и торговлю.
4. Право посещения и обыска нейтральных или враждебных торговых судов на предмет военной контрабанды должно быть отменено.
5. Военная контрабанда определяется международным соглашением; и торговля такой контрабандой является нарушением гражданского законодательства, запрещена и наказывается каждым государством как нарушение его провозглашения нейтралитета.
6. За исключением случаев контрабанды, как указано выше, вся торговля между подданными любой из воюющих сторон должна быть законной, поскольку отдельные лица не более вовлечены в споры между правительствами своих стран на море, чем на суше.
7. Единственным ограничением торговли должна быть настолько эффективная блокада портов противника, чтобы сделать невозможным вход судов в них или выход из них; и простое уведомление о том, что порт блокирован, не должно оправдывать захват судов, которые вышли из них или направляются к ним в любой части мира.
8. Право налагать враждебные эмбарго на корабли дружественной державы по причине возникшего между ними спора должно быть отменено.
9. Право конфисковывать или уничтожать корабли дружественной державы для службы воюющему государству, *jus angariae*, должно быть отменено.

Что же тогда оставалось бы делать военно-морским силам морских держав? На это можно ответить, что все, что составляет законную войну и соответствует элементарной концепции состояния враждебности; блокада враждебных портов и вся игра в атаку и оборону, которую можно представить между воюющими флотами. Что бы ни было сверх этого — разграбление торговли противника, эмбарго на его корабли, досмотр нейтральных судов — не только является пиратством, как было показано, но фактически является пиратством само по себе, без какой-либо необходимой связи с ведением законных военных действий.

ГЛАВА IV. ВОЕННЫЕ РЕПРЕССИИ.

Si quis clamet iniquum non dare pœnas qui peccavit, respondeo multo esse iniquius tot innocentium millia citra meritum in extremam vocari calamitatem.—Эразмус.

Международное право о законных репрессиях—Брюссельская конференция по этому вопросу—Примеры варварских репрессий—Случаи отказа от возмездия—Жестокие репрессии во времена рыцарства—Самые распространенные репрессии за храбрую оборону, о чем свидетельствуют войны XV века—Обычай сохранился до наших дней—Массовое убийство побежденного гарнизона все еще является законом войны—Обстрел Страсбурга немцами—Жестокие войны Александра Македонского—Связь между храбростью и жестокостью—Отмена рабства в ее влиянии на войну—Последствия штурм Магдебурга, Брешии и Рима—Цицерон о римской войне—Репрессии немцев во Франции в 1870 году —Их возрождение обычая брать заложников —Их обращение к грабежу в качестве оправдания репрессий—Генерал фон Мольтке о вечном мире—Моральная ответственность профессии военного—Пресса как мощная причина войны—Призыв к отмене требований безоговорочной капитуляции, которые привели к бомбардировке Александрии в 1882 году.

Ни по одному вопросу, связанному с военными операциями, Международное право пока не пришло к более плачевным выводам, чем по поводу военных репрессий или мести, которая может быть справедливо осуществлена одной воюющей стороной другой за нарушение канонов ведения честной войны.

Генерал Халлек, например, в то время как по отношению к врагу, который применяет крайние права ведения войны, он оправдывает воюющую сторону в следовании этому примеру, отрицает право последней поступать так по отношению к врагу, который переходит все границы и ведет войну совершенно диким образом. Таким образом, хотя, по его словам, закон возмездия никогда не оправдывал бы такие акты, как массовое убийство заключенных, применение яда или беспорядочная резня, он рассматривал бы как законные репрессии такие акты, как взыскание Данией долгов, причитающихся с датчан британским подданным в отместку за конфискацию Англией датского флота в 1807 году, или арест Наполеоном всех английских путешественников во Франции в отместку за захват Англией и осуждение французских судов в 1803 году.^[108] И французский писатель в том же духе отрицает, что французское правительство имело бы право нанести ответный удар России, когда царь отправил своих французских военнопленных на рудники Сибири.^[109]

Это различие явно несостоятельно ни в одной рациональной теории законов карательного правосудия. Вы можете мстить за меньший, но не за больший вред! Вы можете отказаться от позорных военных действий, пригрозив репрессиями, но должны сложить руки и подчиниться, если ваш враг станет совершенно варварским! Вы можете помешать ему сжечь ваш урожай, сожгв его урожай, но должны быть довольны тем, что он останется без возмещения ущерба, если он убьет ваших жен и детей!

Насколько труден этот вопрос на самом деле, видно из попытки разрешить его на Брюссельской конференции 1874 года, когда следующие пункты составляли часть первоначального российского проекта, представленного на рассмотрение этой встречи:

Раздел IV. 69. "Репрессии допустимы только в крайних случаях с должным учетом, насколько это возможно, законов гуманности, когда будет неоспоримо доказано, что законы и обычаи войны были нарушены противником и что он прибегал к мерам, осуждаемым международным правом".

70. 'Выбор средств и масштабов репрессий должен быть соразмерен степени нарушения закона, совершенного врагом. Непропорционально суровые репрессии противоречат нормам международного права".

71. "Репрессии должны допускаться только с разрешения главнокомандующего, который также определяет степень их суровости и продолжительность".

Деликатность рассмотрения такого вопроса, когда воспоминания о франко-германской войне были еще свежи, привела в конечном счете к единодушному соглашению полностью исключить эти пункты и оставить этот вопрос, как выразился бельгийский депутат, в сфере неписаного права до тех пор, пока прогресс науки и цивилизации не приведет к полностью удовлетворительному решению. Тем не менее, большинство людей будут склонны, ссылаясь на эту резолюцию, сказать вместе с русским бароном Жomini, умелым председателем того Военного совета: "Я сожалею, что неопределенное молчание преобладает в отношении одной из самых горьких потребностей войны. Если бы подобная скрытность могла быть подавлена, я бы не мог не одобрить этот курс; но если ему все еще суждено существовать среди условий войны, следует опасаться, что эта скрытность и эта неизвестность могут снять любые ограничения с его существования".

Необходимость некоторого регулирования репрессий, подобного тому, которое содержится в положениях, предложенных в Брюсселе, подтверждается событиями войны 1870 года не в меньшей степени, чем обычаями в этом отношении, которые преобладали во все времена и которые, как и ранее, служат подходящим введением к этим более поздним событиям.

То, что страх репрессий должен действовать как определенная мера сдерживания характера военных действий, является слишком очевидным соображением, чтобы оно не всегда служило полезным ограничением для воинской повинности. Когда, например, Филипп II Испанский во время своей войны с Нидерландами приказал не освобождать и не обменивать военнопленных, а также не принимать никаких пожертвований в качестве иммунитета от конфискации, угроза возмездия привела к отмене его незаконного заявления. Да и за другими подобными примерами далеко ходить не придется.

Тем не менее, очевидно, что, поскольку саму войну редко удастся предотвратить с учетом противостоящих сил, ее специфические эксцессы, составляющие ее детали, будут сдерживаться страхом ответных мер; и поскольку основным преступлением чаще является распространение слухов, чем доказанный факт, обычным результатом репрессий является не то, что одна из воюющих сторон исправляет свои методы, а то, что обе воюющие стороны становятся более свирепыми и вступают в фатальную череду зверств по соперничеству. В войнах пятнадцатого века между турками и венецианцами "султан Магомет не позволил своим солдатам сдаться, но разрешил им по дукату за каждую голову, и венецианцы сделали то же самое".[110] Когда герцог Альва находился в Нидерландах, испанцы при осаде Харлема сбросили головы двух голландских офицеров со стен. Голландцы в ответ обезглавили двенадцать испанских пленников и отправили их головы в испанские траншеи. Испанцы в отместку повесили несколько пленников на виду у осажденных; а последние в ответ убили еще

больше пленных; и так продолжалось все время, пока Альва находился в стране, без малейшего улучшения в результате таких кровавых репрессий.^[111] При осаде Мальты великий магистр, в отместку за некоторые ужасные турецкие варварства, вырезал всех своих пленников и прострелил им головы из своей пушки в турецком лагере.^[112] В одной из войн Людовика XIV империалистические силы казнили французского лейтенанта и тридцать солдат через несколько часов после того, как пообещали им пощаду, Фейкьер в качестве возмездия уничтожил весь гарнизон двух городов, которые он захватил врасплох, хотя число убитых таким образом в каждом случае составило 650 человек (1689).^[113]

Ко всем этим случаям очень уместен вопрос, заданный Ваттелем: 'Какое право вы имеете отрезать нос и уши послу варвара, который подобным образом обошелся с вашим послом?' На этот вопрос нелегко ответить, поскольку на войне у нас не больше прав, чем в гражданской жизни, наказывать невиновных за виновных, за исключением обычных случайностей военных действий, даже если в противном случае нам придется вообще отказаться от возмещения ущерба. Делать это намеренно и хладнокровно - это жестоко, какими бы предложениями это ни оправдывалось, и никогда не стоит того мимолетного удовлетворения, которое это дает. Граждане Гента в своей знаменитой войне с графом Фландрским разрушили не только его дом, но и серебряную колыбель и корыто для купания, которыми он пользовался в детстве, и саму купель, в которой он был крещен; но о таких репрессиях вскоре сожалеют, и они вызывают сожаление в глазах загробного мира.

Приятнее привести некоторые примеры, когда воздержание от репрессий не оставалось без награды. Говорят, что цезарь в Иберии, когда, несмотря на перемирие, враг убил много его людей, вместо того, чтобы нанести ответный удар, освободил некоторых из своих пленников и тем самым заставил врага относиться к нему благосклонно. Мы читаем у Фруассара, что лиссабонцы воздержались от ответных действий против кастильцев, когда последние изувечили своих португальских пленников; и английское правительство поступило благородно, когда отказалось выполнить постановление Французского конвента (хотя это также подразумевалось как мера возмездия) о том, что ни один английский или ганноверский пленник не должен быть помилован.^[114] Но лучшая история такого рода - это та, что рассказана Геродотом о Ксерксе Персидском. Спартанцы бросили в колодезь персидских послов, которые пришли потребовать у них земли и воды. Раскаиваясь, они послали двух своих вельмож к Ксерксу на расправу; но Ксеркс, когда услышал цель их визита, ответил им, что он не будет действовать подобно спартанцам, которые, убив своих герольдов, нарушили законы, которые считались священными для всего человечества, и что в таком поведении, которое он обвинял в них, он сам никогда не был бы виноват.^[115]

Но наиболее любопытной чертой в истории репрессий является тот факт, что когда-то они считались справедливыми за простое преступление, связанное с враждебным противодействием или самообороной. Гроций утверждает, что римляне почти постоянно убивали предводителей врага, независимо от того, сдались они или были взяты в плен, в день триумфа. Югурта действительно был казнен в тюрьме; но более обычной практикой, по-видимому, было держать побежденных властителей под стражей после того, как их с триумфом провели перед колесницей консула. Такова была судьба Персея, царя Македонии, которому также было разрешено сохранить своих слуг, деньги, посуду и мебель;^[116] Гентия, царя

Иллирии;^[117] о Битуите, короле арвернийцев. Менее знатных пленников продавали в рабство или держали под стражей до тех пор, пока их друзья не заплатят выкуп.

Но в средневековой истории Европы, в так называемые времена рыцарства, в отношении обращения с пленными преобладал гораздо худший дух. Готфрид Бульонский, одно из самых ярких воспоминаний о рыцарстве, был ответственен за беспорядочную трехдневную резню, устроенную крестоносцами в ответ на шестинедельную осаду, которой им стоило взятие Иерусалима (1099). Император Барбаросса приказал доставить 1190 швабских пленников палачу в Милане или расстрелять из военных машин.^[118] Карл Анжуйский оставил много пленных, взятых в битве при Беневенте, для того, чтобы их убили как преступников при его въезде в Неаполь. Когда французы штурмом взяли замок Пескьер у венецианцев, они убили всех, кроме троих, которые сдались на милость короля; и Людовик XII, который считался гуманным монархом, хотя его жертвы предлагали 100 000 дукатов за свои жизни, поклялся, что не будет ни есть, ни пить, пока их не повесят (1509).^[119]

Возмущение римского сената по поводу одного случая с консулом, который продал в рабство 10 000 лигурийских пленников, хотя они сдались по своему усмотрению,^[120] было чувством, которое никогда не влияло на воинов средневекового христианского мира. Добровольная капитуляция перестала быть требованием пощады. Там, где язычник считал порабощение неправильным, христианин без колебаний убивал. История Фруассара о шести жителях Кале, которых Эдуард III. был с трудом удержан от повешения за упорную осаду, которой сопротивлялся их город, проливает свет на военные обычаи того времени, что с избытком подтверждают другие исторические события. Отчет о капитуляциях городов или гарнизонов не из приятных, но это отчет, которого необходимо коснуться, чтобы можно было оценить войну и ее все еще преобладающие принципы по их надлежащей ценности. Нам едва ли нужно путешествовать дальше, чем только по пятнадцатому веку, в поисках фактов, чтобы представить в надлежащем свете этот аспект военных жестокостей.

Когда город Руан сдался королю Англии Генриху V. Последний предоставил в его распоряжение троих граждан, двое из которых заплатились жизнью, а третий был обезглавлен (1419).^[121] Когда тот же король в следующем году осаждал замок Монтеро, он отправил около двадцати пленных на переговоры с губернатором о сдаче; но когда губернатор отказался вести переговоры даже ради спасения их жизней, и когда после страшного прощания со своими женами и родственниками их препроводили обратно в английскую армию, "король Англии приказал воздвигнуть виселицу и приказал повесить их всех на виду у тех, кто находился в замке.^[122] Когда англичане взяли штурмом замок Ружмон и около шестидесяти его защитников остались в живых, потеряв только одного англичанина, Генриха V. В отместку за его смерть все пленники были утоплены в Луаре.^[123] Когда Мо сдался тому же королю, было оговорено, что шестеро его самых храбрых защитников должны быть переданы правосудию, четверо из которых были обезглавлены в Париже, а его командир сразу же был повешен на дереве за стенами города (1422).^[124]

Не то чтобы в английском способе ведения войны была какая-то особая жестокость. Они просто соответствовали обычаям того времени, как мы можем убедиться, обратившись к французским и бургундским войнам, в которые они позволили себя втянуть. В 1434 году гарнизон Шомона "вскоре был настолько подавлен, что сдался по собственному усмотрению герцогу

Бургундскому (Филиппу Доброму), который повесил более 100 из них"; и как с горожанами, так и с теми, кто находился в замке.[125] Бурнонвиль, командовавший Суассоном от имени герцога Бургундского и которого Монстреле называет "цветком воинов всей Франции", был обезглавлен в Париже после взятия города по приказу короля и совета, и его тело повесили на виселице, как у обычного преступника (1414).[126] Когда бургундцы взяли штурмом Динан, около 800 пленных были утоплены перед съедением крупного рогатого скота (1466).[127] Когда город Сен-фру сдался герцогу Бургундскому, десять человек, оставленных в распоряжении этого воина, были обезглавлены; то же самое произошло и с городом Тонгр (1467).[128] После штурма и резни в Льеже, прежде чем герцог Бургундский (Карл Смелый) покинул город, "огромное количество тех бедняг, которые спрятались в домах, когда город был взят, и впоследствии попали в плен, были повешены" (1468).[129] В Несле большинство взятых живыми были повешены, а некоторым отрубили руки (1472).[130] После битвы при Грансоне швейцарцы отбили у французов два замка и повесили всех бургундцев, которых нашли в них. Затем они отвоевали город и замок Грансон и приказали зарубить 512 немцев, которых повесили бургундцы, и столько бургундцев, которые все еще были в Грансоне, подвесить на тех же поводьях (1476). В стычках, которые произошли во время перемирия на границах Пикардии между войсками французского короля и герцога Австрийского, "все пленные, которые были взяты с обеих сторон, были немедленно повешены, не разрешая никому, независимо от степени или звания, требовать выкупа" (1481). И в качестве кульминации этих фактов давайте вспомним указ герцога Анжуйского, который, когда Монпелье был взят в осаду, приговорил 600 заключенных к смертной казни, 200 - от меча, 200 - от веревки и 200 - от огня, и который, если бы не увещевания кардинала и монаха, несомненно привел бы свой приговор в исполнение.

Достаточно этих ужасных фактов! и странное понимание они дают нам истинного характера профессии, которая в те дни, когда подобные вещи были самым обычным явлением, считалась самой благородной из всех, но совершенно очевидно, что ее основными мотивами были просто любовь разбойников к грабежу и кровопролитию. Можно привести одну историю, чтобы показать, что в этом отношении шестнадцатый век ничем не отличался от пятнадцатого. Во время войны между голландцами и испанцами капитан замка Верд, ранее отказавшийся сдаться сэру Фрэнсису де Веру, попросил, наконец, о капитуляции с военными почестями; ответ Вира был таков, что военные почести были помехой для гарнизона, который осмелился защищать такую лачугу от артиллерии. Комендант был убит первым, а остальных 26 человек заставили тянуть черную и белую соломинки, 12 человек, которые тянули белую соломинку, были повешены, тринадцатому удалось спастись только потому, что он согласился выступить в роли палача над остальными![131]

Следовательно, ясно, что в войнах прошлого топор и повод играли такую же заметную роль, как меч или копье; факт, которому не всегда уделялось должное внимание в стандартных историях военных древностей. Удивительно обнаруживать, насколько близко к славе войны лежат отвратительные пошлости убийства.

Герцогу Сомерсету, регенту Англии при Эдуарде VI, по-видимому, принадлежит заслуга в установлении более мягкого обращения с осажденным, но сдавшимся гарнизоном, чем это было принято ранее. Историк Де Ту говорит о восхищении герцога за то, что тот пощадил жизни шотландского гарнизона, вопреки "древнему правилу ведения войны, которое гласит, что слабый гарнизон теряет всякое право на милосердие со стороны победителей, когда они,

проявляя больше мужества, чем осмотрительности, упрямо защищают плохо укрепленное место от королевской армии', или отказываются от разумных условий.

Но древняя максима, несмотря на этот лучший пример, сохранялась на протяжении всего семнадцатого и до конца восемнадцатого века, поскольку мы находим, что Ваттель даже тогда протестовал против нее таким образом: 'Как могло случиться, что в просвещенный век считалось законным наказывать смертью губернатора, который защищал свой город до последней крайности или у которого в слабом месте хватило мужества выстоять против королевской армии?' В прошлом столетии это представление все еще преобладало; на него смотрели как на один из законов войны, и даже в настоящее время оно не опровергнуто полностью. Что за идея! наказать храброго человека за то, что он выполнил свой долг.^[132]

Но даже сейчас это понятие окончательно не вычеркнуто из неписаного кодекса боевого этикета. Первоначальный российский проект, представленный Брюссельской конференции, предлагал исключить, среди других незаконных средств ведения войны, 'угрозу уничтожения гарнизона, который упорно удерживает крепость'. Предложение было единогласно отклонено, и этот пункт был тщательно исключен из опубликованного измененного текста! Но поскольку исполнение угрозы с моральной точки зрения имеет ту же ценность, что и сама угроза, очевидно, что расправа над храбрым, но побежденным гарнизоном все еще занимает свое место среди законов христианской войны!

Этот своеобразный и наиболее кровавый закон репрессий всегда защищался распространенным военным софизмом, утверждающим, что он сокращает ужасы войны. Угроза смертной казни губернатору или защитникам города, естественно, должна склонить их к условной капитуляции и таким образом избавить обе стороны от страданий осады. Но аргументы в защиту зверств на том основании, что они сокращают время войны, и исходящие из военных кругов, должны рассматриваться с величайшим подозрением, и, поскольку они провоцируют репрессии и, таким образом, усиливают страсти, с величайшим недоверием. Именно к такому аргументу немцы прибегли в защиту своего обстрела города Страсбург, чтобы запугать жителей и заставить их принудить генерала Урича к капитуляции. "Сокращение, - сказал немецкий писатель, - периода реальных боевых действий и самой войны является актом гуманности по отношению к обеим сторонам";^[133] хотя акт жестокости не достиг своей цели, и генералу Вердеру пришлось отступить после его беспричинного уничтожения жизни и имущества, перейдя к более медленному процессу обычной осады. Если их стремление сократить время войны является окончательным оправданием военных действий, то почва начинает уходить у нас из-под ног против использования аконитина или одежды, зараженной оспой. Поэтому такой предлог должен вызвать немедленное осуждение, несмотря на усилия современной военной школы сделать его популярным на земле.

Таким образом, в отношении этого закона возмездия сравнение нового времени с языческой эпохой не делает чести. Капитуляция, которая в греческих и римских войнах предполагала, как правило, личную безопасность, в христианизированной Европе стала влекущей за собой смертную казнь из мотивов чистой мстительности. Рыцарство, столь часто ассоциируемое с полем битвы, по крайней мере, как искупительная черта, при ближайшем рассмотрении превращается в самый настоящий романтический вымысел. Храбрость в любой форме была постоянным предлогом для жестоких репрессий. Эдуард I казнил Уильяма Уоллеса, храброго шотландского вождя, на Тауэрском холме; и один автор заметил, как доказывают уже

приведенные факты, что обычай убивать таким образом побежденных генералов "можно проследить на протяжении ряда лет, настолько взаимосвязанных и обширных, что мы не в состоянии указать точное время, когда он прекратился".[\[134\]](#)

Характерный инцидент такого рода связан со знаменитым усмирением Гиенны Монлюком в 1562 году. Монлюк взял штурмом Монсегюр, а его командир был взят живым. Последний был человеком, пользующимся дурной славой, и в предыдущей кампании был соратником и другом Монлюка. По этой причине многие ходатайствовали за его жизнь, но Монлюк решил повесить его, и просто из-за его доблести. 'Я хорошо знал его мужество, ' говорит он, - которое заставило меня повесить его.... Я знал, что он доблестен, но это заставило меня скорее предать его смерти. " А как же твое рыцарство после этого?

Но Александр Македонский, чья карьера была идеалом для всех последующих претендентов на военную славу, обошелся с Бетисом, доблестным защитником Газы, еще более сурово, чем Монлюк. Когда Газа была наконец взята штурмом, Бетис, героически сражавшийся, имел несчастье быть взятым живым и предстать перед победителем. Александр обратился к нему так: "Ты не умрешь, Бетис, так, как ты желал; но решишь претерпеть любые пытки, какие только можно придумать против пленника"; и когда Бетис ответил ему лишь презрительным молчанием, Александр привязал к лодыжкам ремни и, сам выступая в роли возничего, возил свою еще живую жертву по городу, привязанную к колесам его колесницы; гордясь тем, что таким поведением он соперничал с обращением Ахилла с Гектором.[\[135\]](#)

Доблестное сопротивление всегда было у Александра достаточным мотивом для самых кровавых расправ. Аримагес, защищавший укрепленную скалу в Согдии, считал свою позицию настолько прочной, что, когда его призвали сдаться, он насмешливо спросил, умеет ли Александр бежать; и за это оскорбление, когда, не в силах больше держаться, Аримагес и его родственники спустились в лагерь Александра, чтобы просить пощады, Александр приказал их сначала выпороть, а затем распять у подножия скалы, которую они так храбро защищали.[\[136\]](#) После долгой осады Тира у Александра было 2000 тирийцев, сверх 6000 павших во время штурма этого города, прибитых гвоздями к крестам вдоль берега,[\[137\]](#) возможно, в возмездие за нарушение законов войны — ибо Квинт Курций заявляет, что тирийцы убили нескольких македонских послов, а Арриан, который не упоминает о распятии, заявляет, что они убили нескольких македонских пленников и сбросили их со своих стен — но более вероятно (поскольку, очевидно, существовали разные истории о преступлении тирийцев) просто из-за упорного сопротивления, которое они оказали нападению Александра.

Македонский завоеватель рассматривал весь свой поход против Персии как акт возмездия за вторжение Ксеркса в Грецию за 150 лет до его собственного времени. Когда он поджег персидскую столицу и дворец Персеполь, он оправдывался против возражений Парменио на том основании, что это было в отместку за разрушение храмов в Греции во время персидского вторжения;[\[138\]](#) и этот мотив постоянно присутствовал у него, оправдывая как саму войну, так и связанные с ней конкретные зверства. В ходе своей экспедиции он прибыл в город Бранхидов, предки которых в Милете передали Ксерксу сокровища храма, находившегося в их ведении, и были им вывезены из Милета в Азию. Как греки, они с радостью встретили армию Александра и сразу же сдали ему свой город. На следующий день, поразмыслив над этим вопросом, Александр приказал убить всех до единого жителей города, несмотря на их бессилие, несмотря на их мольбы, несмотря на общность языка и происхождения. Он даже приказал срыть стены

города с их основания и вырвать с корнем деревья в их священных рощах, чтобы от их города не осталось и следа.[139]

Также не может вызывать сомнений тот факт, что об этих деяниях упоминает только Квинт Курций, а не Арриан. Молчание одного не является доказательством лживости или доверчивости другого. Оба писателя жили много веков спустя после Александра, и их знания зависели от трудов современников и очевидцев экспедиции в Азию, дошедших до нас, но давно утраченных. В том, что эти свидетели часто давали противоречивые рассказы об одном и том же событии, у нас есть заверения обоих авторов; но поскольку невозможно определить степень осмотристельности, с которой каждый из них делал свой выбор из первоначальных источников, разумно рассматривать их обоих как имеющие одинаковую силу. Сенека, живший до Арриана и, следовательно, в равной степени знакомый с первоначальными авторитетами, почти никогда не упоминает Александра без выражения самого решительного осуждения.

Жестокость, по сути, раскрывается нам историей как наиболее заметная черта характера Александра, хотя ни в его случае, ни в других она не была несовместима со случайными проявлениями великодушия и проблесками высшей натуры. Однако эта жестокость, взятая в сочетании с его несомненной храбростью, ставит под сомнение правдивость замечания, сделанного Филиппом де Коммином и поддержанного всеми историками, что жестокий человек никогда не бывает храбрым. Популярная теория о том, что бесчеловечность, скорее всего, сопутствует робкой, чем смелой натуре, полностью игнорирует преподавание истории и выводы из *априорных* рассуждений. Ибо, если наше отношение к страданиям других пропорционально нашему отношению к нашим собственным страданиям, поскольку наша любовь к себе является основой и мерой нашей силы сочувствия, пренебрежение человека к страданиям других — другими словами, его жестокость — вероятно, является точным отражением его пренебрежения к страданиям собственной личности или, другими словами, его физического мужества. Более того, люди, подобные Цицерону, о котором Ливий сказал, что он был лучше приспособлен для чего угодно, чем для войны, из-за своей неспособности занимать должности, где их человечность, вероятно, подвергнется испытанию, редко подвергаются тем искушениям жестокости, в которых естественно оказываются люди с более смелым темпераментом.

И соответственно мы обнаруживаем, ссылаясь на примеры, лежащие на поверхности истории, что великая храбрость и великая жестокость чаще были объединены, чем разделены. Во французской истории есть жестокость Карла Смелого, герцога Бургундского; Монлюка и Де Адреца, последний из которых заставил 30 солдат и их капитана прыгнуть с обрыва укрепленного места, которое они защищали, и о них обоих Брантом отмечает, что они были очень храбры, но и очень жестоки.[140] В истории Шотландии это был Дэвид I. который, хотя и прославился своим мужеством и человечностью, позволял убивать больных и престарелых в их постелях, даже младенцев, а священников - у самых алтарей.[141] В английской истории именно Ричард Львиный Кер вывел 5000 сарацинских пленников на большую равнину для резни (1191).[142] В еврейской истории именно царь Давид, когда он взял Равву Аммонитян, "вывел народ, который был в ней, и поставил их под пилы и бороны железные и под топоры железные, и провел их через печь для обжига кирпича; и так он поступил со всеми городами сынов Аммона".[143] Следовательно, не более вероятно, что человек, известный своим

бесстрашием, не поддастся советам или жестоким действиям, чем то, что другой человек, лишенный личного мужества, не будет гуманным.

И здесь одна причина заслуживает внимания, поскольку помогает объяснить большее варварство, практикуемое современными нациями в вопросе репрессий, чем то, которое допускалось кодексом чести, который сдерживал их в лучшие периоды языческой древности; и это изменение, произошедшее в отношении рабства.

Отмена рабства, которая в Западной Европе была величайшим достижением современной цивилизации, к сожалению, не привела к большей мягкости в обычаях войны. Ибо в древние времена продажа пленных в рабство служила сдерживанию той беспорядочной и беспредметной резни, которая была, даже в случаях, имевших место в течение этого столетия, характерной чертой поля битвы, и особенно там, где города или населенные пункты были взяты штурмом. Алчность перестала действовать, как это было когда-то, в пользу человечества. За один день население Магдебурга, взятого штурмом, сократилось с 25 000 до 2700 человек; и английский очевидец этого события так описал это: "Из 25 000, по некоторым данным, 30 000 человек, не было видно ни души живой, пока пламя не вынудило тех, кто прятался в подвалах и потайных местах, искать смерти на улицах, а не погибнуть в огне; из этих несчастных существ некоторые тоже были убиты разъяренными солдатами, но в конце концов они спасли жизни тем, кто выбрался из своих подвалов и нор, и таким образом, осталось около 2000 бедных отчаявшихся созданий". [144] 'Стрельбы было мало, все казни сводились к перерезанию горла и простым домашним убийствам.... Мы могли видеть, как бедняков толпами гнали по улицам, спасаясь от ярости солдат, которые преследовали их так быстро, как только могли, и никому не отказывали в пощаде; пока, оттеснив их к берегу реки, отчаявшиеся несчастные не бросались в реку, где гибли тысячи из них, особенно женщины и дети".

Трудно читать это наглядное описание взятого штурмом города без зарождающегося в уме подозрения, что явная жажда крови и любовь к убийству являются гораздо более мощными опорами войны, чем принято или приятно думать. Рассказы о большинстве побед и взятых городах подтверждают эту теорию. Например, в Брешии, отнятой французами у венецианцев в 1512 году, говорят, что от 20 000 последних осталось только 50 первых. [146] Когда в 1527 году Рим был разграблен империалистическими войсками, нам рассказывают, что 'солдаты набросились на несчастную толпу и, без различия возраста или пола, убивали всех, кто попадался им на пути. Чужеземцев щадили так же мало, как и римлян, потому что убийцы стреляли во всех без разбора, просто из жажды крови. [147]

Но эта жажда крови была сдержана во времена рабства противодействующей жадой денег; существовал очевидный мотив для пощады, когда военнопленный представлял собой нечто осязаемое, как и любой другой предмет добычи. Разграбление Фив Александром и их снос под звуки лютни были достаточно ужасны; но после того, как первая ярость,жаждущая резни, утихла, осталось 30 000 человек свободного происхождения, которые были проданы в рабство. А в римской войне правилом было продавать в рабство тех, кто был взят в плен во время штурма города; и следует помнить, что многие проданные таким образом уже были рабами. [148] Все, кто был безоружен или сложил оружие, были избавлены от разрушений, а также от грабежа; [149] и для исключений из этого правила, как, например, для неизбирательной и жестокой резни, совершенной в Иллитурджи в Испании, всегда был по крайней мере предлог для репрессий или какой-то особый военный мотив. [150]

Цицерон, который дожил до того, чтобы увидеть триумф римского оружия над миром и превращение римской республики в военную деспотию, в то же время нашел повод выразить сожаление по поводу приниженных стандартов воинской чести. Он считал, что в своей жестокой мстительности и алчности его современники отступили от обычаев своих предков, и с сожалением противопоставлял полное разрушение Карфагена, Нумантии и Коринфа более мягкому обращению с их прежними врагами, сабинянами, тускуланцами и другими. В качестве доказательства большей свирепости воинственного духа своего времени он привел тот факт, что первоначально единственным термином для обозначения врага было более мягкое обозначение незнакомца, и что лишь постепенно слово, означающее незнакомец, приобрело оттенок враждебности. "Что, - спрашивает он, - можно было бы добавить к этой мягкости, называя того, с кем вы воюете, таким мягким именем, как незнакомец?" Но теперь ход времени придал этому слову более сложное значение; ибо оно перестало применяться к незнакомцу и осталось подходящим термином для обозначения настоящего вооруженного врага".[151]

Происходит ли аналогичный процесс в современной войне в отношении закона возмездия? От древнего Рима до современной Германии долгий скачок; но к Германии, как к главной существующей ныне военной державе, мы должны обратиться, чтобы понять закон возмездия так, как он интерпретируется практикой страны, чья мощь и пример сделают ее действия прецедентами во всех войнах, которые могут произойти в будущем.

Худшей чертой репрессий является то, что они носят неизбирательный характер и чаще направлены против невинных, чем против виновных. Убийство женщин и детей, стариков или кого-либо еще на основании их связи с врагом, совершившим действие, требующее возмездия, не может быть оправдано никакой теорией, которая в равной степени не была бы применима к аналогичной пародии на правосудие в гражданской жизни. Это возврат к теории и практике дикарей, которые, если они не могут отомстить преступнику, самодовольно мстят кому-то другому. Соппротивление крестьян иностранному захватчику путем организации засад или неожиданных действий против него, хотя его продвижение отмечено огнем, грабежом и бесчинствами, может противоречить законам войны (хотя этот пункт никогда не согласовывался); но превращение таких нападений в предлог для беспорядочных убийств и грабежей является расширением закона о репрессиях, который был только определенно внесен в военный кодекс Европы немецкими захватчиками Франции в 1870 году.

Следующие факты, приводимые в доказательство этого утверждения, взяты из небольшой брошюры, опубликованной во время войны Международным обществом помощи раненым, и содержат только те факты, которые были подтверждены официальными документами или свидетельствами лиц, чье положение давало им исключительное право на признание.[152] В одном месте, где двадцать пять франтиреров спрятались в лесу и встретили немцев автоматным огнем, репрессии зашли так далеко, что кюре, выбежав на улицу, схватил прусского капитана за плечи и взмолился о пощаде для женщин и детей. "Никакой пощады" - был единственный ответ.[153] В другом месте двадцать шесть молодых людей присоединились к франкотирерам; баденские войска схватили и расстреляли их отцов.[154] В Немуре, где группа уланов была застигнута врасплох и захвачена несколькими мобилами, полы и мебель в нескольких домах сначала пропитали нефтью, а затем обстреляли снарядами.[155]

В военный кодекс также была внесена новая теория о том, что деревня самим фактом попытки самозащиты представляет собой место войны, которое может быть законно обстреляно и, в

случае взятия, подчинено законам войны, которые все еще определяют судьбу мест, взятых штурмом.[156] Также не следует предполагать, что эти права не осуществлялись так строго, как они когда-либо осуществлялись победоносными войсками. В Ножан-сюр-Сен вюртембургские войска довели свою ярость до убийства женщин, детей и даже раненых. И если все еще сохранилось убеждение, что немецкие войска императора Вильгельма вели себя по отношению к слабому полу иначе, чем их предки в Риме и Италии при коннетабле Бурбоне, пусть читатель обратится к опыту Клермона, Андерне или Невилля.[157]

Репрессии, конечно, порождают репрессии; и если бы война Франции и Германии по какой-либо случайности затянулась, страшно подумать о варварствах, которые произошли бы. "Угроза за угрозу, - писал полковник Р. Гарибальди прусскому командующему в Шатийоне в связи с решимостью последнего наказать жителей этого места за действия нескольких франкотиреров. - Я даю вам гарантию, что я не пощажу ни одного из 200 пруссаков, которые, как вы знаете, находятся в моих руках".[158] "Мы будем сражаться, - писал генерал Шанзи прусскому командующему в Вандоме, - без перемирия и пощады, потому что сейчас речь идет не о борьбе с верными врагами, а с ордами опустошителей".[159]

В соответствии с теорией законных репрессий немцы возродили обычай брать заложников. После того, как французы (в соответствии со все еще признанным, но варварским правилом ведения войны) взяли в плен капитанов некоторых немецких торговых судов, немцы нанесли ответный удар, захватив двадцать человек уважаемого положения в Дижоне и девять в Везуле и удерживая их в качестве заложников. Это не было редким эпизодом в кампании: хотя отправка в Германию в качестве военнопленных французских купцов, магистратов, юристов и врачей и возложение на них ответственности своими жизнями и состоянием за действия своих соотечественников, которые они не могли ни предотвратить, ни подавить, были возрождением в худшей форме теории заместительного наказания и направлением военных действий против мирных жителей, что было грубым нарушением провозглашения прусского короля, сделанного в начале кампании (после обычной фразы военачальников), что его войскам не нужно было вести войну. с миролюбивыми жителями Франции.

Даже грабеж подпадает под действие немецкого закона о репрессиях. Ремиремонту в Вогезах пришлось заплатить 8000 фунтов стерлингов. потому что французские войска взяли в плен двух немецких инженеров и одного солдата. Обычные принудительные военные контрибуции, которые требовали победители, не исключали системы грабежей и опустошений, которые, как наивно полагали в нынешнюю эпоху, относятся только к прошлому состоянию войны. 5 декабря 1870 года немецкий солдат написал в "*Кельнскую газету*": "С тех пор как война вступила в свою нынешнюю стадию, мы ведем настоящую разбойничью жизнь. В течение четырех недель мы проезжали по совершенно разоренным районам; последние восемь дней мы проезжали по городам и деревням, где брать было абсолютно нечего. "И это разграбление было делом рук не только обычных военных-крепостных или призывников, чья жалкая бедность могла бы послужить оправданием, но им руководили офицеры высшего ранга, которые ради собственной выгоды грабили фермы и конюшни, забирали овец и лошадей, а из загородных домов забирали произведения искусства, посуду и даже драгоценности своих дам.[160]

Таким образом, мир, по крайней мере, этим обязан немцам, что они научили нас видеть войну в ее истинном свете, перенеся ее из царства романтики, где она была разукрашена яркими красками и благородными поступками, в область трезвого суждения, где солдат, вор и убийца

предстают в едва различимых красках. Они сорвали завесу, которая закрывала нашим предкам глаза на зло войны и которая заставляла мечтательных гуманитариев верить в возможность *цивилизованной войны*; так что теперь позорные деяния угрожают заслонить деяния славы. В средние века существовал обычай объявлять войну, которая должна была вестись с особой яростью, посылая человека с обнаженным мечом в одной руке и горящим факелом в другой, в знак того, что начавшаяся таким образом война должна была быть войной крови и огня. С тех пор мы узнали, что нет необходимости с помощью какой-либо особой церемонии олицетворять характер какой-либо конкретной войны; поскольку характеристики у всех одни и те же.

Немецкий генерал Фон Мольтке в опубликованном письме, в котором он утверждал, что Вечный мир — это мечта, и даже не прекрасная, продолжал говорить в защиту войны, что в ней развиваются самые благородные добродетели человечества - мужество, самоотречение, верность долгу, дух самопожертвования; и что без войн мир вскоре застопорился бы и погряз в материализме. [161] У нас нет данных, по которым можно судить о вероятном состоянии мира без войн, но мы точно знаем, что самые яркие образцы этих добродетелей когда-либо были представлены теми, кто в мире и безвестности, не стремясь к земельным владениям, титулам или медалям в качестве награды, трудился не для уничтожения жизни, а для ее спасения, не для снижения уровня морали, а для сохранения поднимайте его не для того, чтобы проповедовать месть, а для милосердия, не для того, чтобы распространять несчастье, бедность и преступность, а для того, чтобы приумножать счастье, богатство и добродетель. Есть ли или не будет ли места для мужества, самопожертвования, исполнения долга там, где лихорадка и болезнь - враги, с которыми нужно бороться, где раны и боль нужно вылечить или успокоить, или где грех, невежество и бедность - силы, с которыми нужно бороться? Но помимо этого, в картине войны есть и другая сторона, о которой фон Мольтке не говорит ни слова, но на которую на предыдущих страницах было дано некоторое указание. Теперь, когда мы больше не удовлетворяемся сухими описаниями стратегических операций, но начинаем изучать детали военных действий; судьбы пленных, раненых, преследуемых; обращение с заложниками, женщинами, детьми; статистику массовых убийств и разграбления, которые являются наказанием за поражение; характер стратегических приемов; и справедливость репрессий, мы видим войну в другом зеркале и признаем, что старое давало лишь искаженное отражение ее реалий. Никто никогда не отрицал, что на войне проявляются выдающиеся качества; но быстро распространяются сомнения не только в том, что это самое достойное поле для их проявления, но и в том, не является ли это также главным лазаретом преступлений, которые являются величайшим позором для нашей природы.

Было бы напрасно думать, что наша человечность не сможет принять окраску от нашего призвания. Маршал Монлюк, храбрейший, но и самый жестокий из французских солдат, любил заявлять, что бесчеловечность, в которой он был повинен, заключалась в развращении его первоначальной и лучшей натуры; и в конце своей книги и своей жизни он утешал себя за кровь, из-за которой она лилась рекой, соображением, что государи, слугой которых он был, были (как он сказал одному из них) действительно ответственны за причиненные им страдания. Но помогает ли это оправдание ему или миллионам тех, кто преуспел в его ремесле? Король или правительство могут поручать людям проводить свою политику или осуществлять свою месть; но является ли свободный деятель, который соглашается на поручение, которое он считает незаконным, морально оправданным со своей доли вины? Является ли его ответственность не большей, чем ответственность за меч, топор или недоуздок, с помощью которых он выполняет

свои приказы; или ссылка на военную дисциплину оправдывает его действия с не большей моральной сдержанностью, чем у раба или у лошади, которая ничего не понимает? Прусский офицер, который в Дижоне вышиб себе мозги, вместо того чтобы выполнить какой-то несправедливый приказ^[162] показал, что он понимал достоинство человеческой природы так, как это понималось во времена ушедшего морального величия Рима. Такой человек заслуживал памятника гораздо больше, чем большинство тех, кому воздвигаются мемориальные памятники.

Недавние события придают дополнительный интерес к вопросу о репрессиях и подчеркивают необходимость их применения, как это пытались сделать в Брюсселе, на основе Международного соглашения. Иногда говорят, что династические войны остались в прошлом и что короли больше не имеют власти вести войны, как они это делали когда-то, для собственного удовольствия или времяпрепровождения. Возможно, в этом есть доля правды, хотя непосредственная причина последней великой войны в Европе заключалась в междинастической ревности; но пресса сейчас обладает гораздо более мощным средством ведения войны, чем когда-либо существовало у монархической власти. Война в каждой стране является прямым материальным интересом Ежедневной прессы. "Я знаю владельцев газет, - сказал Кобден во время Крымской войны, - которые прикарманивали 3 000 фунтов или 4 000 фунтов в год во время войны так непосредственно, как если бы эти деньги были переданы им по парламентской смете".^[163] Поэтому велик соблазн сначала оправдать любую войну не относящимися к делу вопросами или рассказами о чудовищах, совершенных врагом, или даже заведомо ложными заявлениями (как тогда, когда английская пресса во главе с *Times* почти в один голос заявила нам, что афганский правитель оскорбил нашего посла, и предоставила нам самим выяснять нашу ошибку, когда слишком легкомысленная доверчивость стоила нам войны примерно в 20 000 000 фунтов стерлингов); а затем, когда война однажды началась, раздуть пламя, требуя возмездия за зверства, которые, как правило, никогда не совершались. не было совершено и не установлено ничем подобным доказательству. Таким образом, в начале последней германской войны французов обвинили в бомбардировке открытого города Саарбрюк и в стрельбе разрывными пулями из митральез; и вера, ложно и намеренно распространяемая таким образом, покрыла, конечно, маской репрессий большую часть того, что произошло впоследствии.

Таким образом возникла современная практика оправдания любого обращения к войне не как испытания силы или справедливости между врагами, а как акта добродетельного и необходимого наказания преступников. Обвинения в попрании веры, в злоупотреблении флагами перемирия, в бесчестных уловках, в жестоком обращении или пытках заключенных принимаются во внимание, независимо от какого-либо расследования их истинности, и используются в качестве предлога для бессрочного продления военных действий. Законный враг объявляется мятежником или преступником, с которым было бы нечестиво обращаться так или доверять ему; и только безоговорочная капитуляция, которая доводит его до отчаяния и, таким образом, ожесточает войну, рассматривается как возможная предпосылка к миру. Несомненно, пришло время, когда такое требование, основанное на репрессиях, должно перестать служить препятствием на пути к миру. Одно из предложений Брюссельской конференции состояло в том, что ни один командующий не должен быть вынужден капитулировать на позорных условиях, то есть без обычных военных почестей. Одним из требований цивилизации должно быть то, чтобы ни при каких обстоятельствах не настаивать на безоговорочной капитуляции, подобной той, на которой настаивал Араби в 1882 году и которая

привела к бомбардировке Александрии со всеми последующими беспорядками, при ведении переговоров с врагом; и чтобы ни одна победоносная воюющая сторона не требовала от побежденного того, что при обратных условиях она сочла бы бесчестным предоставить себе.

ГЛАВА V. ВОЕННЫЕ ХИТРОСТИ.

Hé! qu'il y a de tromperie au monde! et en nostre mestier plus qu'en autre qui soit.—Marshal Montluc.

Теория справедливых стратагем Гроция—Преподавание международного права—Древние и современные военно—морские стратагемы—Неприязнь раннего Рима к таким стратагемам, как засады, притворные отступления или ночные атаки—Вырождающийся стандарт Фронтин и Полиена-Конференция—Стратагема современной Европы—Различие между вероломством и военной хитростью—Вероломство Франциска I.—Теория Ваттеля о шпионах—Военные инструкции Фридриха Великого о шпионах—Лорд Уолсли о шпионах и правде на войне—Теория обычай вешать или расстреливать шпионов —Лучше держать их в качестве военнопленных—Воздухоплателей считают шпионами—Практика военных неожиданностей—Смертная казнь раньше была наказанием за внезапный захват —Хитрости неопределенного характера, такие как поддельные депеши или ложные разведданные—Использование телеграфа для обмана врага-Могут ли военнопленные быть вынуждены распространять ложь?—Общий характер военного кодекса о мошенничестве.

Одним из наиболее интересных аспектов состояния войны является ее связь с мошенничеством, лживостью и коварством. Если мы можем стремиться достичь своих целей силой, мы, несомненно, можем, как утверждается, сделать это обманом; ибо в чем моральная разница между преодолением за счет превосходства мускулов и тем же результатом, полученным за счет разума? Лисандр спартанец зашел так далеко, что сказал, что мальчиков следует обманывать в кости, а врага - клятвами; и если мир выразил ужас перед его чувствами, он не совсем презирал его авторитет.

К числу военных хитростей более старые авторы обычно относили все виды обмана, применяемые генералами на войне не только против противника, но и против своих собственных войск; как, например, приемы предотвращения или подавления мятежа, прекращения распространения паники или поощрения их ложными новостями до или во время сражения.

Но в современном употреблении термин "стратагема" имеет почти исключительное отношение к уловкам обмана, применяемым против врага; и больший интерес, который проявляется к последнему виду хитрости, оправдывает суженное значение этого слова. Никто, например, теперь не счел бы хитроумным поведением фракийского полководца Косингаса, который, действуя также как священник при своих войсках, вернул их к повиновению посредством искусно распространенного им сообщения о том, что некие длинные лестницы, которые он приказал изготовить и скрепить вместе, предназначались для того, чтобы он мог подняться на небеса, чтобы там пожаловаться Юноне на их недостойное поведение. Ложное притворство,

которое используется в военной хитрости, адресовано лидерам враждебных сил для того, чтобы на их страхе или уверенности, чрезмерно вызванных этим, можно было сыграть в интересах их более искусных противников. Следовательно, при рассмотрении военных стратегий, или военных уловок, лучше всего полностью придерживаться более ограниченного смысла, в котором они понимаются на современном языке.

Для начала неплохо использовать следующую стратегию. Во время франко-германской войны 1870 года двадцать пять французов переоделись в прусскую форму и с помощью этой маскировки убили нескольких пруссаков в Сеннеги близ Труа; и этот поступок стал предметом открытого хвастовства во французском журнале.^[164] Было ли это хвастовство оправданным или постыдным?

Явно оправданный, если, по крайней мере, Гроций, отец нашего международного права, обладает каким-либо авторитетом. Рассуждения Гроция строятся таким образом. Существует различие между условными знаками, которые устанавливаются с общего согласия всего мира, и теми, которые устанавливаются только определенными обществами или отдельными лицами; обман, направленный против первых, влечет за собой нарушение взаимного обязательства и, следовательно, является незаконным, тогда как обман против вторых является законным, поскольку он не влечет за собой такого нарушения. Следовательно, хотя неправильно вводить врага в заблуждение словами или знаками, которые, по общему согласию, повсеместно понимаются в определенном смысле, не является неправильным побеждать врага поведением, которое не предполагает нарушения общепризнанного и общеобязательного обычая. Под поведение последнего типа подпадают такие действия, как имитация бегства или использование оружия противника, его штандартов, униформы или парусов. Бегство не является общепринятым признаком страха, и герб или цвета какой-либо конкретной страны не имеют какого-либо общепринятого значения.^[165]

И, несмотря на звучание софистики, сопровождающее это рассуждение, преподавание международного права существенно не отклонилось в этом вопросе от направления, данного ему Гроцием. По мнению Цицерона, хотя и сила, и мошенничество были ресурсами, наиболее недостойными рационального человечества, причем одно скорее относилось к природе льва, а другое - к природе лисы, мошенничество было средством, заслуживающим большей ненависти, чем другое.^[166] Но учение более поздних времен имело тенденцию упускать из виду это различие. Бинкершук, знаменитый голландский юрист, выступавший за использование яда как одного из справедливых способов применения силы, заявляет, что совершенно безразлично, будет ли применена против врага хитрость или открытое применение силы, при условии отсутствия вероломства в первом случае. А Блюнчли, который является самым авторитетным немецким публицистом наших дней, прямо относит к числу законных военных хитростей использование формы или флага противника.^[167]

Таким образом, если мы проверим принятую военную теорию на каком-либо реальном опыте, то следующие эпизоды истории должны вызвать скорее наше восхищение, чем порицание, и быть оправданными самыми передовыми теориями современного международного права.

Афинский адмирал Кимон, захватив несколько персидских кораблей, заставил своих людей сесть на них и переодеться в персидскую одежду; а затем, когда корабли достигли Кипра и жители этого острова радостно вышли приветствовать своих друзей, врагам, конечно, было легче победить их.^[168]

Аристомах, захватив несколько кардийских кораблей, разместил на них своих гребцов и повел за ними свои корабли на буксире, как будто их триумфально проводили. Когда кардийцы вышли поприветствовать свои предполагаемые победоносные команды, Аристомах и его люди напали на них и учинили великую резню.[\[169\]](#)

Современная история знает аналогичные случаи. В сентябре 1800 года английская команда атаковала два корабля, стоявших на якоре в Барселоне, вынудив шведское судно взять на борт несколько английских офицеров, солдат и матросов и таким образом добившись подхода, который иным способом был невозможен.[\[170\]](#) И английские военно-морские историки рассказывают скорее с гордостью, чем со стыдом, как в 1798 году два английских корабля, "Сибилла" и "Фокс", плавая под чужими флагами, захватили три испанские канонерские лодки на дорогах Манильи. Когда был послан испанский сторожевой катер узнать, что это за корабли, лоцман "Фокса" ответил, что они принадлежат французской эскадре и что они хотят зайти в Манилью для выздоровления экипажей от болезней. Английский капитан Кук был представлен под французским именем Латур; и последовал разговор, в ходе которого не была забыта церемония пожелания успеха объединенным усилиям испанцев и французов против англичан. Затем две испанские лодки пришли навестить суда, их экипажи были быстро переданы вниз; и группа британских моряков, переодевшись с ними и сев в их лодки, двинулась к канонерским лодкам, которые они захватили, не нажимая на спусковой крючок.[\[171\]](#)

В другом случае та же самая "Сибилла", которую Ромни отобрал у французов в 1794 году, захватила большое французское судно, стоявшее на якоре, стоя под французскими флагами и поднимая свои настоящие флаги только тогда, когда оно находилось на расстоянии кабельтова от своего приза;[\[172\]](#) единственным ограничением такой стратегии на море была необходимость корабль должен поднять свой настоящий флаг, прежде чем приступить к реальным военным действиям. Состояние войны, несомненно, должно играть странные шутки с нашими умами, чтобы дать нам возможность одобрить такие позорные действия, как упомянутые. Не может быть большего доказательства полной деморализации, которую это вызывает, чем то, что подобные уловки когда-либо стали считаться почетными; и что никакие угрызения совести никогда не должны были препятствовать проституированию флага страны, символа ее независимости, ее национальности и ее гордости, к позору открытой лжи. Антиквары оспаривают правильность заявления Полиена о том, что Артемисия, царица Кари и союзница Ксеркса в борьбе с Грецией, подняла персидские знамена, преследуя греческие корабли, но греческий флаг, чтобы помешать греческим кораблям преследовать ее саму, потому что, как они говорят, флаги тогда не использовались; но, несомненно, на морях очень древний обычай иметь на борту корабля несколько разных флагов с целью либо более легкого захвата более слабого, либо более легкого побега с более сильного судна, чем она сама. Французы, например, в 1337 году разграбили и сожгли Портсмут, после того как им позволили высадиться на берег под прикрытием английских знамен.[\[173\]](#) не только сосуды пиратов и каперов, но война судами государства, научился управлять яхтой под тонах, намного превышающими их национальность.[\[174\]](#) Единственным ограничением стратеми с фальшивым флагом (которому постепенно международный обычай придал силу закона) стала необходимость поднятия настоящего флага перед началом стрельбы, ограничение, которое не имело особого значения после того, как успешный обман сделал беззащитное торговое судно в пределах досягаемости легкого захвата. А что касается военных кораблей, то пушечный выстрел, которым одно судно отвечало на вызов другого относительно предполагаемой национальности другого судна, стал эквивалентен честному слову капитана в том, что флаг,

развевающийся над выпущенной им пушкой, представляет национальность, символом которой он является. Сам флаг может говорить неправду, поэтому клятва на пушечном выстреле должна избавить его от подозрений. Таковы необычные представления о чести и нравственности, которые система всеобщего страха, недоверия и враждебности, которую многие считают столь великолепной, стала причиной распространения в океане.

Следовательно, вопреки Гроцию, вышеупомянутые стратагемы следует рассматривать как бесчестные; и на то, что именно так их начинают рассматривать, указывает тот факт, что на Брюссельской конференции 1874 года использование флага или униформы противника было недвусмысленно исключено из категории честных военных стратагем. Но улучшение происходит вопреки международному праву, а не вследствие него.

Действительно, существует очевидное различие между описанным выше методом преодоления противника и такими излюбленными приемами, как засады, притворные отступления, ночные атаки или отвод средств обороны в неправильное место. Но, возможно, ничто в истории моральных воззрений не является более любопытным, чем то, что даже эти способы обмана должны были быть сознательно отвергнуты не одним народом или недружелюбным народом, а несколькими людьми, и один из них - самой воинственной нацией, известной истории, как нечестные способы ведения войны. Исторические свидетельства по этому вопросу кажутся вполне убедительными, и их стоит вспомнить из-за интереса, который не может не вызывать одна из самых странных, но и наиболее забытых глав в истории человеческой этики.

Ахейцы, говорит Полибий, гнушались даже покорять своих врагов с помощью обмана. По их мнению, победа не была ни почетной, ни безопасной, если она не была одержана в открытом бою благодаря превосходству мужества. Поэтому они считали своего рода законом среди себя никогда не пользоваться каким-либо скрытым оружием и не метать дротики на расстоянии, будучи убеждены, что открытый и ближний бой - единственный справедливый метод ведения боя. По той же причине они не только объявили войну, но и уведомили друг друга о своем решении попытаться счастья в битве и о месте, где они были полны решимости вступить в бой.^[175]

А на Тернате, одном из Молуккских островов, который претерпел такие невыразимые бедствия после того, как европейцы открыли для себя его пряности и язычество, война не только никогда не начиналась без предварительного объявления, но и было принято сообщать врагу о количестве людей, количестве и виде оружия, с помощью которого предполагалось вести боевые действия.^[176]

Но случай с римлянами, безусловно, самый примечательный. Полибий, Ливий и Элиан сходятся в своих показаниях в том, что на протяжении длительного периода своей истории римляне воздерживались от всех видов военной хитрости как от своего рода военной подлости; и их свидетельство подтверждается Валерием Максимом, который говорит, что римляне, не имея в своем языке слова для обозначения военной хитрости, были вынуждены заимствовать греческое слово, от которого произошло наше собственное слово "стратагема".^[177] Полибий, живший и писавший еще во втором веке до Рождества Христова, посетовав на то, что хитрость была тогда настолько распространена среди римлян, что их главным занятием было обманывать друг друга на войне и в политике, добавляет, что, несмотря на это вырождение, они по-прежнему торжественно объявляли войну заранее, редко устраивали засады и предпочитали сражаться один на один в ближнем бою. Уже в 172 году до н.э. старшие сенаторы сожалели об

утраченной добродетели своих предков, которые воздерживались от таких хитростей, как ночные атаки, ложные побеги и внезапные возвращения, и которые иногда даже назначали день битвы и определяли поле боя, рассчитывая на победу не обманом, а только превосходством в личной храбрости.[178] Элиан также заявляет, что римляне никогда не прибегали к стратагемам примерно до конца Второй Пунической войны; и действительно, великий римский полководец Сципион, который взял имя Африкан, продемонстрировал полное африканское мастерство в использовании шпионов и неожиданностей, чтобы довести эту войну до успешного завершения.

Что касается ночных атак, то македонцы, по-видимому, испытывали схожие чувства, поскольку мы находим, что Александр отказался атаковать Дария ночью на том основании, что он не хотел одерживать украденную победу. Что касается ближнего боя, то в Европе проявилось нечто от старых римских и ахейских чувств, когда сначала арбалет, а в более поздние времена мушкет сделали личную доблесть менее важной. До времен Ричарда I, когда арбалет стал главным оружием на войне, воины, говорит аббат Велли, были настолько свободны и храбры, что они были обязаны победой только своему копью и мечу, и все ненавидели это вероломное оружие, с помощью которого трус, укрывшись в укрытии, мог убить самого храброго.[179] Так сказал Монлюк о мушкете, который в 1523 году, по его словам, еще не вытеснил во Франции использование арбалета: "Хотел бы я, чтобы это проклятое оружие никогда не было изобретено.... Так много храбрых и доблестных людей не встретили бы своей смерти от рук очень часто величайших трусов, которые даже не осмелились бы взглянуть на человека, которого они сбивают с ног на расстоянии своими проклятыми шарами".[180] И в том же духе Карл XII, король Швеции однажды приказал своим солдатам вступать в рукопашную с врагом, не стреляя, на том основании, что стрелять могут только трусы.

Такие идеи, конечно, мертвы без всякой надежды на восстановление; но они являются странным комментарием к нашему тщеславию в улучшенном тоне нашего военного кодекса чести. Мы уже давно научились презирать эти старомодные представления о чести и мужестве и делать очень мало исключений из новейшей доктрины христианского мира о том, что на войне все справедливо. Но стоит остановиться на мгновение, чтобы задуматься о том, что подобные моральные чувства, ограничивающие использование обмана на войне, должны были когда-то реально существовать в мире; что они должны были когда-то влиять на умы самой успешной военной нации, которая когда-либо существовала, и поддерживать их, пока они не достигли той высокой степени могущества, которая была у них во время Второй Пунической войны (217-199 гг. до н.э.) Сравнивая кодекс воинской чести, распространенный в языческой древности, с кодексом более поздних времен, будет справедливо вспомнить, что языческие нации древности признавали некоторые принципы действий о чем и не мечтали в лучшие дни христианского рыцарства; и что генералы народа, который, как нам иногда говорят, был простым сообществом разбойников, были бы так же сильно настроены против правомерности ночной атаки, притворного отступления или внезапности, как наши современные генералы были бы настроены против открытого нарушения перемирия или конвенции.

Путь вниз в этом вопросе легок, и история Рима после Сципиона Африканского связана с изменением мнения относительно стратагем, которые ни в какой степени не уступали той утонченности греков, галлов или африканцев, которую римляне когда-то считали

вероломством. Фронтин, написавший книгу о напластованиях драгоценных камней в царствование Траяна, и еще больше Полиен, написавший большую книгу на ту же тему для императоров Вера и Антонина, по-видимому, считали, что никакой обман не был слишком плохим, чтобы служить хорошим прецедентом для ведения войны. Полиен не просто составил коллекцию примерно из девяти сот стратегов, но собрал их специально для того, чтобы они послужили римским императорам в войне, которая тогда велась против Парфии. Правителям народа, которые когда-то считали даже засаду недостойной своего рыцарства, он представил как достойные их воспоминания и изучения действия, которые навечно ложатся пятном на память о тех, кто их совершил. Давайте возьмем, к примеру, описанные им способы овладения осажденными местами, помня, что с момента разгрома хамаде или подачи любого другого знака для совещания или переговоров между противоборствующими силами по молчаливому соглашению заключается перемирие, приостанавливающее их взаимные боевые действия.

1. Тиброн убедил губернатора форта в Азии приехать и договориться об условиях, поклявшись, что он вернется, если они не придут к соглашению. Во время последовавшего естественным образом ослабления охраны люди Тиброна взяли форт штурмом, и Тиброн, приведя губернатора в исполнение своего слова, немедленно предал его смерти.^[181]

2. Точно так же вел себя Пачес, афинский полководец при Нотиуме. Получив Гиппия, губернатора, в свою власть по тому же обещанию, что дал Тиброн, он взял это место штурмом, перебил всех, кого нашел в нем, восстановил Гиппия в соответствии с его клятвой и приказал убить его на месте.^[182]

3. Автофродат предложил провести переговоры с начальниками эфесской армии, предварительно приказав своим кавалерийским офицерам и другим войскам атаковать эфесцев во время совещания. Результатом стала знаменательная победа и пленение или резня большого числа эфесян.^[183]

4. Филипп Македонский отправил несколько послов во фракийский город, и пока все жители собирались на собрание, чтобы выслушать предложения врага, царь Македонии атаковал и взял город.^[184]

5. Фракийцы, потерпев поражение от беотийцев, заключили с ними перемирие на определенное количество дней и напали на них однажды *ночью*, когда враг был занят принесением жертв. Так поступил Клеомен с аргивянами; он заключил с ними перемирие на семь дней и напал на них на вторую ночь.

Все это рассказано Полиеном не только без слова неодобрения, но, по-видимому, как хорошие примеры ведения действительно ведущейся войны. Таково было состояние морального унижения, в которое их долгая карьера военного успеха в конечном счете привела великий римский народ.

Тем не менее, не дело современной истории бросать камни в Пачеса или Тиброна. Стратегия переговоров достигла своего наивысшего развития в практике ведения войны в христианском мире; так что Монтень заявляет, что это стало незыблемым правилом среди военных его времени (шестнадцатый век) никогда не выходить на переговоры во время осады. Этот великий французский солдат Монлюк, чья автобиография, содержащаяся в его Комментариях, демонстрирует столь любопытную смесь храбрости и жестокости, верности и хитрости, и, возможно, является лучшей военной книгой военного, написанной со времен Цезаря,

рассказывает нам, как однажды, когда он торговался с губернатором Сарвеналя об условиях капитуляции, его люди проникли в здание через окно с другой стороны и вынудили губернатора сдаться по собственному усмотрению, и как в другой раз он послал своих солдат войти в Мон-де-Марсан и предать всех, кого они встретили, мечу, в то время как сам он вел переговоры с губернатором Сарвеналя об условиях капитуляции. он сам вводил губернатора в заблуждение переговорами. 'Моменты переговоров опасны, - справедливо замечает он, - и тогда осажденным более чем когда-либо следует быть осторожными при охране своих стен, поскольку наступает время, когда осаждающие, опасаясь потерять из-за капитуляции добычу, которая могла бы достаться им, если бы они взяли крепость штурмом, стараются воспользоваться ослаблением бдительности, которому способствует перемирие, чтобы подойти к стенам с большей легкостью и успехом'. И человек, который написал это как опыт своего времени и проиллюстрировал это приведенными выше описаниями своей собственной практики, стал маршалом Франции!

Некоторые другие примеры той же стратагемы доказывают, насколько широко этот обычай вошел в военное дело европейских народов. Губернатор Тербуанна, осажденного войсками императора Карла V. Забыв на переговорах о капитуляции оговорить приостановку вооружения, город был застигнут врасплох во время конференции, разграблен и полностью разрушен.^[185] И Фейкьер, французский генерал времен Людовика XIV и автор книги военных мемуаров, выдержавшей несколько изданий, рассказывает нам, как он застал врасплох место под названием Крейльсхайм в 1688 году: "Я не смог бы взять это место силой, поскольку оно было окружено стеной и достаточно прочным замком; но командовавший им полковник был достаточно слабоумный, чтобы выйти за пределы этого места для переговоров со мной, не требуя от меня обещания позволить ему вернуться, я удержал его и вынудил отдать приказ своему гарнизону сдаться в плен."^[186] И он фактически цитирует это, чтобы показать, что когда необходимо занять пост, следует использовать всевозможные средства, при условии, что они не обесчестят его. генерал, который прибегает к ним, поскольку невыполнение своего слова, данного полковнику, опозорило бы его самого, если бы полковник потребовал этого от него.

Более глубокое чувство воинской чести проявил английский генерал лорд Питерборо при осаде Барселоны в 1705 году. Дон Веласко пообещал капитулировать в течение определенного количества дней, в случае, если помощь не придет, и он сдал одни ворота в доказательство своей искренности. Во время перемирия, связанного с этим процессом, немецкие и каталонские союзники англичан вошли в город и начали ту карьеру грабежа и бесчинств, которая является постоянной наградой и венцом подобных военных успехов. Лорд Питерборо обязался предотвратить беспорядки в городе, изгнать солдат союзников и вернуться на свою должность. Он был пойман на слове, сдержал свое слово и спас честь Англии. Но как насчет чести его союзников?

Это тонкая грань, отделяющая стратегию от акта вероломства. Валерий Максим осуждает как акт вероломства поведение Кнея Домиция, который, приняв короля арвернов в качестве гостя под предлогом беседы, отправил его морским путем пленником в Рим;^[187] но это нелегко отличить от действий Монлюка или Фейкьера. Ваттель излагает следующую доктрину по этому вопросу: Поскольку гуманность вынуждает нас отдавать предпочтение самым мягким средствам в отстаивании наших прав, если мы можем овладеть укрепленным пунктом, заставить врага врасплох или одолеть его с помощью хитрости или финта, лишенного вероломства, то лучше сделать это, чем прибегать к кровавой осаде или кровавой бойне в битве. Он явно исключает

вероломство; но не мог ли Полиен защищать его на точно таких же гуманитарных основаниях, как те, которыми Ваттель оправдывает более обычные стратагемы? Разве акт вероломства не может в равной степени предотвратить осаду или битву? Если у нас есть основания отстаивать свои права силой, трудно сказать, что мы не можем делать это обманом; но еще труднее различить виды и пределы такого мошенничества или сказать, где оно перестает быть законным.

И, по-видимому, Полиен зашел так далеко, как мы видим в случаях откровенного вероломства, которые он включает в свою коллекцию стратагем. Локрийцы поклялись соблюдать договор с сицилийцами до тех пор, пока они ступают по земле, по которой они тогда ходили, или несут свои головы на плечах: на следующий день они выбросили головки чеснока, которые несли под своими плащами на плечах, и землю, которой они насыпали себе в обувь, и начали всеобщую резню сицилийцев.^[188] Кампанцы, согласившись сдать половину своего вооружения, сократили его вдвое и, таким образом, фактически ничего не сдали.^[189] Афинянин Пахес, говорит Фронтин, пообещав личную безопасность своим врагам при условии, что они сложат оружие, или, как он это называл, свое железо, убил всех тех, кто, сложив оружие, все еще сохранял железные застёжки на своих плащах.^[190]

Этими средствами, несомненно, можно получить то преимущество над своим врагом, достижение которого, согласно любой теории войны, является первостепенной целью военных действий; ибо слишком часто забывалось, что честь и характер нации, которые просвещенный патриотизм должен ценить выше, чем простую землю, на которой она питается и по которой ступает, приносятся в жертву и ущемляются всякий раз, когда одна из сторон считает, что международный договор был заключен в ином смысле, чем тот, который, как ясно понимали обе стороны, составлял его дух во время его заключения. Какое неизгладимое пятно лежит, например, на памяти Франциска I, который перед подписанием Мадридского мирного договора, по которому он поклялся в обмен на свою свободу восстановить герцогство Бургундское и вернуть пленного в Испанию, если тот этого не сделает, заранее, в присутствии нескольких друзей, заявил официальный протест о том, что клятва, которую он собирался принести, была невольной и, следовательно, недействительной, и нарушил ее, как только оказался на свободе! И это был человек, с памятью о котором связано знаменитое высказывание после битвы при Павии: 'Все потеряно, кроме чести'. Что он действительно сказал после этого события в письме своей матери, было таково: "Все потеряно, кроме моей чести и моей жизни, которые в безопасности", и письмо продолжалось долго, что гораздо больше соответствовало характеру этого монарха.^[191] Он действительно спас свою жизнь; свою честь он так и не восстановил.

На Брюссельской конференции было решено, что использование всех возможных методов получения информации о силах или стране противника должно рассматриваться как справедливая военная стратегия; и, действительно, в вопросе о лживой стороне войны военная теория и обращение со шпионами занимают немалое место.

Ваттель снова является настолько хорошим представителем того, чему учит международное право по этому вопросу, насколько это возможно. Его аргумент таков: соблазнение кого-либо из враждебной стороны стать шпионом или подкуп губернатора для освобождения города не противоречит международному праву, потому что такие действия, как применение яда или

убийство, не наносят ущерба общему благополучию и безопасности человечества. Подобные действия являются обычными эпизодами любой войны. Но то, что они сами по себе не являются благородными или совместимыми с чистой совестью, доказывается тем фактом, что генералы, прибегающие к таким средствам, никогда ими не хвастаются; и если они вообще простительны, то только в случае очень справедливой войны, когда нет другого способа спасти страну от разорения от рук незаконных завоевателей. Государь не имеет права требовать услуг шпиона от кого-либо из своих подданных, но он может поддаться искушению вознаградить корыстолюбивые души; и если губернатор готов продать себя и предложить нам город за деньги, должны ли мы постесняться воспользоваться его преступлением и без опасности получить то, что мы имеем право получить силой? В то же время шпион по праву может быть предан смерти, потому что это единственный способ защититься от зла, которое он может нам причинить.[192]

Фридрих Великий из Пруссии был современником Ваттеля, и в ноябре 1760 года он опубликовал несколько военных инструкций для своих генералов, которые в отношении шпионов были основаны на более широких практических знаниях в этом вопросе, чем, конечно, у более миролюбивого публициста. Он классифицировал шпионов на обычных шпионов, двойных шпионов, выдающихся шпионов и шпионов по принуждению. Под двойными шпионами он подразумевал шпионов, которые также притворялись, что находятся на службе у стороны, которую они предали. Под выдающимися шпионами он подразумевал гусарских офицеров, услуги которых он считал полезными в особых обстоятельствах австрийской кампании. Когда он не смог раздобыть себе шпионов среди австрийцев из-за тщательной охраны, которую их легкие войска несли вокруг своего лагеря, ему пришла в голову идея, и он успешно воплотил ее в жизнь, используя подвешивание оружия, которое было обычным после стычки между гусарами, чтобы сделать этих офицеров средством ведения эпистолярной переписки с офицерами другой стороны. Шпионов по принуждению он объяснял следующим образом: "Когда вы хотите передать врагу ложную информацию, вы берете надежного солдата и заставляете его перейти в лагерь врага, чтобы сообщить там все, чему вы хотите, чтобы враг поверил; вы также отправляете через него письма, побуждающие войска к дезертирству". И в случае невозможности получить информацию о враге, это выдающееся дитя Марса предписывает следующее: Выберите какого-нибудь богатого гражданина, у которого есть земля, жена и дети, и другого человека, переодетого его слугой или кучером, который понимает язык врага. Заставьте первого взять второго с собой в лагерь врага, чтобы тот пожаловался на полученные увечья, угрожая ему, что если он не сможет привести этого человека обратно после того, как пробудет там достаточно долго для достижения желаемой цели, его жена и дети будут повешены, а его дом сожжен. "Я сам был вынужден, - добавляет этот великий воин, - прибегнуть к этому методу, когда мы стояли лагерем в ..., и он увенчался успехом".[193]

Такова была военная этика великого философа и короля, чей характер при более близком знакомстве с биографией оказался столь неприятным открытием для Карлейля. Можно было бы тщетно искать в языческой древности более низменные обычаи или чувства. Серторий, римский военачальник, был одним из величайших мастеров военной хитрости в мире, но как отличался его язык от языка Великого Фридриха! "Человек, - сказал он, - у которого есть хоть какое-то достоинство в чувствах, должен побеждать с честью и не использовать никаких низменных средств даже для спасения своей жизни".

От взглядов Фридриха Великого на шпионов давайте перейдем к взглядам нашего времени. Из "Записной книжки солдата" лорда Уолсли можно получить некоторое представление о том, каким образом шпион во вражеском лагере может переписываться с враждебным генералом. Лучший способ, предлагает он, - послать крестьянину письмо, написанное на очень тонкой бумаге, которую можно свернуть так туго, чтобы ее можно было носить с пером длиной в полтора дюйма, и это драгоценное перо можно спрятать в волосах или бороде или в углублении, сделанном на конце трости. Также неплохо писать секретную корреспонденцию лимонным соком на газете или листах Нового Завета; тогда ее не обнаружат, и она станет разборчивой, если подержать ее перед огнем или рядом с раскаленным утюгом.

‘Как нация,’ говорит лорд Уолсли, - мы воспитаны так, что считаем позором преуспевать даже с помощью лжи; слово "шпион" означает нечто столь же отталкивающее, как "раб"; мы будем продолжать настаивать на том, что честность - лучшая политика, и что правда всегда побеждает в долгосрочной перспективе. Эти милые сантименты хороши для детской тетради, но человеку, который действует в соответствии с ними, лучше навсегда вложить свой меч в ножны.^[194] Было ли когда-нибудь подобное признание несовместимости призвания солдата с принципами обычной чести? Ибо как же иначе, если он должен настолько опуститься от обычного уровня моральной прямоты, чтобы быть готовым презирать честность и шутить с правдой? И тогда возникает вопрос: не лучше ли человеку навсегда вложить свой меч в ножны или, скорее, вообще не вступать в профессию, где ему придется относиться к вечным принципам добра и зла как к таким милым сантиментам, годным только для тетради?

Следовательно, поскольку у нас есть авторитет Ваттеля, Фридриха Великого и лорда Уолсли в том, что шпионы могут или даже должны использоваться на войне, и что, хотя обман или подкуп никогда не бывают настолько подлыми, чтобы обеспечить их услуги, никакая дискредитация не отражается на тех генералах, которые их используют, — невозможно не заметить как одну из главных аномалий существующих военных порядков, что, хотя генерал имеет неограниченное право воспользоваться услугами шпиона или предателя, наказанием за действия в любом из последних качеств является смерть. Смертная казнь сама по себе является каким-либо испытанием морального характера действия, к которому она применяется, поскольку служба на пожарном корабле, требующая самой отчаянной храбрости, обычно применялась перед лицом смертной казни. Более того, некоторые из самых известных имен в военной истории без колебаний выступали в роли шпионов. Марий наградил Сертория обычными наградами за доблесть связиста за то, что он выучил язык галлов и действовал среди них в качестве шпиона, переодевшись в их одежду. Французский генерал Кюстин вошел в Майнц в костюме мясника. Катина оценил силу Люксембурга в костюме грузчика угля. Монлюк поступил в Перпиньян поваром и решил никогда больше не действовать в качестве шпиона только потому, что вероятность побега убедила его не в том, что это была слишком бесчестная служба, а в том, что это была слишком опасная служба.

Обычай убивать шпионов - древнеримский,^[195] и, похоже, действительно преобладал во всем мире. Тем не менее, даже из этого были исключения. Сципион Африканский приказал привести к нему нескольких карфагенских шпионов, которых провели по лагерю, а затем отпустили под конвоем, вежливо поинтересовавшись, все ли они осмотрели и остались ли довольны.^[196]

Говорят, что консул Левин поступил таким же образом с некоторыми схваченными шпионами, и то же самое сделали с Ксерксом некоторые греческие детективы. Во время знаменитой осады Антверпена в 1584-155 годах, когда брабантский шпион предстал перед принцем Пармским, последний приказал показать ему все работы, связанные с чудесным мостом, который он тогда строил через Шельду, а затем отправил его обратно в осажденный город со следующими словами: 'Иди и расскажи тем, кто послал тебя, о том, что ты видел. Скажите им, что я твердо намерен либо похоронить себя под обломками этого моста, либо по нему проникнуть в ваш город.

Между обеими крайностями есть четкая середина. Вместо того, чтобы быть повешенным, расстрелянным или отправленным безнаказанным, шпиона вполне могут сделать военнопленным. Предложения в этом смысле были высказаны на Брюссельской конференции по законам военного времени. Испанский делегат предложил отменить обычай вешать или расстреливать обнаруженных шпионов и заменить его обычаем интернирования их в качестве военнопленных на время продолжения военных действий. Бельгийский делегат предложил ни в коем случае не предавать их смерти без суда; и даже была предпринята попытка провести различие между заслугами действительно патриотичного и просто корыстного шпиона. На самом деле отчетливо проявилось ощущение, что деяние, которым генерал мог бы справедливо воспользоваться, не может по общему мнению рассматриваться агентом как преступное. В отношениях между генералом и шпионом четко соблюдается общепринятое правило о принципале и агенте: 'Тот, кто действует через другого, действует через самого себя'. В случае шпионажа либо оба руководителя, либо агент виновны в преступном деянии, либо ни один из них не виновен. Если шпион как таковой нарушает законы войны, то же самое делает и генерал, который его нанимает; и оба заслуживают одинакового наказания. Если бы это было не так, генерал, который нанял бы "браво" для убийства врага, не понес бы никакой моральной вины и не мог бы быть обвинен в действиях, выходящих за рамки законных и честных военных действий.

В некоторых других отношениях Брюссельская конференция продемонстрировала расплывчатость мнений, преобладающих по поводу использования шпионов на войне. Между всеми Державами было достигнуто соглашение, что шпионом должен считаться только тот, кто тайно или под ложным предлогом пытался добыть информацию для противника в оккупированных районах; что военные, собирающие такую информацию в зоне враждебных операций, не должны рассматриваться как шпионы, если возможно распознать их военный характер; и что военные и даже гражданские лица, если их дело открыто, обвиняемые в получении депеш, не должны, в случае поимки, рассматриваться как шпионы; равно как и лица, которые перевозили депеши или поддерживали связь между различными частями армии по воздуху на воздушных шарах. Немецкое правительство же предложило в отношении воздушных шаров, чтобы тех, кто плывет на них, сначала пригласили спуститься, затем обстреляли, если они откажутся, а в случае захвата с ними обращались как с пленными, а не как со шпионами. Отклонение его предложения подразумевает, что по законам современной войны воздухоплаватель подлежит расстрелу как шпион; так что, с точки зрения личной опасности, служба на воздушном шаре становится вдвойне героической. Брюссельская конференция ничего не решила из-за отказа Англии от этой попытки урегулировать путем соглашения между нациями законы, которые должны регулировать их отношения во время войны; но из того, что было в то время согласовано или отвергнуто, можно составить представление о преобладающей практике ведения войн в Европе. Разве в таком случае не немного

примечательно, что за опасную службу шпионажа к гражданским лицам и военным должно применяться разное правосудие; и что патриот, рискующий своей жизнью на воздушном шаре, должен рисковать ею так же, как шпион, дезертир или предатель?

Но какова бы ни была судьба шпиона и несмотря на выдающиеся прецеденты обратного, люди чести всегда инстинктивно уклоняются от службы, которая предполагает ложь от начала до конца. Это чувство, несомненно, похвально: но в чем моральная разница между проникновением в город в качестве шпиона и военной службой по захвату его врасплох? Что, например, мы должны думать об испанских офицерах и солдатах, которые, переодевшись крестьянами и держа в руках корзины с орехами и яблоками, завладели Амьеном в 1597 году, рассыпав содержимое своих корзин, а затем убив часовых, когда они бросились их подбирать?^[197] Как быть с офицерами, которые, переодевшись крестьянами и женщинами и спрятав кинжалы и пистолеты, завладели Ульмом для курфюрста Баварского? А как насчет французов, которые в голландском костюме и с мольбами на голландском языке о предоставлении убежища от преследующего врага напали врасплох на форт в Голландии в 1672 году?^[198] А как насчет принца Евгения, который взял крепость Брейзах, послав туда большой отряд, укрытый в телегах с сеном, под предводительством двухсот офицеров, переодетых крестьянами?^[199] Что можно сказать о шевалье Баярде, любимце легендарного рыцарства, который, узнав от шпиона о местонахождении отряда венецианских пехотинцев, ночью отправился в деревню, где они ночевали, и со своими людьми убил всех, кроме троих, из примерно трехсот человек, выбежавших из своих домов?^[200] Что можно сказать о киренейце Калликратиде, который упросил командира форта принять четырех больных солдат и отправил их лежать в постелях в сопровождении шестнадцати солдат, так что они легко одолели охрану и завоевали место для своего генерала?^[201] Что насчет Фалариса, который, попросив руки дочери коменданта, одолел гарнизон, послав солдат, переодетых служанками, и якобы принес подарки своей невесте?^[202] Что насчет Фейкьера, который, притворяясь командующим немецкими войсками и молясь о укрытии от снежной бури, прикрепил свои петарды к воротам Нойборга и, взяв город, предал мечу весь гарнизон из 650 человек?^[203]

В каком отношении такие действия, которые являются повседневной стратегией кампании и считаются совершенно справедливыми, отличаются от ложных заявлений, составляющих беззаконие шпиона? Только в этом отношении — пока он несет свою опасность в одиночку, в случае внезапности опасность распределяется между численностью.

И, по сути, было время, когда служба внезапности и служба шпионажа до такой степени рассматривались как одно и то же, что по законам войны смерть полагалась не только схваченному шпиону, но и всем, кто был застигнут врасплох при попытке захватить объект. Это правило, по словам Ваттеля, не менялось, и солдаты, захваченные врасплох, не рассматривались как военнопленные вплоть до 1597 года, когда принц Морис потерпел неудачу в попытке захватить Венлоо врасплох и потерял несколько своих людей, которые были казнены за это преступление, новое правило, которое с тех пор преобладало, было согласовано обеими сторонами ради их будущего взаимного иммунитета от этой опасности.

Обычное правило, установленное для отличия плохой стратегии от хорошей, состоит в том, что в последней нет нарушения явно или молчаливо данного обета веры. Таким образом, нарушение конференции, перемирия или международного договора всегда осуждалось, как бы широко это ни практиковалось. Но некоторые исторические события предполагают осуществимость

соответствующих стратегических планов, о которых нельзя судить с помощью столь простой формулы и которые, следовательно, все еще сомнительны в правильности.

Первая стратагема такого рода, которая напрашивается сама собой, - это подделка документов. Ганнибал, разгромив и убив римского полководца Марцелла и таким образом завладев его печатью, римляне сочли необходимым разослать сообщения во все свои гарнизонные города о том, что не следует больше обращать внимания на приказы, якобы исходящие от Марцелла. Этот прецедент предполагает использование поддельных депеш в качестве оружия войны. Получение в мирное время для использования во время войны подписей людей, которые, вероятно, будут вражескими командирами, очевидно, оказало бы огромную военную услугу либо в целях обороны, либо в целях агрессии. Военная хитрость была бы в высшей степени бесчестной; но, к сожалению, мерилom в таких случаях является скорее их эффективность, чем абстрактная мораль.

Вторая стратегия такого рода - это стратегия ложных разведданных. До какой степени законно обманывать врага откровенной ложью? Шевалье Байяр "без страха и упрека", когда империалисты осаждали Мезьер, ухитрился заставить врага снять осаду, отправив гонца с письмами, содержащими ложную информацию, которым суждено было попасть в руки врага. Изобретение телеграфа расширило возможности введения противника в заблуждение с помощью ложных разведданных, и это широко использовалось во время Гражданской войны в Соединенных Штатах. Говорят, что лучше заручиться услугами нескольких телеграфистов во враждебной стране, чем иметь десятки обычных шпионов; и по этой причине, согласно выдающемуся автору "Записной книжки солдата": "До или во время боевых действий враг может быть в какой угодно степени обманут с помощью таких людей; могут быть отправлены сообщения, приказывающие ему сосредоточиться на неправильных точках, или, сообщив ему ложную информацию, вы можете заставить его действовать так, как вам хочется".

На другую уловку наводит поведение принца Оранского, который, обнаружив в одном из своих секретарей шпиона на службе принца Люксембургского, заставил его написать последнему письмо, содержащее такую информацию, которая позволила ему осуществить поход, который он хотел скрыть. Разве тогда военнопленные не могли бы использоваться для такой же обязательной службы? Ибо шпион в такой же степени, как и солдат, является признанным и аккредитованным военным агентом, и, если первого можно сделать каналом лжи, почему бы не сделать военнопленного? Римляне использовали последних для получения информации о планах своего врага, если не каким—либо другим способом, то пытками или угрозой этого; немцы заставляли некоторых своих французских военнопленных оказывать определенные военные услуги, связанные с ведением их кампании - было бы поэтому несправедливо использовать их, как принц Оранский использовал своего секретаря?

На подобные вопросы у специалистов по международному праву нет ответа. Еще меньше существует какой-либо авторитетной военной доктрины, касающейся их, и, если обсуждаемые стратагемы исключены из "хорошей" войны сегодняшней военной честью, вышеприведенное изучение военных хитростей было бы бесполезным, если бы оно не показало нам, насколько изменчив и капризен этот стандарт и на какие чудесные корректировки он способен.

Это было угощение, которому, возможно, улынулись бы сами боги, увидев и услышав, как философ-моралист и военный офицер совещаются о стратагемах, допустимых на войне. Пусть читатель вообразить их пытаются распределить в равных частях и причитающуюся долю вины подключая поочередно к следующим агентов—человек, который предаёт свою страну или своё дело на золото, и генерал, который соблазняет его на преступление или принимает его с радостью; к человеку, который служит в качестве шпиона, чтобы тот генерал, который, с одной стороны, передаёт или использует его в качестве шпиона, и генерала, который на другой стороне висит его как шпиона; для человека, который обнаруживает прочности город в маскировке мясника, и своих братьев-солдат, введите его маскируются под крестьян или под предлогом укрытия от болезни или метель; чтобы человек, который получает преимущество, распространяя ложные сведения, и человек, который делает это путем использования поддельных отправок; человек, который, как Сципион, играет на переговоры о мире для того, чтобы высмотреть и воспользовался враг слабость, и человек, который вносит предложения в измене врага, чтобы легче принять его в невыгодном свете—и вывод будет не, вряд ли приходит в голову, когда он содрогается при возможной продолжительности и бесплодности, что воображаемый диспут, что, какой бы ущерб причинен в состоянии войны на жизнь, на собственность, к богатству, к семейным привязанностям, чтобы внутренние честь, это хаос, абсолютно несравнимый с тем, который он производит среди полученных моральных принципов человечества. Военный кодекс, касающийся справедливого и законного использования мошенничества и лжи, не имеет ничего общего с обычным моральным кодексом гражданской жизни, принципы, открыто провозглашаемые в нем, настолько совершенно чужды нашим простейшим правилам честного поведения, что в любом другом обществе, кроме воюющих классов нашего цивилизованного общества, их не стали бы отстаивать из-за стыда и ни на минуту не стали бы слушать без негодования.

ГЛАВА VI. ВОЙНА ВАРВАРОВ.

Non avaritia, non crudelitas modum novit.... Quæ clam commissæ capite luerentur, quia paludati fecere laudamus.—Сенека.

Различные понятия о чести—Примитивные представления о военной жизни—Что такое цивилизованная война—Передовые законы войны среди нескольких диких племен—Символы мира среди дикарей—Самоанская форма капитуляции—Мирные договоры между дикарями—Отмена законов войны при военных действиях с дикарями—Зулусов взрывают в пещерах с оружием в руках-хлопок—Женщин и мужчин похищают для транспортных услуг на Золотом Берегу—Гуманные намерения испанцев в Новом Свете контрастируют с бесчеловечностью их действий—Войны с выходцами из Англии и французами в Америке—Предлагаемые высокие награды за скальпы—Использование ищеек на войне—Использование яда и зараженной одежды—Договор Пенна с индейцами—Как миссионеры становятся причиной войны—Объяснение провала современных миссий—Миссионерские станции как центры враждебных интриг—Призыв к государству-регулирование миссий—Депопуляция под протестантским

влиянием—Предотвращение ложных слухов,*Тенден Люген*—Цивилизованная война и война варваров —Между ними нет реальной разницы.

Один миссионер, увидев однажды негра, изуродовавшего свое лицо шрамами, спросил его, зачем он подвергает себя такой ненужной боли, и получил ответ: "Ради чести и чтобы люди, увидев меня, могли сказать: "Вот идет человек сердца".

Каким бы нелепым ни казалось нам представление этого негра о чести, оно имеет достаточное сходство с другими представлениями того же рода, которые были распространены в мире в разное время, чтобы убедить нас в крайней изменчивости рассматриваемого чувства. Цезарь с трудом построил мост через Рейн, главным образом потому, что считал это ниже своего собственного достоинства или достоинства римского народа, чтобы его армия пересекала его на лодках. Древние кельты считали столь же постыдным спастись бегством от наводнения, от горящего или рушащегося дома, как и отступить от врага. Спартанцы считали бесславленным преследовать бегущего врага или быть убитым при штурме осажденного города. Те же галлы, которые прославились нанесением ударов палашом, почти сошли бы с ума от стыда, если бы были ранены стрелой или другим метательным предметом, оставившим лишь незаметный след. Использование букв когда-то считалось бесчестным во всех европейских странах. Маршал Монлюк в шестнадцатом веке считал признаком ненормального увлечения книгами то, что человек предпочитает провести ночь в своем кабинете, а не в окопах, хотя сейчас большинство людей сочли бы противоположный вкус признаком дурака.

Таковы некоторые из любопытных представлений о чести, которые преобладали в разные времена. В котором мы, по-видимому, признаем не просто перемены, но прогресс; одно из главных различий между диким и цивилизованным государством заключается в различных оценках воинской доблести и воинской чести. В наши дни мы смеемся над древними бриттами, которые верили, что души всех, кто занимался чем-либо иным, кроме воинского дела, после презируемой жизни и никем не оплакиваемой смерти волей-неволей витали над болотами, непригодные для общения с душами воинов в более высоких и светлых областях; или над всадниками, которые перед смертью ранили себя копьями, чтобы получить доступ в Валгаллу, в котором было отказано всем, кто не погиб на поле битвы; или над испанцами, которые, когда Катон разоружил их, предпочли остаться в живых. добровольная смерть ради жизни, обреченной пройти без оружия.^[204] Ни один цивилизованный воин не стал бы гордиться, как это делали фиджийские воины, тем, что он широко известен как "Расточитель" или "Разрушитель" такого-то района; самое большее, чего он хотел бы, - это титула и, возможно, вечной пенсии для своих потомков. У нас нет ничего похожего на обычай североамериканских племен, у которых различные знаки на одежде воина с первого взгляда говорили о том, прославился ли он убийством мужчины или женщины, или только убийством мальчика или девочки. В этом отношении мы уступаем племенам дакота, у которых орлиное перо с красным пятном на нем обозначало просто убийство врага, то же самое перо с зазубринами и выкрашенными в красный цвет боками означало, что указанному врагу перерезали горло, в то время как по тому, были ли зазубрины на одной стороне или на обеих, или перо частично оголилось, любой мог сказать, после скольких других герою удалось прикоснуться к мертвому телу поверженного врага. Шаг Пирра, эпиротского царя, явно велик, и когда его спросили, кто из двух музыкантов, по его мнению, лучший, он лишь соизволил ответить, что Полисперхон был генералом Наполеона, французского императора, который наградил певца Кресчентини крестом Почетного легиона.

И как с развитием цивилизации владение оружием становится на более низкий уровень по сравнению с мирным искусством, так и для более образованных людей характерно убеждение, что алчность и жестокость, присущие военным обычаям более отсталой нации или более ранних времен, отсутствуют в их собственных. Они изобретают выражение *цивилизованная война*, чтобы подчеркнуть различие, которое, по их мнению, присуще природе вещей; и смотрят с его помощью даже на способ убийства врага с абсурдно искаженным моральным видением. Как мало среди нас, например, тех, кто не видит крайнего варварства в том, чтобы проткнуть человека assegai, и в то же время никто не делает этого штыком? И почему мы должны гордиться тем, что не калечим мертвых, в то время как у нас нет никаких угрызений совести относительно того, до какой степени мы калечим живых? Мы шокированы упоминанием варварских племен, которые отравляют свои стрелы или зазубривают дротики, но сами не задумываемся об ужасной гангрене, вызываемой медным колпачком в ружейной пуле Минье, и отвергаем, по причине дороговизны изменения, предложение о том, чтобы пули из мягкого свинца, причиняющие ненужную боль, больше не использовались цивилизованными державами в качестве боеприпасов для стрелкового оружия.[205]

Но хотя разница в этих отношениях между варварством и цивилизацией, таким образом, касается скорее поверхности, чем сути войны, результатом неизбежно является в обоих государствах различный кодекс военного этикета и чувств, хотя разница гораздо меньше, чем в любых других точках сравнения между ними. Поэтому, когда народы христианского мира вступили в контакт с неизвестными и дикими расами, чьи обычаи казались отличными от их собственных и мало заслуживающими внимания, они предположили, что последние не признают законов войны, подобно тому, как некоторые из ранних путешественников отказывали в обладании речью людям, чей язык они не могли интерпретировать. Из этого предположения следовал практический вывод, что ограничения, которые считались священными между врагами, унаследовавшими те же традиции воинской чести, не нуждались в соблюдении в военных действиях с языческим миром. Поэтому стоит показать, насколько безосновательным было первоначальное предположение и как законы войны, ни в чем не отличающиеся от европейских, могут быть обнаружены в военных обычаях варварства.

Щадить слабых и беспомощных было и остается обычным правилом в войне менее цивилизованных рас. Гуанчи Канарских островов, - говорит старая испанский писатель, провел его в качестве базы, а значит, приставать или травмировать женщин и детей врага, считая их слабыми и беспомощными, поэтому ненадлежащего объекты свои обиды; они не бросают вниз или повреждения домов поклонения.[206] самоанцы счел труслив, чтобы убить женщину:[207] , а в Америке индейцы Сиу и Winnebagoes, хотя достаточно варварский в остальном, говорят, что проявили обычные отношению к слабому полу.[208] Южноафриканские басуто, каковы бы ни были их нынешние обычаи, заявляют, по словам Казалиса, одного из первых французских протестантских миссионеров, посетивших их страну, что во время своих войн они уважали личность женщин, детей и путешественников и пощадили всех сдавшихся пленных, предоставив им свободу при уплате выкупа.[209]

Немногие дикие расы принадлежали к более дикому типу, чем абипоны Южной Америки; однако Добрицхоффер, миссионер-иезуит, уверяет нас, что они не только считали недостойным себя калечить тела мертвых испанцев, как это делали другие дикари, но и что они обычно щадили невоинственных, и уносили мальчиков и девочек целыми и невредимыми. С испанцами, индейцами, неграми или мулатами, которых они захватывали на войне, они обращались не как с

пленными, а с добротой и снисхождением, как с детьми. Добрицхоффер никогда не видел, чтобы пленника наказывали хотя бы словом или ударом, но он свидетельствует о сострадании и доверии, которые часто проявляют к пленникам их победители. Часто можно прочесть о жестокости краснокожих индейцев по отношению к своим пленникам; но Лоскиел, другой миссионер, заявляет, что победители часто использовали пленных вместо убитых, и что даже европейцы, когда дело доходило до обмена пленными, иногда отказывались возвращаться к своим соотечественникам. В Виргинии перед войной врагу было разослано уведомление о том, что в случае его поражения должны быть сохранены жизни всех, кто сдастся в течение двух дней.

Лоскиел приводит еще несколько довольно любопытных свидетельств о краснокожих индейцах. 'Когда замышлялась война, они обычно увещевали друг друга прислушиваться к добру, а не к злым духам, причем первые всегда рекомендовали мир. Похоже, - добавляет он с удивлением, - они понятия не имели о дьяволе как о князе тьмы до того, как в страну пришли европейцы'. Символом мира было закапывание топора или боевой дубинки в землю; и когда племена возобновляли свои мирные соглашения, они обменивались определенными поясами дружбы, которые были особенно выразительны. Основной пояс был белым, с черными полосами по бокам и черным пятном на каждом конце: черные пятна символизировали двух людей, а белая полоса между ними означала, что дорога между ними теперь свободна от всех деревьев, ежевики и камней, и что, следовательно, все препятствия были устранены с пути совершенной гармонии.

Афиняне использовали тот же язык символизма, когда объявляли войну, выпуская ягненка на волю в страну противника: это было равносильно утверждению, что местность, полная человеческих жилищ, вскоре должна быть превращена в пастбище для овец.^[210]

Фиджийцы обычно щадили фруктовые деревья своих врагов; жители островов Тонга считали святотатством сражаться на территории места захоронения вождя, где злейшие враги были вынуждены встретиться как друзья.

Большинство низших рас признают неприкосновенность послов и герольдов и имеют устоявшиеся эмблемы перемирия. Желание мира, которого зулусский король тщетно добивался от своих английских захватчиков символом слоньего бивня (1879), на островах Фиджи было передано китовым зубом, в Сандвиче - молодым подорожником или зеленой веткой растения ти, а среди большинства североамериканских племен - белым флагом из кожи или коры. Самоанский символ, обозначающий акт подчинения в знак осуждения дальнейших военных действий, в некоторой степени указывает на возможное происхождение этих тихоокеанских символов. Победенный самоанец приносил своему победителю несколько бамбуковых палочек, немного дров и несколько мелких камней; поскольку кусок расщепленного бамбука был первоначальным самоанским ножом, а маленькие камни и дрова использовались для запекания свиней, этот символ подчинения был эквивалентен высказыванию: "Вот мы, ваши свиньи, будем приготовлены, если вам угодно, и вот материалы, с помощью которых это можно сделать".^[211] Точно так же бивень слона или зуб кита могут быть коротким способом сказать победителю: "В тебе сила слона или кита; мы признаем бесполезность борьбы с тобой".

Точно так же многие дикие племена прилагают величайшие усилия, чтобы условия договоров как можно ярче запечатлелись в памяти договаривающихся сторон посредством ярких и понятных церемоний. На Сандвичевых островах венок, сплетенный совместно лидерами обеих

сторон и помещенный в храм, был главным символом мира. На островах Фиджи воюющие силы встречались и бросали свое оружие к ногам друг друга. Таитяне сплели венок из зеленых веток, предоставленных каждой стороной; обменяли двух молодых собак; а также, связав вместе ленту из ткани, отнесли венок и ленту в храм с проклятиями той стороне, которая первой нарушит столь торжественный мирный договор.^[212] На островах Херви символом прекращения войны было сломано несколько копий о большой каштан; почти нетленное коралловое дерево было посажено в долинах в знак надежды на то, что мир продлится столько же, сколько дерево; и после того, как по острову торжественно забили в барабан мира, любому мужчине было запрещено носить с собой оружие. оружие или срубить любое железное дерево, которое он мог бы превратить в орудие разрушения.

Даже наш обычай объявлять, что война ведется не против народа, а против его правителей, неизвестен в жизни дикарей. Армия ашанти обычно разбрасывала листья на своем марше, чтобы показать, что их враждебность была направлена не к стране, через которую они проходили, а только к зачинщикам войны; они говорили фанти, что воюют не с ними коллективно, а только с некоторыми из них.^[213] Насколько распространен в военном обычае этот призыв к измене врага, несмотря на редкость его успеха, знает каждый. Когда, например, началась англо-зулусская война, было торжественно провозглашено, что британское правительство не ссорилось с народом зулу; это была война против короля зулу, а не против зулусской нации. (11 января 1879 г.) Так говорили ашантийцам английские войска вторжения; так говорили афганцы; так говорили египтяне; и так говорили французам император Вильгельм до того, как его безжалостные орды опустошили некоторые из прекраснейших провинций Франции; так, без сомнения, скажут суданским арабам. И все же этот призыв к измене, эта награда за нелояльность людей является обычным предвестником войн, в которых разрушение ради него самого, сжигание зерна и деревень ради простого удовольствия от пламени почти неизменно является наиболее заметной чертой. Военный взгляд всегда преобладает над гражданским, на значение военных действий, которые имеют отношение не к населению, а только к его правительству. Например, во время зулусской войны, несмотря на вышеупомянутое заявление, генерал-лейтенант приказал совершать набеги на Зулуленд с явной целью сжигания пустых краалей или деревень; защищая такую процедуру обычной военной логикой, что чем больше местные жители в целом ощущают напряжение войны, тем больше они стремятся к ее завершению; и совершенно напрасно вице-губернатор Наталя утверждал, что сжигание пустых краалей не принесет большого вреда зулусам и пользы англичанам; и что, хотя война была начата на юге Страны, чем больше они чувствовали напряжение войны. на том основании, что это велось против короля зулу, а не против его нации, такое поведение было рассчитано на то, чтобы оттолкнуть от захватчиков весь народ зулу, включая тех, кто был хорошо расположен к ним. Подобные аргументы вряд ли когда-либо возобладают над той страстью к бессмысленному разрушению и зачастую совершенно ненужной бойне, которая находит готовое и всеобъемлющее убежище под крылом военной необходимости.

Следовательно, предположение, что дикие расы не знают всех законов войны или неспособны их изучить, по-видимому, основано скорее на нашем безразличии к их обычаям, чем на реальности дела, поскольку приведенные выше доказательства обратного являются результатом самого поверхностного исследования. Но какой бы ценностью ни обладали наши собственные законы войны, поскольку они помогают установить реальную разницу между дикой и цивилизованной войной, лучший способ распространить благословение знания о них, очевидно, заключался бы в том, чтобы более цивилизованные расы строго придерживались их

во всех войнах, ведущихся со своими менее развитыми соседями. Английский военачальник, например, не должен поджигать столицы Ашанти или Зулуленда под таким ничтожным предлогом, как демонстрация британской мощи, точно так же, как он не стал бы поджигать Париж или Берлин; он не должен сжигать деревни или зернохранилища в Африке или Афганистане так же, как он это сделал бы в Нормандии; и он не должен больше держать зулусского посланника или сторонника перемирия в цепях[214] лучше, чем он поступил бы так с носителем белого флага русского или итальянского врага.

Обратный принцип, который все еще в моде, а именно, что с варварами вы должны или можете быть варварами, приводит к некоторым любопытным иллюстрациям цивилизованной войны, когда она вступает в конфликт с менее цивилизованными расами. Во время одной из франко-итальянских войн шестнадцатого века более 2000 женщин и детей укрылись в большой горной пещере и были там задушены отрядом французских солдат, которые подожгли большое количество дров, соломы и сена, сложенных у входа в пещеру; но это считалось настолько постыдным поступком, что шевалье Баярд приказал повесить двух зачинщиков у входа в пещеру.[215] Тем не менее, когда французский генерал Пелисье в этом столетии душил сопротивляющихся алжирцев в их пещерах, защита была не хуже, чем при обстреле крепости; и есть свидетельства того, что ружейный хлопок нередко использовался для подрыва входа в пещеры в Зулуленде, в которых мужчины, женщины и дети надеялись укрыться. найти убежище от армии, которая только заявляла, что воюет со своим королем.[216]

Следующее описание того, каким образом во время войны в Ашанти английские войска получали местные авианосцы для своей транспортной службы, не лишено поучений в этом отношении:

‘ Мы принялись за похищения людей с большим размахом. Совершались набеги на все ассинийские деревни в пределах досягаемости линии марша, и мужчин, а иногда и женщин уводили и отправляли по стране под охраной с ящиками провизии. Лейтенант Болтон из 1-го Вест-Индского полка оказал таким образом огромную услугу. Будучи в течение некоторого времени комендантом Аккры, он знал побережье и многих вождей; и, имея в своем распоряжении военный корабль, он ходил вверх и вниз по побережью, постоянно высаживаясь, беседуя с вождями и получая от них большое количество мужчин и женщин; или, когда это не удавалось, высаживался ночью с отрядом солдат в окрестных деревнях и уничтожал взрослое население, оставляя только нескольких женщин присматривать за детьми. Таким образом, в течение месяца он заполучил несколько тысяч носителей”.[217]

И затем определенная школа писателей говорит о любви и уважении к Британской империи, которые эти демонстрации нашей мощи рассчитаны на то, чтобы завоевать у низших рас! Ашанти опозорены практикой человеческих жертвоприношений, а у зулусов есть много варварских обычаев; но никакое количество праведного негодования по этому поводу не оправдывает такого обращения с ними, как описанное выше. Если это произойдет, мы больше не сможем осуждать действия испанцев в Новом Свете. Ибо мы должны помнить, что они хотели распространить не только христианство инквизиции или испанскую торговлю; они жаждали не просто золота или новых земель, но и таких гуманитарных целей, как отмена варварских обычаев, таких как мексиканские человеческие жертвоприношения. ‘Испанцы, видевшие эти жестокие жертвы, ’ писал современник, иезуит Акоста, - решили приложить все свои силы, чтобы покончить со столь отвратительной и проклятой бойней людей’. Испанцы шестнадцатого

века были в намерениях или выражении ничуть не менее гуманны, чем мы, англичане девятнадцатого. И все же с тех пор их действия порочат их имя. Кортес подверг пыткам Гуатамозина, короля Мексики. Писарро приказал задушить инку Перу на костре. Альварадо пригласил несколько мексиканцев на фестиваль и предоставил им возможность устроить резню. Сандовал приказал сжечь одновременно 60 казиков и 400 дворян и заставил их родственников и детей стать свидетелями их наказания. Папе Павлу пришлось очень скоро (1537 г.) издать буллу о том, что индейцы на самом деле люди, а не звери, как вскоре сделали вид испанцы, что считают их таковыми.

Более того, весь этот вопрос обсуждался в то время между Лас Касасом и Сепульведой, историографом императора Карла V. Сепульведа утверждал, что месяц войны может принести больше пользы от варварства, чем 100 лет проповеди; и в своем знаменитом споре с Лас Касасом в Вальядолиде в 1550 году отстаивал справедливость всех войн, ведущихся против аборигенов Нового Света, либо на основании греховности последних, либо под предлогом защиты их от жестокости их же соплеменников. соотечественники; последней просьбе всегда отводилось видное место в недавних английских войнах. Лас Касас ответил — и его ответ неопровержим, — что даже человеческие жертвоприношения являются меньшим злом, чем неизбирательная война. Он мог бы добавить, что военный контакт между людьми с неодинаковой степенью цивилизованности больше способствует варварству цивилизованных, чем цивилизованности варварского населения. Вполне заслуживает внимания и размышления тот факт, что европейские поля сражений стали явно более варварскими после того, как в войнах за Атлантикой были приобретены привычки к большей жестокости, в ходе которых обычные ограничения были забыты, а узы общей человеческой природы разрушены различиями религии и расы.

Тот же эффект имел место в римской истории, когда расширенное владычество Республики привело к столкновению ее армий с врагами за морем. Римские летописцы свидетельствуют о последовавшем за этим ухудшении как способов ведения войны, так и национального характера.^[218] Именно во время азиатской войны мы впервые слышим о том, что римский генерал отравил источники;^[219] в войне за обладание Критом критские пленники предпочитали отравлять сами, а не страдать от жестокости, причиненной им Метеллом;^[220] во время Фракийской войны римляне отрубали руки своим пленникам, как впоследствии Цезарь поступил с галлами.^[221] И мы должны помнить, что такой практичный английский государственный деятель, как Кобден, предвидел, как возможный пагубный результат сближения Англии с Востоком, подобное ухудшение национального характера своих соотечественников. "После еще одной-двух войн, - писал он, - в Индии и Китае у английского народа появился бы аппетит к боям быков, если бы не к гладиаторам".^[222]

И часто такие результаты не компенсируются улучшением положения племен, которых пытаются цивилизовать по методу, рекомендованному Сепульведой. Самая счастливая судьба населения, которое он хотел видеть цивилизованным с помощью меча, заключалась в том, что они ожидали своего уничтожения или рабства путем своего рода добровольного самоубийства. На Кубе нам рассказывают, что "они обрекают себя на смерть, целые семьи делают это вместе, а деревни приглашают другие деревни присоединиться к ним в уходе из мира, который больше не был терпимым".^[223] так было и в другом полушарии; жители островов Ладроне, искалеченные мечом и болезнями испанцев, намеренно приняли меры по сокращению своей численности и сдерживанию населения, предпочитая добровольное вымирание мерзкой

милости иезуитов: до сих пор больница для прокаженных - единственное здание, оставшееся на том, что когда-то было одним из самых густонаселенных их островов. .

Однако следует отдать должное испанцам, что принципы, которыми они руководствовались в отношениях с языческими расами, в той или иной степени отразились на поведении колонистов всех национальностей. Реальное или, чаще, притворное рвение к благополучию туземных племен у всех христианских народов сосуществовало с доктриной о том, что в случае конфликта с ними общие ограничения войны могут быть отменены. Что, например, может быть хуже этого, рассказанного о первых английских поселенцах в Америке кем-то из них самих? 'Плимутцы тем временем пришли в Веймут и там притворились, что угощают дикарей тех краев, принеся с собой вилки и другие предметы для этой цели, которые они поставили перед дикарями. Они ели его, не подозревая ни о каком вреде, повинувшись данному лозунгу, и плимутские плантаторы закололи их собственными ножами, висевшими у них на шее".[224]

По словам Мазера, среди первых английских поселенцев убийство индейца вскоре стало считаться религиозным актом. Во второй половине семнадцатого века и французские, и английские власти переняли обычай снимать скальпы и предлагать вознаграждение за скальпы своих врагов-индейцев. В 1690 году самых здоровых и энергичных индейцев, захваченных французами, "продавали в Канаде, более слабых приносили в жертву и скальпировали, и за каждый скальп назначалась награда".[225] Кaleb Лайман, который впоследствии стал старейшиной церкви в Бостоне, оставил рассказ о том, как он сам и пятеро индейцев напали на вигвам и сняли скальпы с шести из семи человек внутри, чтобы каждый мог получить обещанную награду. По их ходатайству в большой и общий суд они получили по 30фунтов стерлингов каждый, и Пенхоллоу говорит не только о том, что они, вероятно, ожидали в восемь раз больше, но и о том, что на момент написания статьи провинция с готовностью выплатила бы сумму в 800фунтов стерлингов для получения аналогичной услуги.[226] Капитан Лаввелл, говорит тот же самый современный восхвалитель войны, длившейся с июля 1722 по декабрь 1725 года, "из Данстейбла отправился на север с тридцатью добровольцами, которые, пройдя несколько миль по местности, наткнулись на вигвам, в котором находились два индейца, одного из которых они убили, а другого взяли в плен, за что получили обещанную награду в размере 100фунтов стерлингов за скальп". , и, кроме того, два шиллинга и шесть пенсов в день. (19 декабря 1724 г.)[227] К удивлению Норриджвока, "число мертвых, с которых мы сняли скальпы, составило 26, не считая мистера Рэсла, иезуита, который был кровавым поджигателем".[228] Очевидно, что эти весьма щедрые вознаграждения, должно быть, служили частой причиной войн с индейцами и заставляли колонистов прислушиваться к рассказам о бесчинствах туземцев; действительно, белые иногда переодевались индейцами и грабили, как индейцы, чтобы, по-видимому, эффективнее поднять против них боевой клич.[229]

С тех пор, как испанцы впервые натаскали ищеек на Кубе для охоты на индейцев, союз между солдатами и собаками был излюбленным в варварских войнах. Португальцы использовали их в Бразилии, когда охотились на туземцев в качестве рабов.[230] А английский офицер в трактате, который он написал в прошлом веке в качестве своего рода военного руководства по ведению войны с индейцами, хладнокровно предложил: "Каждый легкий кавалерист должен быть снабжен ищейкой, которая была бы полезна для обнаружения вражеских засад и следования по их следам. Они схватят голых дикарей и, по крайней мере, дадут время всадникам догнать их".[231] На Молуккских островах использование двух ищеек против туземного вождя стало причиной великого союза между всеми островами, чтобы сбросить испанское и португальское

иго.[232] И даже во время войны, которую Соединенные Штаты вели во Флориде с 1838 по 1840 год, генералу Тейлору было разрешено послать на Кубу ищеек, чтобы выследить индейцев; и, согласно одному источнику, к их помощи не прибегали напрасно.[233]

На помощь тоже был призван яд. Говоря об индейцах юта, путешественник уверяет нас, что "как и в Австралии, содержание мышьяка и сублимата коррозии в источниках и продуктах питания уменьшило их количество".[234] И таким же образом "отравленный ром помог истребить тасманийцев".[235]

Но в этом направлении все еще хуже. Португальцы в Бразилии, когда ввоз рабов из Африки сделал захват туземцев менее желательным, чем их истребление, оставляли одежду людей, умерших от оспы или скарлатины, на то, чтобы они находили ее в лесах.[236] И караванные торговцы из Миссури в Санта-Фе, как говорят, тем же методом или в виде подарков из табака заразили оспой индейские племена этого района в 1831 году.[237] Огромная депопуляция большинства племен оспой с момента их знакомства с белыми является одним из самых замечательных результатов в истории их взаимной связи; и вряд ли когда-либо будет известно, до какой степени совпадение было случайным.

Приятно перейти от этих практических иллюстраций теории о том, что при боевых действиях с дикими племенами не следует считаться с законами войны, к единственному зарегистрированному испытанию противоположной системы и обнаружить, что не только она связана с одним из величайших имен в английской истории, но и что успех, которого она достигла, полностью оправдывает подозрение и немилость, с которыми начинают относиться к обычному использованию. Индейцы, с которыми Пенн заключил свой знаменитый договор в 1682 году (о котором Вольтер сказал, что это был единственный договор, который никогда не был ратифицирован клятвой, и единственный договор, который никогда не нарушался), принадлежали к той же алгонкинской расе, с которой голландцы почти никогда не поддерживали мир и против которой они воевали в обычной для тех времен безжалостной манере. Международный договор был основан на принципе урегулирования разногласий трибуналом, состоящим из равного числа краснокожих и белых. "Пенн, - говорит историк, - пришел без оружия; он провозгласил своей целью воздержание от насилия, у него не было послания, кроме мира, и ни одна капля квакерской крови никогда не была пролита индейцем"[238] Более семидесяти лет, с 1682 по 1754 год, когда разразилась война с Францией, короче говоря, за все то время, что квакеры имели основную долю в правительстве Пенсильвании История индейцев и белых в этой провинции была свободна от рассказов об убийствах и военных действиях, которые были столь обычны в других округах; так что единственный пример, в котором был терпеливо продолжен эксперимент с равными законами и снисходительностью, может, по крайней мере, похвастаться успехом, который в поддержку противоположной системы было бы очень трудно найти в течение равного количества лет в любой другой части мира.

Можно также возразить против доктрины Сепульведы, что привычки более высокой цивилизации, где они действительно заслуживают распространения, распространяются легче и с более постоянным эффектом среди варварских соседей путем простого заражения лучшим примером, чем путем обучения огню и мечу. Говорят, что некоторые племена даяков на Борнео отказались от человеческих жертвоприношений из-за более благоприятного влияния малайцев в прибрежном районе.[239] Перуанцы, по словам Прескотта, распространяли свою

цивилизацию среди своих более грубых соседей больше примером, чем силой. "Далекие от того, чтобы провоцировать военные действия, они дали время благотворному примеру своих собственных институтов возыметь свое действие, надеясь, что их менее цивилизованные соседи подчинятся их скипетру из убеждения в тех благах, которые это принесет им". Они призывали их отказаться от каннибализма, человеческих жертвоприношений и других варварств; они прибегали к переговорам, примирительному обращению и подаркам ведущим людям среди племен; и только если все эти средства оказывались безуспешными, они прибегали к войне, но к войне, которая на каждом этапе была легко открыта для предложений мира и в которой любое неоправданное посягательство на личность или имущество их врага каралось смертью.

Что-то было бы сделано для развития этого лучшего метода цивилизования низших рас, если бы мы заранее предупредили и вооружили себя против симптомов враждебности по отношению к ним путем глубокого понимания условий, которые делают такую враждебность возможной. Ибо как вспышку лихорадки в некоторой степени можно предотвратить, зная условия, вызывающие лихорадку, так и начало войны можно предотвратить, зная законы, управляющие ее возникновением. Опыта, которым мы обязаны истории в этом отношении, вполне достаточно, чтобы позволить нам с некоторой степенью уверенности делать обобщения относительно причин или шагов, которые вызывают войны или предшествуют им; и, памятуя о наших отношениях с дикими расами Южной Африки, мы можем с некоторыми опасениями предсказывать вероятный ход наших отношений с такой страной, как Новая Гвинея.

Колония европейцев, находящаяся поблизости от соседей-варваров, естественно, желает в скором времени увеличения территории за счет последних. Первым признаком такого желания является экспедиция миссионеров в страну, которые не только разведывают обстановку на благо колонии, но и неизменно ослабляют местную политическую силу, создавая раскол чувств и противостояние между любовью к старым традициям и соблазном новых обычаев и идей. Партия новаторов, поначалу самая малочисленная, состоящая из самых слабых и обездоленных членов общины и из тех, кто с радостью стекается к миссионерским станциям в поисках убежища от своих нарушений племенных законов, миссионеры вскоре осознают невозможность дальнейшего успеха без некоторой внешней помощи. Только помощь дружественных сил может изменить баланс влияния в их пользу, и они вскоре учатся с самодовольством рассматривать преимущества военного завоевания туземцев колонией или метрополией. В их глазах зло войны устраняется обманчивыми представлениями о конечной выгоде, и, в соответствии с нередким извращением морального чувства, цель, которая считается религиозной, ставится для оправдания мер, которые являются обратными.

Когда взгляды и интересы колониальных поселенцев и миссионеров таким образом, неизбежно, но непреднамеренно, придут в гармонию, война наверняка будет не за горами. Кажущийся случайным, он на самом деле так же несомненен, как получение зеленого цвета из смеси синего и желтого. Какой-нибудь спор о границах, какой-нибудь мимолетный акт насилия послужат поводом для ссоры, которая в настоящее время будет подкрепляться фиксированным набором побочных предлогов. Пресса с готовностью приходит на помощь; и через неделю колония дрожит или делает вид, что дрожит от паники перед вторжением, и сосуды добродетели расходятся на пороки варваров, которые в течение многих лет терпели с невозмутимостью или безразличием. Их обычаи расписаны в самых черных красках; подробности диких обычаев почерпнуты из старых книг о путешествиях; усердно

распространяются слухи о массовых убийствах и увечьях; и вся страна представлена в таком состоянии анархии, что большинство населения в своем стремлении к освобождению от своих собственных правителей с радостью приветствовало бы даже иностранного завоевателя. Короче говоря, война против них быстро начинает рассматриваться как война в их пользу, как последнее слово филантропии и милосердия; и зверства, которые впоследствии следуют, явно предпринимаются не против несчастных людей, которые их терпят, а для освобождения их от правителя по их выбору или с их попустительства, во имя которого, однако, они сражаются насмерть.

Поэтому каждой стране, которая хотела бы быть избавленной от этих позорных войн с варварскими племенами на границах своих колоний, ясно, что необходима величайшая осторожность в отношении злоупотреблений миссионерской пропагандой. Почти абсолютный провал миссий в последние столетия, и особенно в девятнадцатом, тесно связан с возросшим политическим значением, которое им придали улучшенные условия передвижения и общения. Все слышали, как преследовался католицизм в Японии, пока, наконец, само исповедание христианства не было объявлено тяжким преступлением в этой части мира. Но путешественник, который в то время близко знал Восток, объясняет, почему труды иезуитов привели к таким катастрофическим результатам. После вспышки гражданских беспорядков в Японии 'христианские священники сочли, что для них настало подходящее время основать свою религию на том же фундаменте, на котором Магомет основал свою, установив ее кровью. Их мысли были направлены ни на что иное, как на истребление язычников с территории страны, и они составили заговор о создании армии из 50 000 христиан для убийства своих соотечественников, чтобы весь остров был освещен христианством, таким, каким оно было тогда".[240] И точно так же современный автор, говоря о весьма ограниченном успехе миссий в Индии, откровенно утверждает, что "в отчаянии многие христиане в Индии вынуждены желать и молиться, чтобы кто-нибудь или каким-нибудь способом смог обратить индийцев мечом".[241]

Да и сами язычники не слепы к политическим опасностям, которые связаны с присутствием среди них миссионеров. Во всем мире обращение в христианство с точки зрения коренных жителей - это то же самое, что недовольство, и войны боятся как неизбежного следствия принятия христианства. Французский епископ Лефевр, когда в 1847 году мандарины китайской провинции Кочин спросили его о цели его визита, сказал, что он прочитал на их лицах, что они подозревают его "в том, что он приехал, чтобы вызвать какую-то вспышку среди неофитов и, возможно, подготовить путь для европейской армии"; и король "боялся видеть, как христиане умножаются в его королевстве и в случае войны с европейскими державами объединяются с его врагами".[242] Насколько он был прав, доказали события!

Та же история и в Африке. "Вскоре после того, как я приехал в страну, - сказал миссионер мистер Калдервуд из Каффрии, - один из ведущих вождей однажды сказал мне: "Когда мой народ становится христианином, он перестает быть моим народом"". [243] Норвежские миссионеры в течение двадцати лет находились в Зулуленде, не обратив никого, кроме нескольких обездоленных детей, многих из которых им отдали из жалости. вождями,[244] и их неудача была фактически приписана королем зулу тому, что они учили несовместимости христианства с верностью языческому правителю.[245] В 1877 году авторитетный зулус выразил распространенные местные рассуждения по этому вопросу на языке, который дает ключ к разочарованиям, распространяющимся гораздо дальше, чем Зулуленд: 'Мы не позволим зулусам стать так называемыми христианами. Так говорит не король, а каждый мужчина в

Зулуленде. Если зулус делает что-то не так, он сразу же идет на миссионерскую станцию и говорит, что хочет стать христианином; если он хочет сбежать с девушкой, он становится христианином; если он хочет освободиться от службы королю, он надевает одежду и становится христианином; если мужчина - умтагати (злодей), он становится христианином".[246]

Именно по этой причине в войнах с дикими народами разрушение миссионерских пунктов всегда было таким постоянным эпизодом. Мы также не можем удивляться этому, когда вспоминаем, что, например, во время Кафрской войны 1851 года миссионеры хвастались тем, что именно кафры, обученные на миссионерских станциях, сохранили английские посты вдоль границ, доставляли английские депеши и сражались против своих соотечественников за сохранение и оборону колонии.[247] То, что уэслианская миссионерская станция в Эдендейле выделила эффективные силы кавалерии для борьбы со своими соотечественниками в зулусской кампании, является довольно плачевным результатом всех денег и труда, потраченных на попытки обратить Южную Африку в христианство; и мы можем колебаться, стоит ли больше всего презирать миссионеров, которые считают такое большое достижение. результат как триумф их усилий или новообращенные, которых они награждают чаем с пирожными за военную службу на стороне врагов своих соотечественников.[248]

Не нужно большого напряжения ума, чтобы понять, что такое использование миссионерских пунктов в качестве школ военной подготовки едва ли способствует усилению преимуществ обращения в умах язычников, среди которых они насаждаются.

По этим причинам, а также потому, что с каждым днем становится все более очевидным, что войны являются не столько неизбежным злом, сколько необязательной частью человеческой жизни, главной мерой для страны, которая стремилась бы улучшить жизнь и жить в мире с менее цивилизованными расами, которые соприкасаются с многочисленными границами ее империи, было бы юридическое ограничение или предотвращение миссионерской деятельности: предложение, которое покажется менее поразительным, если учесть, что ни в одной части земного шара этот метод цивилизованного варварства не может привести к большему, чем локальный или эфемерный успех. Протестантские миссии этого столетия терпят неудачу, такую же фатальную и решительную, как та, что постигла католические миссии Франции, Португалии или Испании в шестнадцатом и семнадцатом веках, и во многом по тем же причинам. Английские войны в Южной Африке, с которыми протестантские миссионеры были так тесно связаны, сорвали все попытки обратить этот регион в христианство, точно так же, как "ужасные войны, вызванные прямо или косвенно миссионерами", посланными португальцами в королевства Конго и Ангола в шестнадцатом веке, сделали тщетными аналогичные попытки на Западном побережье.[249]

Тот же процесс депопуляции под влиянием протестантизма сейчас можно наблюдать на Сандвичевых островах или в Новой Зеландии, который за четверть века сократил население Эспаньолы при испанском христианстве с миллиона до 14 000 человек.[250] Ни один протестантский миссионер никогда не трудился с большим рвением, чем Элиот, в Америке семнадцатого века, но племена, которым он учил, давно вымерли: "подобно одному из их собственных лесных деревьев, они засохли от сердцевины до коры";[251] и, вкратце, историю как католических, так и протестантских миссий можно подытожить в одном общем утверждении: либо они вообще не достигли результатов в достаточном масштабе, чтобы быть достойными внимания, либо беспристрастная страница истории раскрывает перед нами

единый рассказ о гражданской войне, преследованиях, завоеваниях и истреблении в тех регионах, которыми они могут похвастаться, по крайней мере, видимостью того, что они существуют. успеха.

Другой мерой в интересах мира было бы создание класса хорошо оплачиваемых должностных лиц, в обязанности которых входило бы проверять на месте правдивость всех слухов о бесчинствах или зверствах, которые время от времени распространяются, с целью склонить общественное мнение в пользу враждебных мер. Такие слухи, конечно, могут иметь под собой некоторое основание, но в девяти случаях из десяти они ложны. Совсем недавно, в 1882 году, *Times* и другие английские газеты были настолько обмануты, что представили своим читателям ужасный отчет о принесении 200 молодых девушек в жертву духам умерших в Ашанти; и люди начали задаваться вопросом, можно ли терпеть подобные вещи в пределах досягаемости английской армии, когда, к счастью, обнаружилось, что вся эта история была вымышлена. Истории такого рода - это то, что немцы называют *Тенден Люген*, или ложью, придуманной для достижения определенного эффекта. Их влияние на пробуждение боевого духа неоспоримо; и, хотя здоровый скептицизм, который в последние годы был порожден опытом, дает нам некоторую защиту, никакие расходы не могут быть более экономичными, чем те, которые должны быть направлены на то, чтобы сделать их бессильными, нейтрализовав их у истока.

В предыдущем историческом обзоре военных отношений между сообществами, стоящими на разных уровнях цивилизации, упоминание некоторыми из самых грубых племен законов войны, очень похожих на те, которые считаются обязательными для более утонченных наций, имеет тенденцию дискредитировать различие между цивилизованной и варварской войной. Прогресс знания угрожает уничтожением различия, точно так же, как он уже свел различие между органической и неорганической материей или между животной и растительной жизнью к различию, основанному скорее на человеческом мышлении, чем на природе вещей. И вполне вероятно, что чем больше изучается военная сторона жизни дикарей, тем меньше будет обнаружено демаркационных линий, которые, как считается, устанавливают различия в характере ведения войны воюющими сторонами на разных стадиях прогресса. Разница в этом отношении заключается главным образом в оружии, стратегии и тактике; и, по-видимому, на какое бы превосходство более цивилизованное сообщество ни претендовало в своих правилах ведения войны, оно более чем компенсируется в условиях дикой жизни как менее частыми войнами, так и их гораздо менее фатальным характером.

Но, как бы ни преувеличивалась частота и жестокость войн, которые вели варварские расы по сравнению с теми, которые вели цивилизованные нации, нет сомнения, что в войне, как ни в чем другом, больше всего общего между цивилизацией и дикостью, и что различие между ними почти стирается. В искусстве, знании и религии различие между ними столь велико, что эволюция одного из них из другого до сих пор кажется многим невероятной; но в войне и связанных с ней мыслях точки аналогии не могут не поразить самого равнодушного. И в том, и в другом случае мы по-прежнему видим те же представления о славе сражения, ту же веру в войну как в единственный источник силы и чести, ту же надежду на личное продвижение, ту же готовность ухватиться за любой предлог, чтобы прибегнуть к ней, то же глупое чувство, что жить без нее подло.

Только тогда различие между ними будет окончательным, полным и реальным, когда всякая борьба будет низведена до варварства и рассматриваться как недостойная цивилизованного человечества; когда просвещение общественного мнения, которое уже освободило нас от таких проклятий, как рабство, камеры пыток или дуэли, инстинктивно потребует разрешения всех причин ссор мирным арбитражем и оставит низшим расам и низшим созданиям старомодное обращение к испытанию насилием и мощью, к соревнованию в мошенничестве и свирепости.

ГЛАВА VII. ВОЙНА И ХРИСТИАНСТВО.

Etsi adierant milites ad Joannem et formam observationis acceperant, si etiam centurio crediderat, omnem postea militem Dominus in Petro exarmando discinxit.—Tertullian.

Военный вопрос во времена Реформации—Протесты Эразма против обычая—Влияние Гроция на стороне войны—Военный вопрос в ранней Церкви—Отцы Церкви против законности войны—Причины изменения взглядов Церкви—Духовенство как активные участники боевых действий на протяжении более тысячи лет—Сражающиеся епископы—Храбрость на войне и церковные преимущества—Папа Юлий II. при осаде Мирандолы—Последний сражающийся епископ—Происхождение и значение объявления войны—Суеверия в названиях оружия, кораблей и т. Д.—Обычай целовать землю перед нападением—Связь между религиозными и военными идеями—Церковь как миролюбивая организация—Ее попытки ограничить репрессии—Изменившееся отношение современной Церкви—Ранние реформаторы санкционировали только справедливые войны—Упрек Вольтера в адрес Церкви—Проповедь каноника Мозли о войне—Ответ на его извинения.

Вопрос о том, была ли военная служба законной для христианина вообще, был во времена Реформации одним из наиболее остро обсуждаемых вопросов; и, учитывая силу мнений, высказанных в отрицательную сторону, его окончательное положительное решение вызывает больше удивления, чем ему обычно придают. Сэр Томас Мор обвиняет Лютера и его учеников в доведении доктрины мира до крайних пределов непротivления; и взгляды на этот предмет меннонитов и квакеров были лишь тем, что одно время казалось вполне вероятным, что они были взглядами Реформатской церкви в целом.

Безусловно, главным сторонником отрицательной стороны был Эразм, который, находясь в Риме в то время, когда Лига Камбре под эгидой Юлия II замышляла войну против Венецианской республики, написал для папы книгу под названием 'Антиполемус', которая, хотя и не была завершена, вероятно, частично содержится в его трактате, известном под названием "Dulce Bellum inexpertis", и напечатана среди его 'Адажий'. В нем он жаловался, как и сейчас можно жаловаться, на то, что обычай войны был настолько признан явлением жизни, что люди удивлялись, что нашелся кто-то, кому он был неугоден; и точно так же его так одобряли в целом, что поиск в нем каких-либо недостатков отдавал не только нечестием, но и настоящей ересью. Поэтому говорить об этом, как он сделал в следующем отрывке, требовало определенной смелости: 'Если и есть что-то в делах смертных, на что в интересах людей не только нападать, но чего следует всеми возможными средствами избегать, осуждать и упразднить, то это война, и

нет ничего более нечестивого, более пагубного, более широко распространенного, более закоренелого, более низкого, или, в общем, более недостойного человека, не говоря уже о христианине'. В письме Франциску I. на ту же тему он отметил как удивительный факт, что из такого множества аббатов, епископов, архиепископов и кардиналов, которые существовали в мире, ни один из них не выступил вперед, чтобы сделать все, что в его силах, даже с риском для жизни, чтобы положить конец столь прискорбной практике.

Неспособность этого взгляда на обычай войны, который по своей сути более противоположен христианству, чем обычай продажи людей в рабство или принесения их в жертву идолам, укорениться в умах людей, является несчастьем, о котором вся история Европы со времен Эразма дает достаточный комментарий. Эта неудача отчасти объясняется несчастным случаем, который побудил Гроция в этом вопросе бросить весь свой вес на противоположную чашу весов. Ибо этот знаменитый юрист, подробно изучив вопрос о совместимости войны с исповеданием христианства (доказав тем самым важность, которую в его время все еще придавали ей), пришел к выводам в пользу общепринятого мнения, которые любопытным образом характерны как для автора, так и для его времени. Его общий аргумент заключался в том, что если государь был оправдан в предании смерти своих собственных подданных за преступления, то тем более он был оправдан в применении меча против людей, которые не были его подданными, но были ему незнакомы. И этот абсурдный аргумент подкреплялся соображениями столь же слабыми, как следующие: что законы войны были изложены в Книге Второзакония; что Иоанн Креститель не приказывал солдатам, которые советовались с ним, оставить свое призвание, но воздерживаться от вымогательства и довольствоваться их жалованьем; что центурион Корнилий, которого крестил святой Петр, не отказался от военной службы, и апостол не призывал его к этому; что в войсках императора Константина было много христиан, и имя Христа было начертано на его знаменах; и что военное командование клятва после его отбытия была дана от имени Трех Лиц Троицы.

Одного размышления будет достаточно, чтобы показать крайнюю поверхностность этого рассуждения, которое, в конце концов, было заимствовано только у святого Августина. Ибо, если библейские тексты являются оправданием войны, они явно являются оправданием рабства; в то время как, с другой стороны, общий дух христианской религии, не говоря уже о нескольких положительных отрывках, по крайней мере, в равной степени противостоит как одному обычаю, так и другому. Если, таким образом, отмена рабства является одной из заслуг, на которую христианство как оказавшее влияние в истории претендует в значительной степени, то его неспособность отменить другой обычай, справедливости ради, должна быть противопоставлена ему; ибо было бы легче защитить рабовладение языком Нового Завета, чем защищать военную службу, на самом деле там гораздо больше говорится о том, чтобы внушить долг мира, чем о том, чтобы привить принципы социального равенства: и то же самое можно сказать о писаниях Отцов Церкви.

Различное отношение Церкви к этим двум обычаям в наше время, ее яростное осуждение одного и ее терпимость или поощрение другого, кажется тем более удивительным, если вспомнить, что в первые века нашей эры ее отношение было прямо противоположным, и что, хотя рабство было разрешено, незаконность войны осуждалась без колебаний.

Когда Тертуллиан писал свой трактат 'О короне' (201) о праве христианских солдат носить лавровые венки, он использовал по этому поводу слова, которые, даже если они расходятся с некоторыми из его утверждений, сделанных в его "Апологии" тридцатью годами ранее, могут быть восприняты как выражение его более зрелого суждения. "Должен лисын мира' (то есть христианин), спрашивает он, "действовать в битве, когда ему не подобает даже обращаться в суд? Должен ли он вводить узы, тюремное заключение, пытки и наказания тому, кто не может отомстить даже за свои собственные обиды?... Сам перенос его зачисления из армии света в армию тьмы является грехом.' И еще: 'Что, если бы солдаты действительно пошли к Иоанну и получили правила своей службы, и что, если бы центурион действительно поверил; Господь, обезоружив Петра, обезоружил каждого солдата с того времени'. Тертуллиан сделал исключение в пользу солдат, чье обращение произошло после их зачисления (как подразумевалось при обсуждении их долга в отношении лаврового венка), хотя и настаивал даже в их случае, что они должны либо оставить службу, как это сделали многие, либо отказаться от участия в ее действиях, которые были несовместимы с их христианским исповеданием. Таким образом, в то время христианское мнение явно было не только против вступления в военную жизнь после крещения (о чем нет никаких свидетельств), но и за то, чтобы от нее отказаться, если зачисление предшествовало крещению. Христиане, служившие в римской армии, были не новообращенными или христианами на момент зачисления, а людьми, которые остались под знаменами после своего обращения. Если несомненно, что некоторые христиане *оставались* в армии, то столь же несомненно и то, что ни один христианин в то время не думал о том, чтобы *вступить* в нее.

Это кажется лучшим решением широко обсуждаемого вопроса о том, в какой степени христиане вообще служили в первые века. Ириней говорит о христианах второго века как о не умеющих сражаться, а Иустин Мученик, его современник, считал пророчество Исая о превращении мечей в орала частично сбывшимся, потому что его единоверцы, которые в прошлые времена убивали друг друга, тогда не знали, как сражаться даже со своими врагами. Обвинение, выдвинутое Цельсом против христиан в том, что они отказывались носить оружие даже в случае необходимости, было признано Оригеном, но оправдано на основании незаконности войны. 'Мы действительно,' говорит он, 'сражаемся особым образом от имени короля, но мы не ходим с ним в походы, даже если он настаивает на этом; мы сражаемся от его имени как особая армия благочестия, побеждающая нашими молитвами к Богу за него'. И еще: 'Мы больше не поднимаем меч против людей и не учимся больше воевать, став через Иисуса, который является нашим полководцем, сынами мира'. Ничто не могло быть яснее и убедительнее этих формулировок; и такое же отношение к войне было выражено или подразумевалось следующими Отцами Церкви в хронологическом порядке: Юстином Мучеником, Татианом, Климентом Александрийским, Тертуллианом, Киприаном, Лактанцием, Архелаем, Амвросием, Златоустом, Иеронимом и Кириллом. Евсевий говорит, что многие христиане в третьем веке предпочли оставить военную жизнь, чем отречься от своей религии. Из 10 050 собранных языческих надписей было обнаружено, что 545 принадлежат солдатам-язычникам, в то время как из 4734 христианских надписей того же периода только 27 принадлежали солдатам; из чего кажется довольно абсурдным делать вывод, как сделал французский писатель, не о том, что в имперских армиях было большое несоответствие между христианами и языческими солдатами, а о том, что большинство солдат-христиан, будучи солдатами Христа, не хотели, чтобы на их эпитафиях было записано, что они были на службе у какого-либо человека.[252]

С другой стороны, конечно, всегда были христиане, которые оставались в рядах после своего обращения, несмотря на военную присягу именами языческих божеств и псевдопоклонство перед знаменами, которые составляли некоторую часть раннехристианской антипатии к войне. Это подразумевается в замечаниях Тертуллиана и не нуждается в поддержке таких легенд, как о Громоподобном легионе христиан, чьи молитвы вызвали дождь, или о фиванском легионе из 6000 христиан, принявших мученическую смерть при Максимиане. Это было оставлено на усмотрение каждого отдельного человека. В истории о мученике Максимилиане, когда проконсул Дион напомнил ему, что среди лейб-гвардейцев императоров были христианские солдаты, первый ответил: "Они знают, что для них лучше всего делать; но я христианин и не могу сражаться". Марцелл, обращенный центурион, сбросил пояс во главе своего легиона и скорее принял смерть, чем продолжил службу; и анналы ранней Церкви изобилуют подобными мученическими смертями. Не может быть особых сомнений и в том, что любовь к миру и неприязнь к кровопролитию были главными причинами такого раннехристианского отношения к военной профессии, и что идолопоклонство и другие связанные с ним языческие обряды действовали лишь как второстепенные сдерживающие факторы. Так, в греческой церкви святой Василий на три года отлучил бы от причастия любого, кто пролил кровь врага; и подобное чувство объясняет отказ Феодосия от причастия после его великой победы над Евгением. Церковные каноны исключали из рукоположения всех, кто служил в армии после крещения; а в пятом веке Иннокентий I. обвинял испанские церкви в их небрежности при приеме таких людей в священный сан.^[253]

Таким образом, антивоенная тенденция общественного мнения в ранний период христианства представляется неоспоримой, и Тертуллиан, вероятно, улыбнулся бы пророку, который должен был предсказать, что христиане перестанут держать рабов задолго до того, как они перестанут совершать убийства и грабежи под видом военных действий. Но силу первоначального импульса доказывает тот факт, что Ульфила, первый апостол готов, намеренно, в своем переводе Священного Писания опустил Книги Царств, как слишком стимулирующие любовь к войне.

Всем известно, насколько радикально христианство отказалось в этом вопросе от своего прежнего идеала. Отчасти это было результатом частого использования меча с целью обращения, а отчасти - возвышения магометанской державы, в результате чего войны с неверными предстали в свете актов веры и превратили весь христианский мир в своего рода обширный постоянный военный орден. Но в еще большей степени это было результатом компромисса, достигнутого в четвертом веке между язычеством и новой религией, в результате которого первое сохранило больше, чем потеряло, а второе отдало меньше, чем получило. Учитывая, что жрецы-друиды древней Галлии или Британии, как и жрецы языческого Рима, были освобождены от военной службы,^[254] и часто, согласно Страбону, оказывали такое влияние, что разнимали сражающихся на грани сражения, нет ничего более примечательного, чем степень, в которой христианское духовенство, епископы и аббаты возглавляли армии и сражались в битвах, в вопреки канонам и соборам Церкви, в то время, когда власть этой Церкви была больше, а ее влияние шире, чем когда-либо с тех пор. Историки едва ли уделяли должное внимание этому факту, охватывающему период по меньшей мере в тысячу лет; ибо Григорий Турский упоминает двух епископов шестого века, которые собственными руками убили множество врагов, в то время как Эразм в шестнадцатом жалуется на епископов, которые больше гордятся тем, что ведут за собой три или четыре сотни драгун с мечами и ружьями, чем последователями дьяконов и изучающих богословие, и спрашивает со справедливым

сарказмом, почему звуки трубы и флейты должны звучать для их ушей слаще, чем пение псалмов или слов Библии.

В четырнадцатом веке, когда война и рыцарство были на пике своего развития, произошел замечательный протест против такого положения вещей со стороны Уиклифа, который в этом, как и в других отношениях, предвосхитил Реформацию: 'Монахи теперь говорят, что епископы могут сражаться лучше всех людей, и что им это больше всего подходит, поскольку они - владыки всего этого мира. Они говорят, что Христос повелел своим ученикам продать свои одежды и купить себе мечи; но куда, если не для того, чтобы сражаться? Таким образом, монахи образуют большое войско и побуждают людей к битве. Но Христос учил своих апостолов сражаться не железным мечом, но мечом слова Божьего, которое пребывает в кротости сердца и благоразумии человеческого языка.... Если человекоубийство в других людях отвратительно Богу, то тем более в священниках, которые должны быть наместниками Христа.' И Уиклиф продолжает не только протестовать против этого, но и отстаивать общее дело мира на земле, на основаниях, которые, как он знает, люди мира будут презирать и отвергать как фатальные для существования королевств.[255]

Это была не случайная, а закоренелая практика и, по-видимому, была распространена в мире задолго до того, как феодальная система дала ей некоторое оправдание связью военной службы с владением землями. Однако сейчас он настолько полностью исчез, что — в качестве доказательства возможного изменения мышления, которое в конечном итоге может сделать христианского солдата такой же большой аномалией, как и сражающегося епископа, — стоит вспомнить из истории некоторые примеры столь любопытного обычая. "Сами епископы — не все, но многие, — говорит автор, описывающий правление короля Стефана, - закованные в железо и полностью вооруженные, имели обыкновение садиться на боевых коней вместе с нечестивцами своей страны, чтобы разделить их добычу; связывать и пытаться рыцарей, которых они взяли на случай войны или у которых было полно денег".[256] Именно в битве при Бувине (1214) знаменитый епископ Бове сражался дубинкой вместо меча из уважения к правилу канона, запрещавшему священнослужителю проливать кровь. Мэтью Пэрис рассказывает историю о том, как Ричард I. взял упомянутого епископа в плен, а когда папа умолял освободить его как своего собственного сына и сына Церкви, отправил к Иннокентию III. епископальная кольчуга с вопросом, признает ли он ее своей или сына Церкви; на что у папы хватило ума ответить, что он не может признать ее принадлежащей ни тому, ни другому.[257] История также содержит повторение нетерпеливого рыцаря, который, разделяя командование дивизией в битве при Фолкерке с епископом Дарема, крикнул своему более медлительному коллеге, прежде чем разделить с шотландцами: "Не тебе учить нас войне; к мессе, епископ!" и с этими словами бросился со своими сторонниками в бой (1298).[258]

Однако нет необходимости множить примеры, которые, если верить Дю Канжу, стали более распространенными во время опустошения Франции датчанами в IX веке, когда вся доступная военная помощь стала вопросом национального существования. Это событие сделало капитулярий Карла Великого мертвой буквой, в соответствии с которой этот монарх запретил любому священнослужителю выступать против врага, за исключением двух или трех епископов, которые благословляли армию или примиряли воюющих, и нескольких священников, которые давали отпущение грехов и служили мессу.[259] Похоже, что этот закон был принят в ответ на увещание папы Адриана II, аналогичное тому, с которым в предыдущем столетии обратился папа Захарий к предку Карла Великого, королю Пипину. Но хотя военная служба и пребывание в

церковных бенефициях стали более распространенным явлением со времен вторжения Дании, известны случаи, когда аббаты и архиепископы предпочитали отказаться от своей мирской жизни, чем принимать участие в действительной службе; и на протяжении многих веков весь этот вопрос, по-видимому, покоился на самой ненадежной основе, закон и обычай требовали в качестве долга того, что общественное и церковное мнение одобряло, но что сама Церковь осуждала.

То, что церковное звание иногда было наградой за храбрость на поле боя, свидетельствует о степени проникновения религии в военный дух тех печальных дней рыцарства, как в случае с тем капелланом графа Дугласа, который за храбрость, проявленную в битве при Оттерборне, был, по словам Фруассара, произведен в том же году в каноники и архидиаконы Абердина.

У Вазари в его 'Жизни Микеланджело' есть хорошая история, которая не только в высшей степени типична для этого воинственного христианства, но также может быть воспринята как обозначение самой дальней точки расхождения, достигнутой Церковью в этом отношении с точки зрения ее более раннего учения. Папа Юлий II. однажды пошел посмотреть на свою статую, которую исполнял Микеланджело. Правая рука статуи была поднята в достойной позе, и художник посоветовался с папой римским относительно того, следует ли ему поместить книгу в левую. "Вонзи в это меч, - сказал Юлий, - потому что в буквах я знаю очень мало". Это был папа, о котором Байль говорит, что никогда у человека не было более воинственной души, и о котором он, с некоторым сомнением, повторяет анекдот о том, как он бросил в Тибр ключи святого Петра с заявлением, что отныне будет пользоваться мечом святого Павла. Как бы то ни было, он лично отправился ускорить осаду Мирандолы вопреки протестам кардиналов и скандалу христианского мира (1510). Там, чтобы ободрить солдат, он пообещал им, что, если они проявят доблесть, он не будет заключать никаких условий с городом, но позволит им разграбить его;^[260] и хотя этого не произошло, и город в конечном итоге сдался на определенных условиях, глава христианской церкви сам проник в него через брешь.

Скандал, связанный с этим разбирательством, внес свою лепту в недовольство, породившее Реформацию; и это движение еще больше усилило неприятие, с которым многие уже смотрели на связь духовенства с реальной войной. Однако с той эпохи время от времени случалось, что жрецам, склонным к воинственности, удавалось удовлетворять их, и этот обычай становился все более и более редким по мере того, как общественное мнение укреплялось против него. Последним зарегистрированным примером воинствующего священнослужителя был, по-видимому, епископ Дерри, возведенный на этот престол Вильгельмом III. в благодарность за выдающуюся храбрость, с которой, будучи священнослужителем, он руководил обороной Лондондерри от войск Якова II., и за которую Оксфордский университет наградил его званием доктора богословия, был застрелен в битве при Бойне. По словам Маколея, "во время осады, в которой он так высоко отличился, он заразился страстью к войне", но его рвение удовлетворить ее во втором случае стоило ему благосклонности короля. Однако несколько примечательно, что история не привлекла особого внимания к последнему случаю с епископом, сражавшимся и погибшим на поле битвы, и недостаточно подчеркнула великую революцию мысли, которая сначала превратила обычное явление в нечто необычное и, наконец, в воспоминание, кажущееся нелепым. Ни один исторический факт не дает большего оправдания, чем этот, надежде на то, что, какой бы абсурдной ни была идея воинствующего епископа для нашего времени, идея воинствующего христианина может быть абсурдной для наших потомков.

Поскольку епископы в средние века были воинами, они также были обычными носителями объявлений войны. Епископ Линкольнский, например, принял вызов Эдуарда III. и его союзники Карлу V в Париже; и английский король и его совет были сильно оскорблены, когда Карл ответил на вызов простым камердинером — они объявили неприличным, чтобы войну между двумя такими великими лордами объявлял простой слуга, а не прелат или доблестный рыцарь.

Объявление войны в те времена, по-видимому, означало просто вызов, подобный тому, что тогда и впоследствии было принято на дуэли. По-видимому, это произошло из привычек, которые регулировали отношения между феодальными баронами. От Фруассара мы узнаем, что, когда Эдуард стал наместником Германской империи, был обновлен старый закон, который ранее был принят при дворе императора, о том, что никто, намереваясь причинить вред своему соседу, не мог сделать этого, не выразив ему неповиновения за три дня до этого. Следующий отрывок из призыва к войне, посланного герцогом Орлеанским, братом короля Франции, Генриху IV. Англии, свидетельствует о близком сходстве между объявлением войны и вызовом на ратный подвиг, а также о легкомыслии, которое часто приводило к тому или иному: 'Я, Людовик, пишу и доводлю до вашего сведения, что с помощью Бога и пресвятой Троицы, в желании, которое я испытываю, приобрести известность, и которое вы также должны испытывать, считая праздность проклятием знатных лордов, которые не занимаются оружием, и думая, что я не могу найти лучшего способа добиться известности, чем предложить вам встретиться со мной в назначенном месте, каждого из нас сопровождают 100 рыцарей и оруженосцев, с безупречным именем и оружием, чтобы сражаться там, пока одна из сторон не сдастся; и тот, кому Бог дарует победу, будет сражаться до тех пор, пока одна из сторон не сдастся. сделает со своими пленниками все, что ему заблагорассудится. Мы не будем использовать никаких заклинаний, запрещенных Церковью, но воспользуемся физической силой, данной нам Богом, с помощью доспехов, которые могут быть наиболее удобны каждому для обеспечения безопасности его личности, и с обычным оружием, то есть копьем, боевым топором, мечом и кинжалом ... без помощи каких-либо ножей, крючьев, дротиков с бородками, отравленных игл или бритв, как это могут делать люди, если им не будет категорически приказано обратное...."[261] Генрих IV. ответил на вызов с некоторым презрением, но выразил готовность встретиться с герцогом один на один, когда бы тот ни посетил свои владения во Франции, чтобы предотвратить дальнейшее пролитие христианской крови, поскольку добрый пастырь, по его словам, должен рисковать собственной жизнью ради своей паствы. Одно время даже казалось, что войны могли бы разрешиться таким более рациональным способом урегулирования. Император Генрих IV. вызвал герцога Швабии на поединок один на один. Говорят, что Филипп Август Французский предложил Ричарду I. урегулировать их разногласия путем боя по пять человек с каждой стороны; и когда Эдуард III. бросив вызов королевству Франции, он предложил решить вопрос дуэлью или поединком по 100 человек с каждой стороны, на что французский король, похоже, согласился бы, если бы Эдуард согласился поставить королевство Англии против королевства Франции.

В обычае называть орудия войны именами, наиболее почитаемыми в христианской агиологии, можно наблюдать еще один след тесного союза, возникшего между военной и духовной сторонами человеческой жизни, отчасти подобного тому, который преобладал в поклонении, которое древние скандинавы оказывали своим копьям, пикам и боевым топорам.[262] Таким образом, два первых форта, которые испанцы построили на островах Ладроне, они назвали соответственно в честь святого Франциска Ксаверия и Девы Марии. Двенадцать кораблей в Армаде были названы в честь Двенадцати апостолов, как и двенадцать его пушек Генриха VIII,

одна из которых, по имени Святой Иоанн, была захвачена французами в 1513 году.[263] Вероятно, простая непочтительность имела к этому обычаю меньшее отношение, чем надежда таким образом добиться благосклонности на войне, что также можно проследить в церемонии освящения военных знамен, дошедшей до наших дней.[264]

К тому же разряду суеверий относится старый обычай падать ниц и целовать землю перед началом атаки. Эта практика несколько раз упоминается в Комментариях Монлюка, но современный французский редактор так мало понял ее, что в одном месте он предлагает читать *baissèrent la tête* (они склонили головы) вместо *baisèrent la terre* (они поцеловали землю). Но последнее прочтение подтверждается отрывками из других источников; как, например, в "Воспоминаниях Флеранж", где утверждается, что Гастон де Фуа и его солдаты поцеловали землю, согласно обычаю, прежде чем отправиться в поход против врага;[265] и, опять же, в "Жизни Байяра" его секретаря, который записывает это среди достоинств этого рыцаря, который каждую ночь будет вставать со своей постели, расprostираться во весь рост на полу и целовать землю.[266] Это целование земли было сокращенной формой принятия ее частицы в рот, поскольку и Элмхэм, и Ливиус упоминают, что это было сделано англичанами при Азенкуре перед нападением на французов; и это снова была сокращенная форма принятия причастия, поскольку Виллани говорит о фламандцах при Камбре (1302 г.), что они совершили священник прошел по всему полю со священными элементами, и вместо того, чтобы общаться, каждый мужчина взял немного земли и положил ее в рот.[267] Это кажется более вероятным объяснением, чем то, что обычай был задуман как напоминание солдату о его смертности, как будто в такой профессии, как его, может отсутствовать свидетельство такого рода.

Любопытно наблюдать, как война на каждом этапе развития цивилизации была центральным предметом публичных религиозных молитв; и как, начиная с древних язычников и заканчивая современными дикарями, самые незначительные ссоры и конфликты считались предметом интереса бессмертных. Жители Сандвичевых островов и таитян искали помощи у своих богов в войне, принося человеческие жертвы. Фиджийцы перед войной имели обыкновение делать своим богам дорогие подношения и возносить в своих молитвах все, что могли, из сухопутных крабов или китовых зубов; будучи настолько убеждены, что таким образом они обеспечили себе победу, что однажды, когда миссионер обратил внимание военного отряда на малочисленность их, они только ответили с презрительной уверенностью: 'Наши союзники - боги'. Молитва, с которой римский понтифик обратился к Юпитеру от имени Республики в начале войны с Антиохом, царем Сирии, чрезвычайно любопытна: "Если война, которую народ приказал вести с царем Антиохом, будет закончена по желанию римского сената и народа, тогда тебе, о Юпитер, римский народ устроит великие игры в течение десяти дней подряд, и во всех святынях такой ценности, какую установит сенат".[268] Это грубое состояние теологии, при котором победа от богов может быть получена за справедливое вознаграждение в обмен, имеет тенденцию поддерживать, если оно не возникло, то чувство зависимости от невидимых сил, составляющее самую рудиментарную форму религии; ибо примечательным фактом является то, что самые слабые представления о сверхъестественных силах встречаются именно у племен, чья военная организация или любовь к войне являются основными. самый низкий и наименее развитый. По мере того, как культивируется дух войны, преобладает поклонение божествам, руководящим войной; и поскольку они сформированы из воспоминаний воинов, которые умерли или были убиты, их атрибуты и желания остаются атрибутами прежнего земного властелина, которого, хотя он больше не виден, все еще может быть удовлетворен подарками в виде фруктов или забитых быков или рабов.

Кхонды Ориссы в Индии представляют собой пример такой тесной и пагубной связи между религиозными и военными идеями, которую можно проследить в истории многих гораздо более развитых сообществ. Ибо, хотя они считают радость от танца мира наивысшим достижением на земле, они приписывают это не своей собственной воле, а воле своего бога войны Лоха Пенну, источника всех их войн. Гибель лихорадки или тигра принимается этим божеством как намек на то, что его служением слишком долго пренебрегали, и они снимают с себя всю вину за войну, начатую без всякой лучшей причины, следующей философией ее происхождения: "Лоха Пенну сказал себе: "Да будет война", и он немедленно взялся за все виды оружия, так что из орудий мира они превратились в орудия войны; он придавал острие топоры и наконечник стреле; он вошел во все виды пищи и питья, так что мужчины во время еды и питья наполнялись яростью, а женщины становились орудиями войны". от раздора, а не от успокоения гнева. И они обращаются с такой молитвой к Лоха Пенну о помощи против своих врагов: 'Пусть наши топоры сокрушат одежду и кости, как челюсти гиены сокрушают свою добычу. Пусть раны, которые мы наносим, зияют.... Когда раны наших врагов заживут, пусть хромота останется. Пусть их камни и стрелы падают на нас, как цветы дерева мова падают на ветру.... Сделай их оружие хрупким, как длинные стручки дерева карта.

В их вере в то, что войны имеют внешнюю причину по отношению к ним самим, и в их стремлении добиться молитвой благоприятного исхода для их обращения к оружию едва ли можно утверждать, что народы христианского мира во все времена демонстрировали какое-либо заметное превосходство над современными кхондами. Но, несмотря на это и на свирепый военный характер, который в конечном счете приняло христианство, Церковь всегда сохраняла некоторые из своих ранних традиций о мире и даже в самые мрачные века ставила некоторые барьеры на пути обычной ярости солдат. Когда Римская империя была свергнута, ее влияние в этом направлении резко контрастировало с тем, что было до сих пор. Даже Аларих, когда он разграбил Рим (410 г.), был настолько сильно затронут христианством, что пощадил церкви и бежавших в них христиан. Лев Великий, епископ Рима, внушил даже Атилe уважение к его священнической власти и предотвратил его завоевательную карьеру в Риме; и тот же епископ тремя годами позже (455 г.) умолял победоносного Гензериха, чтобы его вандалы пощадили несопротивляющуюся толпу и здания Рима и не позволяли подвергать своих пленников пыткам. По просьбе Григория II Луитпранд, король Ломбардии, вывел свои войска из того же города, отказался от своих завоеваний и возложил свой меч и кинжал на могилу святого Петра (730).

Еще более похвальными и, возможно, более эффективными были усилия Церкви, начиная с десятого века, по пресечению той системы частных войн, которая тогда была проклятием Европы, как с тех пор стала система общественных и международных войн. На юге Франции несколько епископов встретились и договорились лишить привилегий христианина при жизни и после смерти всех, кто нарушал их постановления, направленные против этого обычая (990). Только четыре года спустя собор Лиможа призвал мужчин поклясться телами святых, что они перестанут нарушать общественный порядок. Великий пост, по-видимому, был в какой-то степени периодом воздержания от сражений, как и от других удовольствий, поскольку одним из обвинений против Луи ле Дебоннера было то, что он созвал экспедицию на это время года.

В 1032 году епископ Аквитании объявил себя получателем послания с небес, приказывающего людям прекратить боевые действия; и в результате на семь лет установился не только мир, называемый Божьим перемирием, но и было решено, что такой мир всегда должен царить во время великих церковных праздников и с вечера каждого четверга до утра понедельника. И

положение об одном королевстве было быстро распространено на христианский мир, подтверждено несколькими папами и подкреплено отлучением от церкви.^[269] Если такие усилия не были полностью успешными, и войны баронов продолжались до тех пор, пока королевская власть в каждой стране не стала достаточно сильной, чтобы подавить их, тем не менее следует признать, что Церковь боролась, если она боролась напрасно, против варварства военного общества, и с пылом, который разительно контрастирует с ее апатией в более поздней истории.

Следует также признать, что идея о том, что папство могло бы сделать для мира во всем мире в качестве верховного арбитра в спорах и посредника между противоборствующими державами, овладела умами людей и вошла в определенную политику Церкви примерно в двенадцатом веке таким образом, который мог бы предложить размышления для девятнадцатого. Имя Героуса де Рейгерсперга связано с планом умиротворения мира, согласно которому папа должен был запретить войну всем христианским князьям, урегулировать все споры между ними и обеспечить исполнение своих решений величайшими силами, которые когда-либо были созданы для управления людьми, а именно путем отлучения от церкви и низложения. И папы пытались сделать что-то в этом роде. Когда, например, Иннокентий III предложил королю Франции заключить мир с Ричардом I. И ему сказали, что спор касается вопроса феодальных отношений, в которые папа не имеет права вмешиваться, он ответил, что вмешивается по праву своей власти осуждать то, что он считает грехом, и совершенно независимо от феодальных прав. Он также отказался рассматривать разрушение городов и резню христиан как вопрос, который его не касается; и Гонорий III. запретил нападать на Данию на том основании, что это королевство находилось под особым покровительством папства.^[270]

Более того, духовенство даже в самые воинственные времена истории было главным действующим лицом в переговорах о мире и в попытках установить пределы военным репрессиям. Когда, например, французы и англичане собирались вступить в бой при Пуатье, кардинал Перигорский провел все воскресенье, предшествовавшее дню сражения, в похвальных, но безрезультатных попытках привести обе стороны к соглашению без сражения. И когда герцог Анжуйский был готов предать смерти 600 защитников Монпелье от меча, уздечки и огня, именно кардинал Олбани и монах-доминиканец спасли его от позора такого поступка, напомнив ему о долге христианина прощать.

В этом отношении каждому должно быть ясно, что отношение и власть Церкви полностью изменились. С течением времени она все больше и больше отдалялась от своих огромных возможностей в качестве поборника мира. Общеизвестно, что ее влияние больше ничего не значит там, где оно когда-то было таким мощным, в области переговоров и примирения. Она не возвышает голоса, чтобы осудить зло войны или призвать к большей сдержанности в применении репрессий и злоупотреблении победой. Она не помогает ни учить долгу терпимости и дружбы между нациями, ни уменьшать их праздную зависть, ни объяснять реальную идентичность их интересов. Можно даже сказать, не рискуя противоречить, что все попытки продвинуть дело мира на земле или уменьшить ужас обычаев войны, какие бы они ни предпринимались, исходили не от Церкви, а от школы мысли, которой она больше всего противостояла и которую она училась наиболее настойчиво поносить.

Также и в отношении справедливости дела войны Церковь за последние столетия полностью отказалась от своих позиций. Примечательно, что в 37-й статье Англиканской церкви, которая

гласит, что христианин по приказу магистрата может носить оружие и служить на войнах, слово *justa*, которое в латинской форме предшествовало слову *bella* или *wars*, было опущено.^[271] Лидеры Реформации в целом высказались в пользу законности военной службы христианина, но с четкой оговоркой, что причина войны должна быть справедливой. Буллингер, который был преемником Цвингли в Реформатской церкви Цюриха, решил, что, хотя христианин может взять в руки оружие по приказу магистрата, его долгом будет послушаться магистрата, если он намеревается вести войну с невиновными; и что славной является только смерть на поле боя тех солдат, которые сражались за свою религию или свою страну. Томас Бекон, капеллан архиепископа Кранмера, жаловался на полное игнорирование справедливых и патриотических мотивов ведения войны в распространенном тогда кодексе военной этики. Говоря о бойцах своего времени, он так охарактеризовал их положение в государстве: "Алчность волков, неистовство львов, свирепость тигров - ничто по сравнению с их яростной и жестокой тиранией; и все же многие из них делают это не для защиты своей страны (ибо так было бы более терпимо), а для удовлетворения своего мясницкого самолюбия, чтобы в другой раз похвастаться тем, скольких людей они убили, и принести домой побольше добычи, чтобы потом жить сытнее на эту добычу и награбленное добро".^[272] На военной службе он утверждал, что все соображения справедливости и человечности были полностью изгнаны, а их место заняли грабежи и воровство, 'ненасытное разорение чужого имущества и целое море варварских и звероподобных манер'. Таким образом, необходимость правого дела как причины для участия в реальной войне была подтверждена во времена Реформации, и только с тех пор ей позволили полностью исчезнуть из поля зрения; так что теперь общественное мнение не имеет руководства в этом вопросе, и даже меньше, чем это было в Древнем Риме, отношение Церкви к государству в этом вопросе скорее похоже на отношение философа Анаксарха к Александру Македонскому, когда, чтобы утешить этого завоевателя за убийство Клита, он сказал ему: "Разве ты не знаешь, что Юпитер представлен Законом и Справедливостью в Риме?" на его стороне, чтобы показать, что все, что делается суверенной властью, правильно?"

Учитывая, следовательно, что ни одно человеческое учреждение, еще не созданное или фактически существующее, не имело и не имеет морального влияния или возможностей для его осуществления, равных тому, которым пользуется Церковь, тем более следует сожалеть о том, что она никогда не проявляла реального интереса к отмене обычая, который является причиной половины преступлений и страданий, с которыми ей приходится бороться. Какие бы надежды ни возлагались когда-то на Реформатскую церковь как на антивоенную организацию, дело мира вскоре превратилось в своего рода ересь или, что было хуже, в немодный догмат, ассоциируемый, осуждаемый и презираемый наряду с другими разделами религиозного инакомыслия. "Те, кто осуждает профессию или искусство военного, - сказал сэр Джеймс Тернер, - пахнут анабаптизмом и квакерством".^[273]

Было бы трудно найти во всей истории какой-либо подобный пример растраченной впустую моральной силы. Как у Эразма были причины сожалеть об этом в шестнадцатом веке, так и у Вольтера были причины сожалеть об этом в восемнадцатом. Последний жаловался, что не помнит ни одной страницы, посвященной войне, во всех проповедях Бурдалу, и даже предположил, что настоящим объяснением может быть буквальное отсутствие мужества у духовенства. Этот отрывок стоит процитировать по оригиналу как из-за характерной энергии выражения, так и из-за ясного понимания реального характера военного обычая: "Для авторитетных моралистов, использующих методы ведения войны, и для того, чтобы не допустить, чтобы джамаис добился успеха в борьбе с войной.... Ils se gardent bien de décrier la

guerre, qui réunit tout ce que la perfidie a de plus lâche dans les manifestes, tout ce que l'infâme friponnerie a de plus bas dans les fournitures des armées, tout ce que le brigandage a d'affreux dans le pillage, le viol, le larcin, l'homicide, la dévastation, la destruction. Au contraire, ces bons prêtres bénissent en cérémonie les étendards de meurtre; et leurs confrères chantent pour de l'argent des chansons juives, quand la terre a été inondée de sang.'[274]

Если упрек Вольтера несправедлив, его, конечно, можно легко опровергнуть. Вызов справедлив. Пусть он будет уличен в преувеличении своего обвинения упоминанием любого священнослужителя Марка католической или протестантской школы за последние два столетия, чье имя связано с пропагандой смятения или отмены состязаний силой; или любой войны того же периода, которой духовенство любой конфессии как единое целое сопротивлялось либо на основании несправедливости ее происхождения, либо из-за безжалостной жестокости, с которой она велась. Все, что до сих пор предпринималось в этом направлении, или какой бы антивоенный стимул ни был дан цивилизации, явно исходило от светских людей или литераторов, а не от выдающихся людей Церкви: не от Фенелона или Пейли, а от Уильяма Пенна, аббата Сен-Пьера (чья связь с Церковью была лишь номинальной), от Ваттеля, Вольтера и Канта. Другими словами, Церковь утратила свое прежнее положение духовного господства над сознанием человечества и уступила другим руководителям и учителям то влияние, которое она когда-то имела на мир.

Это особенно верно в отношении нашей собственной Церкви; ибо перед лицом самого гигантского зла нашего времени ее кафедра остается безмолвной, и более холодной, чем безмолвие. Какую бы санкцию или поддержку ни получал такой орган, как Общество мира, от Церкви или церковей Англии за свою семидесятилетнюю борьбу во имя человечества, это было не общим правилом, а редким исключением; и недавние события, кажется, даже показывают, что голосу кафедры, столь далекому от того, чтобы когда-либо стать мирным агентством, суждено в будущем стать великим военным набатом, самым громким призывателем к агрессии.

Поскольку такое отношение со стороны Церкви становилось все более заметным по мере того, как войны в последние столетия становились все более частыми и ожесточенными, не было ничего противоестественного в том, что, наконец, была предпринята какая-то попытка дать какое-то оправдание факту, который, несомненно, становился все более и более источником недоумения и огорчения для всех искренних и мыслящих христиан. За неимением лучшего, давайте воспользуемся оправданием, предложенным каноником Мозли в его проповеди о "Войне", произнесенной перед Оксфордским университетом 12 марта 1871 года, нижеследующее краткое изложение которого отражает точное, хотя и, по необходимости, сокращенное, отражение. Основные моменты осветили в этой объяснений или извинений, являются: христианство, по его оригинальное признание деления мира на нации, со всеми присущими им правами, тем самым признается право войны, который был явно одним из них; то, что Церковь, не имея учрежденные судьи Национальной вопросы или мотивы, можно только оставаться нейтральным между противоборствующими сторонами, созерцая войну, как это было возможно, как в режиме международного урегулирования, что вполне оправдано хотите любого другого; что естественное право присуще не только в войнах самообороны, но в войнах для выпрямления политической распространение в мире рас и национальностей, и в войнах, которые направлены на развитие и совершенствование; что дух самопожертвования неотделима от войны, наделяет его нравственными качествами, что находится в особой гармонии с христианским тип; что война-это просто разработки проблемы силой, нет больше

ненависти между отдельными бойцов, чем есть в разработке аргумент рассуждение, 'вражда в двумя целыми—в абстракции—люди в мире; о том, что невозможность замены универсальной империи независимых государств, или арбитражным судом, бары всякую надежду на достижение мира путем естественного прогресса общества; о том, что отсутствие любого руководителя страны мира представляет собой дефект или вы хотите плана в системы, которые, как он был дан ему от природы не может быть устранен другими средствами; что это не часть миссии христианства реконструировать эту систему, точнее хочу, системы, мира, из которого течет войне, ни обеспечить другой мир, в котором мы живем; но что, тем не менее, христианство только санкции, он посредством естественного общества и на гипотезу о мире, в раздор с самим собой.

Вполне можно удивляться, что какой-либо человек мог с такой серьезностью обратиться к собранию своих собратьев с таким набором не относящихся к делу аргументов. Представьте, что подобные высказывания являются последним словом христианства! Несомненно, сын Церкви был бы более узнаваем под кольчугой боевого епископа Бове, чем под маской такого языка, как этот. Кто-то может спросить, почему следует предполагать, что существование отдельных наций, каждая из которых обладает властью и, следовательно, правом вести войну против своих соседей, несовместимо с существованием международной морали, которая должна была бы сделать осуществление права на войну невозможным или очень трудным; или что Церковь, если бы она попыталась, ничего не смогла бы внести в столь желаемый результат? Напрашивается вопрос вообще о том, чтобы утверждать, что невозможно такое положение вещей, которое никогда не предпринималось, когда сам вопрос заключается в том, могло ли оно, если бы оно было предпринято, не реализоваться к настоящему времени. Право средневековых баронов и их вассалов совместно вести частную войну когда-то в такой же степени принадлежало мировой системе или отсутствию системы, как право наций нападать друг на друга в наш собственный или более ранний период истории; однако Церковь даже в те дни была настолько далека от того, чтобы уклоняться от соприкосновения со столь варварским обычаем как чем-то неподвластным ей или ее миссии, что она сама стала главным социальным инструментом, положившим этому конец. Огромные усилия, предпринятые Церковью для отмены обычая частной войны, уже упоминались: момент, который каноник Мозли, возможно, мудро проигнорировал. И все же, конечно, нет достаточной причины, по которой мир во всем мире должен быть объектом меньшего интереса Церкви в наши дни, чем это было в те; или почему ее влияние как одного из главных элементов естественного прогресса общества должно быть меньшим, чем это было, когда она боролась за освобождение человеческого общества от порочного обычая права частной войны. Невозможно утверждать, что, если бы Церковь внушала обязанности личности по отношению к другим нациям, а также к своей собственной, так, как на это естественно отреагировал бы человеческий разум, такой курс не имел бы никакого эффекта в решении проблемы предоставления возможности отдельным национальностям сосуществовать в состоянии мира, а также независимости. По крайней мере, самоочевидно обратное тому, что поощрение чувства международного братства, искоренение привычек международной зависти, осуществление актов международной дружбы, обучение реальной идентичности международных интересов, во всем том, в чем кафедра могла бы оказать или еще может оказать неоценимую помощь, оказали бы или все еще будут оказывать какое-либо пагубное влияние на политическую систему различных национальностей или на мотивы и действия рационального патриотизма. Трудно поверить, что обвинения Церкви, религиозное учение которой имело силу сдерживать военную ярость Алариха или Гензериха,

были бы совершенно бессильны перед поведением тех германских орд, чьи военные эксцессы во Франции в 1870 году оставили неизгладимое пятно на их военном триумфе и характере их дисциплины; или что ее усилия во имя мира, которые более тысячи лет назад эффективно примирили англов и мерсийцев, франков и лангобардов, были бы потрачены впустую на устранение любых постоянных причин раздора, которые, возможно, все еще существуют между Францией и Германией, Англией и Россией, Италией и Австрией.

Несмотря на апологию отчаяния каноника Мозли, действительно, есть обнадеживающие признаки того, что духовенство христианского мира все же может пробудиться к осознанию своей силы и возможностей для искоренения в мире злого обычая, который лежит в основе почти всех других и является главной причиной и подпиткой преступности, пауперизма и болезней. Возможно, что мы уже прошли худший период безразличия в этом отношении, или что однажды может оказаться, что это было связано только с враждой соперничающих сект, всегда готовых воспользоваться шансами, которые война между различными нациями могла бы принести в их несколько мелких интересов. С ослаблением такой вражды было бы разумно ожидать, что Церковь подтвердит более подлинный принцип своих действий и позиции — что ни одно злое происшествие в человеческом обществе не должно рассматриваться как непоправимое до тех пор, пока не будут исчерпаны все ресурсы, чтобы справиться с ним, и не будет доказано, что все способы избежать этого оказались неудачными. Тогда, но не раньше, христианским священникам подобает говорить языком беспомощности; тогда, но не раньше, Церковь должна в отчаянии сложить руки.

ГЛАВА VIII. ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОЙ ДИСЦИПЛИНЫ.

La discipline n'est que l'art d'inspirer aux soldats plus de peur de leurs officiers que des ennemis. — Гельвеций.

Повышенная строгость дисциплины—Ограничение права на вступление в брак—Обязательный церковный парад и его происхождение—Жестокие военные наказания—Причины любви военных к красному цвету—Происхождение шапок из медвежьей шкуры—Различные проявления храбрости—Исторические опасения по поводу исчезновения мужества—Завоевания дела мира—Причины непопулярности военной службы—Скучность жизни в строю—Распространенность дезертирства—Военные уставы против симуляции—Военная искусственная офтальмия—Унижающее влияние дисциплины, проиллюстрированное старой системой порки—Дисциплина военных армия полуострова —Попытки сделать службу более популярной за счет повышения заработной платы рядового, сокращения срока его службы—Старая система рекрутства во Франции и Германии—Неизбежный призыв в армию в Англии—Вопрос о военной службе для женщин—Вероятные результаты призыва—Милитаризм, ответственный за социализм.

Две совершенно разные концепции военной дисциплины содержатся в высказываниях английского писателя семнадцатого века и французского философа Гельвеция восемнадцатого века. Фраза Гиттинса звучит в лучшем английском духе: 'Солдат не должен бояться ничего,

кроме Бога и бесчестья'. И в словах Гельвеция есть истинно французское остроумие и проницательность: "Дисциплина - это всего лишь искусство внушать солдатам большой страх за своих офицеров, чем за врага".[275]

Но разница заключается не столько в национальном характере авторов, сколько в промежутке времени между ними: дисциплина постепенно стала настолько суровой, что на солдата стали смотреть не столько как на свободного в моральном отношении человека, сколько как на механический инструмент, который, если и испытывал еще какой-то страх перед Богом и бесчестием, испытывал его в очень малой степени по сравнению с тем, что он испытывал к своему полковнику или командиру. Это тот общий факт, который объясняет и оправдывает предположение Гельвеция; хотя никто, вспоминая о зле времен ослабления дисциплины, не мог бы увидеть причины сожалеть о переменах, которые почти полностью лишили солдата моральной свободы, которая естественно принадлежала ему как человеку.

Тенденция к ужесточению дисциплины, конечно, приводит к снижению популярности военной службы и, следовательно, к усложнению набора, без, к сожалению, соответствующего уменьшения частоты войн, которые не зависят от наемников, которые в них участвуют. Будь это иначе, можно было бы кое-что сказать в пользу военной аксиомы, гласящей, что солдат не пользуется ни одним из общих прав человека. Следовательно, нет никакой выгоды ни с какой точки зрения отказывать военному сословию в пользовании правами и привилегиями обычного человечества.

Степень этого отрицания и его тщетность можно показать ссылкой на армейские уставы, касающиеся брака и религиозного богослужения. В прусской армии до 1870 года браки были юридически недействительными, а потомство от них незаконнорожденным в случае, если офицеры вступали в брак без королевского согласия или подчиненные офицеры без согласия командира своих полков. Но после франко-германской войны общественный беспорядок, ставший следствием этих ограничений, был настолько велик, что пришлось принять специальный закон, снимающий барьер незаконнорожденности с рассматриваемых браков.[276] В английской армии неспособность рядовых вступать в брак до завершения семилетней службы и обладание по крайней мере одним значком, да и то только с согласия командира, является обычаем, настолько противоречащим свободе, которой пользуются в других сферах жизни, что, каковы бы ни были его побочные преимущества, он вряд ли может не служить сдерживающим мотивом. когда выбор профессии становится предметом размышлений.

Обычай того, что известно в армии как Церковный парад, представляет собой еще один пример необоснованного ограничения свободы личности, которое все еще считается необходимым для поддержания дисциплины. Солдату в церкви бьют в барабан точно так же, как ему бьют в барабан на плацу для учений или на поле боя. Его присутствие в церкви является вопросом принуждения, а не выбора или убеждения; и общий принцип, согласно которому такое посещение не имеет ценности, если оно не является добровольным, в его случае отменяется, как и в случае с очень маленькими детьми, с которыми в этом отношении он поставлен наравне. Если мы поинтересуемся происхождением этой практики, мы, вероятно, найдем ее в некоторых старых саксонских и имперских военных уставах, которые показывают, что молитвы военных раньше считались столь же эффективными, как и их мечи, для одержания побед над врагами; и, следовательно, как очень необходимая часть их долга.[277] Американские военные статьи с

1806 года устанавливают, что "всем офицерам и солдатам настоятельно рекомендуется посещать богослужение", таким разумным образом устраняя все зло, неизбежно связанное с чисто обязательным и, следовательно, унижительным церковным парадом.^[278]

Возможно, эти ограничения свободы солдата необходимы; но если это так, и если, как говорит лорд Маколей, солдаты должны "ради общественной свободы, в разгар общественной свободы, быть подчинены деспотическому правлению", "должны подчиняться более жесткому уголовному кодексу и более строгому процессуальному кодексу, чем применяются обычными судами", так что действия, невинные с точки зрения гражданина или наказываемые незначительно, становятся преступлениями, караемыми смертной казнью, когда они совершаются ими, тогда, по крайней мере, нам больше не нужно удивляться тому, что это должно быть почти заманить новобранца в ловушку так же трудно, как поймать преступника.

Но помимо внутренних недостатков военной службы, может показаться, что гении, руководящие войной, с определенной целью пытались сделать ее как можно более неприятной для человечества. Ибо они превратили дисциплину не просто в ограничение свободы и лишение прав, но, так сказать, в эксперимент над крайними пределами человеческой выносливости. В мире не было тирании, политической, судебной или церковной, но она имела своим источником и образцом какую-то военную систему. Наш мир извлек урок произвольных трибуналов, пыток и жестоких наказаний скорее из своих армий, чем из своих королей. Сама инквизиция едва ли могла изобрести более мучительное наказание, чем старое английское военное - катание на Деревянном коне, когда жертву заставляли сидеть верхом на досках, прибитых вместе острым гребнем, чтобы грубо напоминать лошадь, со связанными за спиной руками и прикрепленными к ногам мушкетам, чтобы тянуть их вниз; или, опять же, чем наказание в виде пикета, при котором рука привязывалась к крюку в столбе над головой, а подвешенное тело человека оставляли опираться босой пяткой на деревянный обрубок, от которого он опирался. конец был обрезан до остроты острия меча.^[279] Наказание в виде бега в перчатках (от немецкого *Gassenlaufen*, уличный бег, потому что жертва бежала по улице между двумя шеренгами солдат, которые мучили ее на своем пути), как говорят, было изобретено Густавом Адольфом; и, возможно, из-за того, что таким образом жестокость многих людей обрушивается на одного товарища, наказание в виде бега в перчатках (от немецкого "Гассенлауфен", "уличный бег") было изобретено Густавом Адольфом. самая подлая форма пыток, которая когда-либо пользовалась благосклонностью военных властей.^[280]

Но уголовная часть военной дисциплины с ее раскаленным железом, поркой и различными формами смерти слишком отвратительна, чтобы рассматривать ее как свидетельство жестокости и деспотизма, которые никогда не были отделены от призыва к оружию. Искусство сторонника дисциплины всегда заключалось в том, чтобы навлечь на жизнь человека такую череду несчастий, что перспектива смерти на поле боя должна была вызывать у него скорее очарование, чем ужас; и история о солдате, который, когда его полк должен был быть уничтожен, вытащил бланк без роковой буквы D и немедленно предложил его товарищу, который еще не вытащил, за полкроны, показывает, как дешево люди могут перестать ценить свою жизнь после того, как на собственном опыте испытали реалии военной карьеры.

Любопытны многие устройства, с помощью которых это безразличие к жизни было сформировано и поддержано. В древних Афинах общественные храмы были закрыты для тех, кто отказывался от военной службы, кто дезертировал из своих рядов или потерял свои щиты; в

то время как закон Харондаса из Катаны обязывал таких нарушителей сидеть в течение трех дней на общественном форуме в женской одежде. Многие спартанские матери пырнули бы ножом своего сына, вернувшегося живым после поражения; и такой человек, если бы он сбежал от своей матери, был бы лишен не только государственных должностей, но и брака; подвергался ударам всех, кто решал его ударить; был вынужден одеваться в плохую одежду и носить небрежно подстриженную бороду. И точно так же норвежскому солдату, который бежал, или потерял свой щит, или получил рану в любую другую часть тела, кроме передней, по закону запрещалось впоследствии появляться на публике.[281]

Действительно, существует немного военных обычаев, но их происхождение и объяснение кроются в искусственном насаждении мужества в умах сражающихся. Это справедливо даже в отношении деталей и особенностей костюма. Английских детей, возможно, все еще учат, что французские солдаты носят красные брюки, чтобы вид крови не пугал их во время войны; и, несомненно, французские дети впитывают аналогичную теорию относительно красных мундиров англичан. Ту же причину привел Юлий Ферретус в середине шестнадцатого века в отношении короткого красного платья, которое тогда обычно носили военные.[282] Говорят, что первым упоминанием красного цвета как особого военного цвета в Англии был изданный в 1526 году приказ о том, чтобы мундиры всех йоменов в доме были из красной ткани.[283] Но цвет восходит, по крайней мере, к Ликургу, спартанскому законодателю, который выбрал его, согласно Ксенофону, потому что красный легче всего переносится тканью и наиболее стойкий; согласно Плутарху, чтобы его яркость могла помочь поднять настроение его обладателям; или, согласно Элиану и Валерию Максимусу, чтобы скрыть вид крови, чтобы необстрелянные солдаты не впадали в уныние, а враг соразмерно воодушевлялся.

Шапки из медвежьей шкуры, которые до сих пор делают некоторые английские полки такими нелепыми и неприглядными, изначально, без сомнения, предназначались для того, чтобы внушать ужас. Эвелин, писавший о 1678 году, говорит: 'Теперь на вооружение был принят новый вид солдат, называемых гренадерами, которые были искусны в метании ручных гранат, причем у каждого человека была пригоршня. На них были меховые шапки с загнутыми тульями, как у янычар, что придавало им очень свирепый вид; а у некоторых сзади свисали длинные капюшоны, как у дураков.' Мы можем вполне идентифицировать мотив такого головного убора с результатом; и тем более, что выглядеть свирепо в позаимствованных шкурах медведей было хорошо известной уловкой древних римлян. Таким образом, Вегеций говорит о шлемах, покрытых медвежьими шкурами, чтобы утратить врага,[284], а у Вергилия есть важное описание воина как

Horridus in jaculis et pelle Libystidis ursæ.

Мы можем снова проследить тот же мотив в фигурах свирепых птиц или зверей, изображенных на флагах, щитах и шлемах, откуда они с менее вредной целью перешли к гербам. Так, кимвры, которых победил Марий, носили на своих покрытых плюмажами шлемах голову какого-то свирепого животного с открытой пастью, тщетно надеясь таким образом запугать римлян. Последние, до того как стало обычным размещать изображения своих императоров на своих штандартах, водружали грозные изображения драконов, тигров, волков и тому подобного; а фигура дракона использовалась саксами во время завоевания и после этого события была сохранена ранними норманнскими князьями среди военных знаков,[285] может быть разумно отнесена к саксонскому ордену. тот же мотив. Легенда о Святом Георгии, убивающем Дракона,

если это не пережиток Тесея и Минотавра, весьма вероятно, возникла как миф, призванный объяснить этот обычай.

Наконец, в этой главе следует упомянуть рассказ Виллани об английских доспехах, которые носили в XIII веке, где он описывает, как пажи старались содержать их в чистоте и блеске, чтобы, когда их хозяева вступали в бой, их доспехи сияли, как зеркало, и придавали им более устрашающий вид.^[286] Был ли результат и здесь мотивом, и должны ли мы искать первопричину того большого внимания, которое все еще уделяется блеску снаряжения, в надежде тем самым усилить ужас, который желательно вселить во врага?

Таковы были некоторые из искусственных средств поддержки храбрости в прежние времена. Но в мире существует огромная разница между храбростью, к которой взывали наши предки, и той, которая требовалась со времен революции, произведенной в военном деле изобретением пороха. До этой эпохи использование катапульта, луков или других метательных средств не умаляло первостепенной важности личной доблести. Храбрый солдат древности проявлял храбрость человека, бросившего вызов силам, подобным или равным его собственным, и против которых использование его собственной правой руки и интеллекта могло бы помочь ему одержать верх; но его современный потомок противопоставляет свою храбрость главным образом опасности и обязан только случаю, если ему удастся выйти живым из битвы. Какой бы высокой ни была храбрость, необходимая для того, чтобы противостоять ливню осколков, чем для борьбы с мечами и копьями, это, несомненно, храбрость, которая предполагает скорее слепую веру в удачу, чем рациональную веру в личную стойкость.

Это изменение действительно было настолько тщательно предвидено и оценено по достоинству, что при каждом последующем совершенствовании методов массового убийства странные опасения по поводу полного исчезновения воинского мужества преследовали умы, слишком восприимчивые, и находили иногда замечательное выражение. Когда катапульта^[287] была впервые привезена из Сицилии в Грецию, у архидама, царь видел в ее могиле истинной отваги; и настроений в отношении огнестрельного оружия, что привело Баярд воскликнуть, 'потому c'est Ипе позора Цюй Кунь ом де Кер соит разоблачение à régir номинальной Ипе несчастным friquenelle, была одна, что было отследить вплоть до прошлого века в истории Европы. Для Карла XII. Беренхорст заявляет, что шведы остро ощущали позорность такого способа ведения боя; а маршал Саксен относился к ружейному огню с таким презрением, что даже зашел так далеко, что выступал за возвращение копья и возврат к рукопашным боям, обычным в прежние времена.^[288]

Но наши военные кодексы не содержат отражения различных аспектов, при которых личная храбрость проявляется в современных, по сравнению с древними, видах ведения войны; и это упущение, как правило, отбрасывает правительства назад, к чистой силе и принуждению, как единственному возможному способу комплектования своих полков. Старые римские военные наказания, такие как жестокое бичевание человека перед казнью, безусловно, не являются образцами мягкой дисциплины; но когда мы читаем о компаниях, потерявших свои цвета, которые в наказание были сведены только к питанию ячменем вместо пшеницы, и размышляем о том, что смерть от расстрела была бы наказанием в соответствии с дисциплиной большинства современных стран^[289] за действие, имеющее любой оттенок жестокости. трусость, невозможно допустить, чтобы рациональное соответствие наказаний проступкам вообще

лучше соблюдалось в военных уставах современности, чем в военных кодексах языческой древности.

По крайней мере, из истории военной дисциплины ясно, что только с помощью самых репрессивных законов и тирании, подрывающей самые общие права людей, возможно удержать мужчин на военной службе страны, после того как их принудили или уговорили поступить на нее. И это соображение полностью соответствует теории о врожденной любви к борьбе, доминирующей в природе человека, подобной той, что отстаивается в письме лорда Пальмерстона Кобдену, где он утверждает, что человек поприроде является драчливым животным. Это утверждение, несомненно, справедливо для некоторых диких рас и праздных рыцарей времен рыцарства, но даже в те дни оно не относилось к низшим классам, подвергавшимся реальным опасностям войны, и еще меньше к несчастным рядовым или новобранцам современных армий. Боевые действия возможны только между цивилизованными странами, потому что дисциплина сначала подготавливает людей к войне и ни к чему другому, а затем война снова требует дисциплины. Точно так же ничего не добьешься, игнорируя победы, которые уже были одержаны над дикой склонностью к войне. Отдельные государства больше не ведут частных войн в пределах своих границ, подобных тем, что обычно ведутся между феодальными баронами; мы решаем большинство наших споров в судах, а не на полях сражений, и мудро предпочитаем аргументы оружию. Население, столь же многочисленное, как население Ирландии, и примерно вдвое превышающее население всех наших колоний в Австралии, вместе взятых, живет в одном Лондоне, не только не имея в руках оружия для защиты, но и так мало склонное к кровопролитным столкновениям, что вы можете целыми днями бродить по нему вдоль и поперек, не увидев ни одной уличной драки. Если тогда это чудо общественного порядка было достигнуто, почему бы не совершить более широкое чудо той гармонии между нациями, которая требует лишь немного здравого смысла и решимости со стороны тех, кто наиболее заинтересован, чтобы стать совершенной реальностью?

Уже упомянутых ограничений личной свободы было бы достаточно самих по себе в стране свободных институтов, чтобы сделать профессию военного неприятной и непопулярной. Реальные опасности войны, ни в коем случае не превышающие опасности, связанные с шахтами, железными дорогами или торговым судоходством, сами по себе никогда не удержали бы людей от службы; так что мы должны искать другие причины, объясняющие трудность набора и частоту дезертирства, которые являются причиной запутанности военных систем, все еще основанных, как и наша, на принципе добровольного, а не обязательного призыва.

То, что делает военную жизнь столь малопривлекательной в странах, где ее можно избежать, - это нечто большее, чем связанные с ней опасности, даже больше, чем потеря свободы, ее неисправимая и ужасающая скука. Оттенки жизнерадостности должны быть немногочисленными и тонкими, которые отличают барак от тюрьмы для каторжников. Ни в одном из занятий гражданской жизни нет ничего, что могло бы сравниться с невыразимой монотонностью парадов, повторяющихся три или четыре раза в день, возможно, в сырую погоду дополняемых военным катехизисом, и с промежутками времени, проводимыми за занятиями, не представляющими ни интереса, ни достоинства. Время, затрачиваемое на простую чистку и полировку снаряжения, таково, что эта задача фактически получила название 'солдатская'; и следующей по важности после этой солдатской работы является скромная

работа по чистке картошки к обеду. Даже военным шинелям, по умеренным оценкам, требуется полчаса или больше каждый день, чтобы быть должным образом сложенными, а штраф в виде дополнительных часовых тренировок, вероятно, является результатом любой небрежности при выполнении этой чрезвычайно важной военной функции. Но для такого внимания, уделяемого военной одежде, автор "Солдатской записной книжки" приводит причину: "Чем лучше вы оденете солдата, тем более высокого мнения о нем будут женщины, а следовательно, и он сам".

Еще меньше рассчитаны на то, чтобы придать привлекательности жизни рядовых, ежедневные утомительные работы или дополнительные обязанности, которые в свою очередь ложатся на солдат каждой роты, такие как переноска угля, уборка проходов, расчистка сточных канав и другие подобные необходимые работы.

Но именно долгие часы несения караульной службы, которые в народе называют 'Дежурством на посту', являются величайшим проклятием солдата. Караульная служба в Англии, повторяющаяся с небольшими перерывами, длится целый день и ночь, каждые четыре часа из двадцати четырех человек проводятся в полном снаряжении в караульном помещении, а каждые два часа между ними - на дежурстве, таким образом, всего получается шестнадцать часов в караульном помещении и восемь на сторожевом посту. Добровольные страдания святых, пытки, изобретенные религиозными орденами древности, или тяготы спорта, которым они подвергали себя сами, меркнут перед двухчасовым дежурством зимней ночью. Это то, что убивает наших солдат более фатально, чем вражеская пушка, и переносится с большим восхищением, чем даже тяготы осады. "Примерно после тридцати одного или тридцати двух лет, - говорит сэр Ф. Робертс, - рядовой обычно быстро стареет и становится ветераном как по внешности, так и по привычкам";[290] и этот выдающийся военачальник указывает в качестве причины чрезмерную несение караульной службы.

Но, как бы ни было возможно с помощью строгой дисциплины вызвать у солдата полное безразличие к смерти, лишив его всего, что делает жизнь желанной, невозможно вызвать безразличие к скуке; и политика, очевидно, саморазрушительная, которая, направленная исключительно на формирование механического характера, делает саму военную службу настолько непопулярной, что только молодые, неопытные или опрометчивые вообще вступают в ряды армии; эти 10 процентов. те, кто присоединится к ним, дезертируют; а остальные будут считать это торжественным днем в своей жизни, когда они получают законное право на увольнение из рядов.

В Англии около 10%. ежегодно дезертируют новобранцы по сравнению с 50%. из небольшой армии Соединенных Штатов. Причина столь значительной разницы, вероятно, заключается не столько в том, что американская дисциплина более сурова или скучна, чем английская, сколько в том, что в новой стране, где легче добывать средства к существованию, привлекательность мирных профессий дает больше стимулов к дезертирству.

Дезертирство из английских рядов, естественно, уменьшилось с тех пор, как введение системы кратковременной службы положило зримый срок тяготам военной жизни. Соблюдение цвета в течение семи или восьми лет, или даже двенадцати, что в настоящее время является максимально долгой службой, возможной на момент призыва, и соблюдение их пожизненно, очевидно, придают совершенно иной оттенок желательности незаконного побега из них. Таким образом, принимая во внимание сокращения, которые были произведены в течение срока службы, и повышение жалованья, произведенное в 1867 году, а затем снова в 1873 году, ничто

так убедительно не демонстрирует национальное отвращение английского народа к оружию, как чрезвычайные трудности, с которыми набираются рядовые, и высокий средний процент дезертирства. Если в последние годы с набором персонала было лучше, то это объясняется просто тем, что торговля была хуже; статистика набора персонала является наилучшим возможным барометром состояния нации, поскольку дефицит или изобилие рекрутов меняется одновременно с оживленным или слабым спросом на рабочую силу в других сферах деятельности.

Мало в чем мир стал более терпимым, чем в своем мнении о дезертирстве и обращении с ним. Когда-то смерть была его верным наказанием, и смерть со всемиотягчающими обстоятельствами, которые могла добавить зверская жестокость. Двумя самыми известными римскими полководцами были Сципион Эмилиан и Павел Эмилий; однако первый отправлял дезертиров сражаться с дикими зверями на публичных играх, а второй приказывал слонам затоптать их до смерти.

Формой дезертирства, составляющей одну из самых любопытных, но наименее замеченных глав в истории военной дисциплины, является симуляция болезни и членовредительство, приводящее к увольнению со службы. Практика уходит далеко в историю. Цицерон рассказывает о человеке, которого продали в рабство за то, что он отрезал палец, чтобы сбежать из кампании на Сицилии. Вегетий, великий авторитет в области римской дисциплины, говорит о солдатах, симулировавших болезнь, которых наказывали как предателей;[\[291\]](#) и древнеанглийский писатель на эту тему говорит о римлянах: "Всякий, кто калечил свое собственное тело или тела своих детей, чтобы тем самым намеренно сделать их непригодными к ношению оружия (практика, достаточно распространенная в те давние времена, когда все были вовлечены в войны), были приговорены к вечному изгнанию".[\[292\]](#)

Упомянутый здесь писатель жил задолго до призыва в армию, с которым, как ему казалось, было связано членовредительство. И, конечно, кажется, что в то время как все военные кодексы современных стран содержат статьи, касающиеся этого преступления и устанавливающие наказания за него, во времена до обязательной службы их было меньше. Например, об этом нет упоминания в немецких военных уставах семнадцатого века, хотя другие военные преступления были именно теми, которые до сих пор достаточно распространены.[\[293\]](#)

Но даже в Англии, где солдаты еще не являются военными рабами, было сочтено необходимым разобраться с помощью специальных положений армейского устава с рядом фактов, о которых нет упоминания в военных уставах семнадцатого или восемнадцатого веков.[\[294\]](#) Таким образом, напрашивается вывод, что условия военной службы повсеместно стали еще более неприятными. Пункты действующих военных уставов заслуживают того, чтобы их процитировать, чтобы из положений, направленных против них, было видно, до каких пределов доходят искусства членовредительства доведенными до отчаяния людьми. 81-я статья военного кодекса предусматривает наказание в отношении любого солдата армии Ее Величества, "который симулирует или вызывает болезнь или немощь, или умышленно совершает какие-либо действия или умышленно не подчиняется каким-либо приказам, будь то в госпитале или иным образом, вызывая или усугубляя болезнь или немощь или задерживая свое выздоровление, ... или который калечит или травмирует себя или любого другого солдата, будь то по просьбе такого другого солдата или нет, или причиняет себе увечья или ранения любым другим лицом с намерением тем самым сделать себя или такого другого солдата непригодным к

службе, ... или который подправит ему глаза с намерением тем самым сделать себя непригодным к службе".

То, что таким образом необходимо обеспечить себя от травм, нанесенных самому себе, несомненно, является достаточным комментарием к условиям жизни в рядах. Намек на вмешательство в глаза может быть проиллюстрирован отрывком из "Жизни сэра К. Нейпира", где нам рассказывается, как в 1808 году рядовой 28-го полка учил своих сослуживцев вызывать искусственную офтальмию, держа их веки открытыми, в то время как товарищ по оружию соскребал им в глаза немного извести с потолка казармы.[\[295\]](#) Для профессии, в которой подобные вещи являются обычным явлением, конечно, удивительно не то, что это должно быть сложно, а то, что это вообще должно быть возможно - набирать рекрутов. Во времена Мехемета Али в Египте было так много случаев, когда местные жители добровольно ослепляли себя и даже своих детей на один глаз, чтобы избежать призыва в армию, что, как говорят, Мехемет Али оказался перед необходимостью создать одноглазый полк. Другие с той же целью отрубали палец на спусковом крючке правой руки или лишали себя возможности грызть патроны, выбивая несколько верхних зубов. Едва ли найдется крестьянин на полях, который не носил бы на себе следов такого добровольно нанесенного увечья. Но с учетом таких фактов кажется праздным говорить о какой-либо врожденной любви к борьбе, доминирующей над подавляющим большинством человечества.

Суровость военной дисциплины оказывает даже худшее воздействие, чем те, о которых уже говорилось, поскольку она имеет тенденцию деморализовывать тех, кто долгое время ей подчинялся, вызывая ментальные привычки к раболепию и низости. После того, как Александр Македонский убил Клита в припадке пьяной ярости, македонские солдаты проголосовали за то, что Клит был убит справедливо, и молились, чтобы он не наслаждался обрядами погребения.[\[296\]](#) Военное раболепие едва ли могло пойти дальше этого, но такая низость возможна только при состоянии дисциплины, которая, чтобы сделать солдата, разрушает человека, лишая его всего, что отличает его вид. Ни при каких других условиях, кроме военной подготовки, и ни при каких других условиях, кроме военного класса, были бы возможны те зверства, которые совершались в казарменной школе верховой езды в старые времена порки. Офицеры и рядовые нуждались в унижающем влиянии дисциплины, которая позволила бы им как терпеливые зрители наблюдать за страданиями беспомощного товарища, замученного девятихвостым котом. Сэр К. Нейпир сказал, что, будучи младшим офицером, он "часто видел, как полковые военные трибуналы приговаривали к 600, 700, 800, 900 и 1000 ударам плетью, и вообще к каждому удару, нанесенному плетью"; чувство ужаса пробежало по рядам при первых ударах, и некоторые новобранцы падали в обморок, но это было все.[\[297\]](#) Если бы они были мужчинами, а не солдатами, они бы не терпели таких беззаконий. Типичным примером такого военного правосудия или закона (если использовать общепринятую профанацию этих слов) был случай с сержантом, который в 1792 году был приговорен к 1000 ударам плетью за то, что завербовал двух барабанщиков Ост-Индской компании, которые, как он знал, уже принадлежали к пехоте гвардии; но классическим описанием английской порки всегда будет отчет Сомервилля о ее применении к самому себе в его "Автобиографии рабочего человека".[\[298\]](#) Там вы можете прочитать, как полк был выстроен вчетвером внутри школы верховой езды; как офицеры (люди благородного происхождения и воспитанности) стояли в рядах солдат; как таз с водой и полотенца были наготове на случай, если жертва упадет в обморок; как руки и ноги последней были привязаны веревкой к лестнице; и как полковой старшина стоял с книгой и карандашом, хладнокровно считая каждый удар, наносимый с

помощью медленной и обдуманной пытки, пока не была нанесена полная сотня ударов плетью. Простого прочтения этого даже сейчас достаточно, чтобы заставить кровь вскипеть, но то, что люди, храбрые и свободнорожденные, должны были сотнями стоять рядом и, не шевелясь, видеть действительность, доказывает, насколько дисциплина искореняет все человеческие чувства и насколько надежным является обучение, которое она обеспечивает, игнорируя общие требования человечества.

К счастью, порка в английской армии сейчас считается одним из раритетов военной дисциплины, вроде деревянного коня или шуруповерта; но поразительно то, что дисциплина, в смысле хорошего поведения армии на поле боя, никогда не была хуже, чем в те дни, когда 1000 ударов плетью были обычным наказанием. Именно тогда, когда военные трибуналы имели законную власть осуществлять такую тиранию, герцог Веллингтон пожаловался лорду Каслри на то, что закон недостаточно силен, чтобы поддерживать дисциплину в армии во время реальной службы.^[299] Говоря об армии на полуострове, он говорит: 'Невозможно описать вам нарушения и бесчинства, совершенные войсками; ... нет такого безобразия, которое не было бы совершено над народом, который принял нас как друзей, солдатами, которые ни разу ни на минуту не испытывали ни малейшей нужды или малейших лишений.... Мы превосходная армия на параде, превосходная армия для сражения, но мы хуже, чем враг в стране.' И снова несколько месяцев спустя: 'Я действительно верю, что этой армией было совершено больше грабежей и бесчинств, чем любой другой, которая когда-либо участвовала в боевых действиях'. В общем приказе от 19 мая 1809 года есть такие слова: "Офицеры рот должны присматривать за солдатами в их казармах так же, как и на марше, иначе армия скоро будет ничем не лучше бандитов".^[300]

Отсюда справедливо сделать вывод, что строгость дисциплины не имеет необходимой связи с хорошим поведением или легким управлением войсками на поле боя, поскольку такая дисциплина при самом Железном герцоге была заметна из-за столь прискорбного провала. Реальный факт, по-видимому, заключается в том, что войсками трудно управлять как раз пропорционально строгости, монотонности и унылости дисциплины, налагаемой на них в мирное время; восстановление соответствует сжатию по моральному закону, который, по-видимому, следует за физическим. Нигде этот факт не отмечен лучше, чем в рассказе лорда Уолсли о китайской войне 1860 года, где он говорит, намекая на всеобщую любовь к грабежу и разрушению, которая характеризует солдат и которая так ярко проявилась при позорном сожжении прекрасных дворцов в Пекине и вокруг него: "Солдаты - не более чем взрослые школьники. Дикие моменты наслаждения, пережитые во время разграбления города, надолго остаются в памяти солдата.... Такое время настолько резко контрастирует с обычной рутинной существованием, проходящей под жесткой рукой дисциплины, что становится замечательным событием в жизни и запоминается соответствующим образом".^[301]

Опыт войны на полуострове доказывает, насколько хрупка связь между хорошо обученной и дисциплинированной армией. Самая дисциплинированная армия - это та, которая ведет себя на поле боя с наименьшими эксцессами и наименее деморализована победой. Именно час победы является великим испытанием ценности военных уставов; и спартанские солдаты настолько хорошо осознавали это в самом дисциплинированном государстве древности, что отказались от преследования, как только победа была им обеспечена, отчасти потому, что считалось неблагородным уничтожать тех, кто не мог оказать дальнейшего сопротивления (чувство, абсолютно отсутствующее у хваленого рыцарства христианской войны), а отчасти

потому, что у врага могло возникнуть искушение предпочесть бегство сопротивлению. Это упрек современному полководчеству в том, что оно оказалось бессильным сдержать такие эксцессы, которые сделали успешный штурм городов скорее позором, чем честью для тех, кто их завоевал. Единственный способ остановить их - возложить ответственность за происходящее на офицеров, как это можно было бы сделать, например, сурово наказав генерала за штурм города силами, настолько плохо дисциплинированными, что они сводят на нет преимущества успеха. Английский военный писатель, говоря о штурме русскими Измаила и Праги под командованием Суворороу, верно говорит, что 'потомки будут хранить славу и честь командира, ответственного за жизнь каждого человека, принесенного в жертву дисциплинированными армиями за пределами честного боя'; но было бы напрасно говорить, будто только русские армии были виновны в подобных эксцессах, или утверждать, что ничто, кроме перспективы подобных действий, не могло соблазнить русского солдата взобраться на брешь или штурмовую лестницу. Русский солдат в истории ни на йоту не уступает англичанам или французам в храбрости, и нет ни малейшей разницы между русским штурмом Измаила и Праги и английским штурмом Сьюдад-Родриго, Бадахоса или Сан-Себастьяна, которые запятнали блеск британского оружия в знаменитой войне на полуострове.

И если у нас возникнет соблазн думать, что подобные успехи, связанные с названиями этих мест, могут быть настолько важны на войне, что перевешивают все другие соображения, мы также не должны забывать, что постоянный военный характер наций, для человечества или наоборот, имеет большее значение в долгосрочной перспективе истории народа, чем любое преимущество, которое может быть получено в ходе одной кампании.

Возможно, было сказано достаточно о непопулярности военной службы и о ее очевидных причинах, чтобы сделать правдоподобным тот факт, что, если бы система воинской повинности никогда не применялась в Европе, а принцип добровольного призыва оставался неизменным и всеобщим, трудность обеспечения людей боевыми припасами в достаточных количествах со временем сделала бы ведение войны невозможным. По мере того как в мире завоевывали себе место не только боевые действия, но и другие отрасли промышленности, сложность найма новобранцев, готовых продать свои жизни своей стране, не отставала от возможности получения средств к существованию более регулярными и прибыльными, а также менее жалкими занятиями. В четырнадцатом веке солдатам платили очень высоко по сравнению с другими классами, и самый скромный рядовой получал дневную заработную плату, эквивалентную заработной плате квалифицированного механика;^[302] но исторический процесс настолько изменил ситуацию, что теперь зарплата самого скромного механика будет выгодно отличаться от заработной платы всех боевых званий, более низких, чем офицерские звания. Следовательно, все попытки сделать эту услугу популярной до сих пор были тщетными, и никакое улучшение ее качества не позволяло ей конкурировать с тихоокеанскими профессиями. Жалованье рядового было повышено с шести пенсов до шиллинга во время войн Французской революции;^[303] а до этого, примерно во время войны с американскими колониями, было признано необходимым подкупать мужчин, чтобы они поступали на службу по системе (с тех пор отмененной) выплаты вознаграждений при зачислении. До введения системы вознаграждений гиней для обеспечения новобранца предметами первой необходимости и крона, чтобы выпить за здоровье короля, были всем, что давалось при зачислении, сама служба (с шансами на добычу и сопутствующими удовольствиями) была достаточной наградой.^[304] Даже система поощрений оказалась привлекательной только для мальчиков; ибо, как сказал английский государственный деятель, чье имя с честью связано с

первым изменением нашей системы с пожизненного призыва на ограниченный период, "мужчины, выросшие со всей грубостью, невежеством и вытекающим отсюда отсутствием внимания, присущим низшим классам", были слишком осторожны, чтобы принимать предложения отдела вербовки .[305]

Сокращение срока службы в 1806 году и последующее повышение жалованья, смягчение наказаний - все это следует понимать как попытки сделать военную жизнь более привлекательной и более способной конкурировать с другими профессиями; но то, что все они явно провалились, доказывается хроническими и постоянно возрастающими трудностями заманивания новобранцев. Небольшая брошюра, изданная властями и бесплатно распространяемая во всех почтовых отделениях королевства, демонстрирующая "Преимущества армии" в самых радужных красках, не может противостоять влиянию устных свидетельств людей, которые после короткого периода службы разбредаются по всем уголкам страны со своими рассказами о военных невзгодах, подтверждая и распространяя ту популярную теорию солдатской жизни, которая видит в ней своего рода земное чистилище для недостатков характера, приобретенных в юности, призвание, которое могут принять только те, чье прошлое делает трудолюбие трудолюбием. неприятный для них и непригодный для более полезных занятий.

Те же трудности с вербовкой ощущались во Франции и Германии в прошлом веке, когда добровольная вербовка все еще была правилом. В этой любопытной старой военной книге, "Волкоммене немецкого солдата" Флеминга, есть фотография офицера-вербовщика, за которым следуют трубачи и барабанщики, марширующие по улицам и потрясающие шляпой, полной серебряных монет, возле стола, уставленного дополнительными соблазнами в виде вина и пива.[306] Но вскоре возникла необходимость дополнить эту систему методами принуждения; и когда обычное пренебрежение к раненым и большое количество ненужных войн затруднили или сделали невозможным пополнение рядов свежими рекрутами, немецкие власти прибегли к обычной системе похищения людей, забирая их, каких только могли, с их плугов, из их церквей или даже с их кроватей.

Во Франции тоже был Людовик XIV. пришлось прибегнуть к силе для пополнения своих рядов во время войны за испанское наследство, хотя система набора оставалась номинально добровольной гораздо позже. Общие расходы на французского рекрута составляли девяносто два ливра; но продолжительность его службы, хотя и изменялась время от времени на периоды от трех до восьми лет, никогда не превышала последнего предела и не была пожизненной, как это было практически в Англии.

Таким образом, опыт других стран доказывает, что Англия рано или поздно примет принцип воинской повинности или перестанет тратить кровь и деньги на континентальные распри. Призыв на военную службу станет для нее единственным возможным способом получить армию вообще или армию, соизмеримую с армией ее возможных европейских соперников. Мы не должны забывать, что в 1878 году, когда мы были на грани войны с Россией (а мы всегда живем на грани войны с Россией), наши лучшие военные специалисты встретились и согласились, что только с помощью обязательной службы мы можем надеяться справиться с нашим врагом с какими-либо шансами на успех. А воинская повинность, независимо от того, при свободном правительстве или нет, означает тиранию, по сравнению с которой тирании Тюдоров или

Стюартов были как шелковое ярмо по сравнению с железным. Не имело бы большого значения, если бы это привело к политическому деспотизму или включило его в себя, ибо более великим деспотизмом всегда был бы военный, уничтожающий всякую индивидуальность, моральную свободу и независимость и отдающий разрушающей душу рутине мелких военных мелочей весь талант, вкус, знания и богатство нашей страны, которые до сих пор придавали ей особый характер в истории и ведущее место среди наций земли.

В 1702 году женщина служила капитаном французской армии с такой выдающейся храбростью, что была награждена орденом Святого Людовика. И это был не единственный результат, поскольку этот эпизод вызвал серьезную дискуссию в мире о том, можно ли ожидать или требовать военной службы от женского пола в целом.^[307] Почему же тогда призыв на военную службу должен быть ограничен половиной населения, учитывая так много исторических примеров, когда женщины демонстрировали выдающиеся или, по крайней мере, средние военные способности? И если военная служба настолько облагораживает и совершенна, как говорят, для мужского населения страны, почему бы не быть таковой и для женского? Или, поскольку мы можем быть уверены, что это было бы до последней степени унижительно для второй половины общества, не можем ли мы заподозрить, что это совершенно софистическое рассуждение, которое утверждает, что другие эффекты являются следствием его воздействия на сильный пол?

Каковы будут эти последствия для дальнейшего развития европейской цивилизации, мы пока едва ли в состоянии судить. Мы все еще живем только на пороге перемен и едва ли можем оценить конечное воздействие на человеческую жизнь переноса на все мужское население страны привычек и пороков, ранее присущих лишь определенной его части. Но, по крайней мере, несомненно то, что в настоящее время каждое предсказание, положившее начало переменам, фальсифицируется из года в год. Эта всеобщая повинность, которую мы называем воинской повинностью, должна была, как нам сказали, возвестить своего рода тысячелетие; она должна была гуманизировать ведение войны, повысить моральный тонус армий и обеспечить мир, сделав перспективу его альтернативы слишком ужасающей для человечества. Он не только не сделал ничего из вышеперечисленного, но есть даже признаки прямо противоположных последствий. Удобства, которые время от времени бросали ответ на профессиональные военные действия восемнадцатого века, как, например, когда Крильон, осаждавший Гибралтар, отправил телегу моркови английскому губернатору, чьи люди умирали от цинги, совершенно вышли за пределы возможного и уступили место ненависти между воюющими сторонами, которую не смягчает ни вежливость, ни тень человечности. Целые нации, а не отдельный класс, были приучены к грабежам и кровопролитию и расстались со значительной частью своего досуга, когда-то доступного для развития промышленности. Война сама по себе в любой данный момент бесконечно более вероятна, чем это было раньше, из-за постоянного ожидания ее, которое проистекает из постоянной подготовки; история не доказала ложности более популярного парадокса, дошедшего до нас от Вегеция, что подготовка к войне - это прямой путь к миру.^[308] Когда, кто-то может спросить, мир не был готов к войне, и как же тогда ее было так много? А что касается более высокого морального тона, который, вероятно, будет проистекать из всеобщего милитаризма, какого рода мы можем ожидать, когда читаем в труде величайшего из ныне живущих английских генералов, которому, как надеялся Карлайл, суждено однажды быстро поработать в парламенте, такое изложение взаимосвязи между моральными обязанностями солдата и гражданскими: "Его (солдата) нужно научить верить, что его обязанности - самые благородные из тех, что выпадают на долю человека. Его нужно

научить презирать всех, кто ведет гражданскую жизнь. Солдаты, как и миссионеры, должны быть фанатиками".[309]

Эразм однажды заметил в письме другу, как мало для большинства людей имеет значение, к какой национальности они принадлежат, поскольку это всего лишь вопрос уплаты налогов Томасу, а не Джону, или Джону, а не Томасу; но это становится еще менее важным, когда речь идет всего лишь о подготовке к убийству и кровопролитию на тренировочных площадках того или иного правительства. Какое дело призывнику, будь то во Франции или Германии, до того, что его заставляют проходить муштру и дисциплину, когда скучность муштры и тирания дисциплины одинаковы в обоих случаях? Если старое определение человека как разумного животного заменить на определение боевого животного, и требования страны к человеку должны основываться исключительно или главным образом на его боевой полезности, то очевидно, что отношения между индивидом и его страной изменились и что между ними больше нет никаких уз привязанности, равно как и ничего, что отличало бы одну национальность от другой или предпочитало бы ее. Очевидно, что такова тенденция призыва на военную службу; и уже замечательно, как это ослабило те более ранние и узкие взгляды на патриотизм, которые раньше служили предлогом для стольких испытаний силы между нациями. Каковы же тогда вероятные конечные последствия этого нововведения для развития и поддержания мира в Европе?

Воинская повинность, сводя идею страны к идее простого военного деспотизма, естественным образом привела к тому, что различия между нациями отошли на второй план и были вытеснены теми классовыми различиями, мнениями и интересами, которые совершенно независимы от национальности и независимо от языковых или географических барьеров. Таким образом, ремесленник одной страны научился относиться к своему товарищу-рабочему из другой страны как к своему соотечественнику в гораздо более истинном смысле, чем к священнику или дворянину, которые, поскольку они живут в том же географическом районе, что и он, платят налоги тому же центральному правительству; и различные политические школы в нескольких странах Европы имеют гораздо больше общего друг с другом, чем с противоположной партией их собственной национальности. Таким образом, первым результатом этого великого военного механизма, воинской повинности, стало ослабление уз идеи национальности, которая так долго узурпировала право на патриотизм; освобождение нас от того представления о нашем долге по отношению к нашему ближнему, которое заставляет нас ненавидеть его за то, что он наш сосед; и до такой степени уменьшить шансы войны путем подрыва предрассудков, которые всегда были ее опорой.

Но призыв к созданию одного призрака породил другой; ибо в противовес национализму, зависти наций, он вырастил социализм, зависть классов. Это произошло не только из-за ослабления старой национальной идеи, которая сдерживала соперничество классов, но и из-за пауперизма, нищеты и недовольства, которые неизбежно связаны с увеличением военных расходов, вызванным этим. Вызванный этим рост настолько огромен, что кажется почти невероятным. Во Франции ежегодные военные расходы составляют сейчас около двадцати пяти миллионов фунтов стерлингов, тогда как в 1869 году, до принятия нового закона о всеобщей воинской повинности, общие ежегодные расходы армии составляли немногим более пятнадцати миллионов, или среднегодовые расходы нынешней армии Великобритании. "Ничто, - сказал Фруассар, - так не истощает казну, как вооруженные люди"; и, вероятно, было бы ниже истины утверждать, что страна беднеет на фунт на каждый шиллинг, который она тратит на

содержание своей армии. Таким образом, по природе вещей считается, что социализм проистекает из воинской повинности; и нам стоит только взглянуть на недавнюю историю Европы, чтобы увидеть, как первая росла и распространялась в точном соотношении с расширением последней. То, что она еще не получила такого широкого распространения в Англии, как во Франции, Германии или России, объясняется тем, что у нас еще нет той обязательной военной службы, о которой начинают настаивать наши военные советники.

Рост социализма, в свою очередь, не лишен эффекта, который может оказаться весьма полезным в качестве средства борьбы с милитаризмом, который является некомпенсированным злом современности. Ибо это имеет тенденцию заставлять правительства наших различных национальностей сближаться и, перенимая часть космополитизма их общего врага, вступать в союз против тех врагов реальных институтов, за которые в первую очередь несет ответственность сам милитаризм, из-за примера, который он так долго подавал в методах беззакония, из-за санкции, которую он так долго давал преступлениям. Поскольку социалистические теории проникают в каждую страну, но особенно в те, которые стонут от призыва на военную службу, международная зависть подавляется и сдерживается, и должна, если дело будет продолжаться, в конечном счете угаснуть. Отсюда любопытный результат, но результат, вселяющий надежду на будущее, заключающийся в том, что мир во всем мире теперь должен быть обязан, косвенным, но четко прослеживаемым образом, военной системе, которая из всех когда-либо изобретенных лучше всего рассчитана на то, чтобы предотвратить его и поставить под угрозу. Но поскольку это всего лишь означает, что опасность внешней войны уменьшается из-за неминуемого страха гражданской войны, замена одной опасности на другую мало что дает. Предотвратить социализм можно, только устранив причину, его порождающую, а именно те непроизводительные расходы на вооруженные силы, которые усиливают и увековечивают пауперизм. Таким образом, проблема времени для нас, в Англии, заключается не в том, как мы можем добиться более либеральных военных расходов, и тем более не в том, как мы можем обеспечить обязательную службу; скорее, как быстрее мы можем распустить нашу армию — постоянно растущую угрозу нашему миру и свободе — и как мы можем продвигать дело всеобщего разоружения в других местах.

ГЛАВА IX. ПРЕДЕЛЫ ВОИНСКОЙ ОБЯЗАННОСТИ.

"Признаюсь, когда я взялся за оружие в начале этой войны, я никогда не утруждал себя изучением сторон; я был рад слышать бой барабанов для солдат, как если бы я был простым швейцарцем, которому было все равно, на чьей стороне победа, а на чьей нет, лишь бы мне платили".— Мемуары кавалера.

Старое ощущение морального пятна кровопролития—Военные очистительные обычаи—Современные изменения отношения к войне—Декарт о профессии военного—Настроения старого света в пользу пиратства—Центральный вопрос военной этики—Может ли солдат быть безразличным к делу войны?—Право служить, обусловленное уважительной причиной, согласно закону Св. Августина, Буллингер, Гроций и сэр Джеймс Тернер—Древнегреческое отношение к наемнической службе—Происхождение нашего наемничества в отличие от

безвозмездной службы—Армии, набираемые военными подрядчиками—Ценность различия между иностранными и местными наемниками—Первоначальноеограничение воинской обязанности фактической защитой государства—Расширение понятия верности—Связь военной присяги с первым актом о мятеже—Признанные пределы притязаний на повиновение солдата—Ложность общепринятой доктрины долга, проиллюстрированной разорением Пфальца французами и вторжением русских. бомбардировка Копенгагена англичанами—Пример адмирала Кеппеля—Правосудие между нациями—Его наблюдали в древней Индии и Риме—St. Августин и Байярд о справедливости на войне—Гроций о хороших основаниях ведения войны—Требование военных об освобождении от моральной ответственности—Первый долг солдата перед своей совестью—Признание этого принципа влечет за собой прекращение войны.

Неизбежно возникают новые вопросы или старые затруднения в новой форме; и одно из них, которое снова возникло в наше время, заключается в следующем: накладывает ли какое-либо моральное пятно на кровопролитие, совершенное на поле битвы? Или разница между военным и обычным убийством реальна, и оправдывает ли служебный долг любое деяние, каким бы чудовищным оно ни было абстрактно, при условии, что оно совершено в форме государства?

Общее мнение, конечно, таково, что ни один солдат в его военном звании не может быть виновен в преступлении; но мнение не всегда было таким устойчивым, и стоит отметить, что в формах цивилизации, предшествовавших нашей, и у некоторых существующих современных рас более низкого типа, чем наша, отчетливо проявляются следы чувства несправедливости, присущего любой форме кровопролития, будь то честный бой или низкое предательство, одинаково требующие очищающего воздействия искупления. В Южной Африке, например, басуто, возвращающийся с войны, идет со всем своим оружием к ближайшему ручью, чтобы очистить не только себя, но и свои дротики и боевой топор. Зулусы тоже совершают омовения по тому же случаю; а воин бечуана носит грубое ожерелье, напоминающее ему об искуплении, причитающемся ему за убитых, и разгоняющее мечты, которые в противном случае могли бы беспокоить его и, возможно, даже довести до смерти от угрызений совести.[310]

Те же чувства можно обнаружить и в старом свете. У македонян была особая форма жертвенного очищения, которая заключалась в разрезании собаки пополам и проведении всей армии, облаченной в полное вооружение, между двумя частями.[311] Поскольку у беотийцев был такой же обычай, вероятно, это было по той же причине. В Риме с той же целью овцу, быка и свинью или кабана каждый год трижды обводили вокруг армии, а затем приносили в жертву Марсу. В еврейской истории запрет царю Давиду строить храм был прямо связан с кровью, которую он пролил в битве. В древнегреческой мифологии Тесей считал себя недостойным без искупления быть допущенным к мистериям Цереры, хотя кровь, запятнавшая его руки, была всего лишь кровью воров. И в том же духе Гектор отказался совершить возлияние богам до того, как очистит свои руки после битвы. "Немытыми руками, - сказал он, - я не осмеливаюсь наливать искрящееся вино Зевсу, и нет такого обычая, чтобы тот, кто запачкан кровью и пылью сражений, возносил молитвы богу, чье местопребывание находится в облаках".[312]

В качестве причины этого чувства мы, возможно, можем выбрать между почти инстинктивным нежеланием лишать человека жизни и каким—нибудь суеверием, объясняющим необходимость очищения среди басуто, а именно идеей избежать мести убитых с помощью воды.[313] Последнее объяснение соответствовало бы распространенному в жизни дикарей

представлению о неспособности духа пересечь текущую воду и помогло бы объяснить необходимость бегства еврея или искупления грека, даже если они виновны только в акте непреднамеренного убийства. И таким образом, возможно, что святость человеческой жизни, которая является одним из главных признаков цивилизации и должна быть одним из главных объектов, возникла из того же самого страха перед посмертной местью, который заставляет некоторые дикие племена просить прощения у медведя или слона, которых они убили после успешной охоты.

Но, как бы нам ни хотелось объяснить происхождение этого чувства, его несомненное существование представляет интерес, поскольку легко видеть, что при несколько более благоприятных исторических условиях оно могло бы вырасти в такое мышление, которое вызывало бы равное отвращение как у солдата, так и у убийцы. Христианство в его примитивной форме, безусловно, нацеливалось на этот переход и почти осуществило его. В греческой церкви христианский солдат был отстранен от Евхаристии на три года, если он убил врага в битве; и христианская церковь первых трех столетий поддержала бы мнение, выраженное святым Киприаном в его письме Донату: "Человекоубийство, совершенное отдельным человеком, является преступлением, но добродетелью, когда оно совершается на общественной войне; однако в последнем случае безнаказанность объясняется не абстрактной безвредностью, а исключительно масштабом его чудовищности".

Многовековое воспитание давно изгладило прежнюю щепетильность; но есть десятки тысяч англичан, для которых военная профессия - последнее, что они выбрали бы добровольно, и было бы опрометчиво предсказывать невозможность возрождения прежнего чувства или масштабы, которые оно может в конечном итоге принять. Величайший поэт нашего времени, который больше, чем кто-либо другой из ныне живущих людей, помог направить европейское общественное мнение в новое русло, возможно, в следующих строках предвосхитил приговор грядущего времени и угадал скрытое течение мысли, которое уже сейчас начинает течь среди нас с немалой силой чувства:

La phrase, cette altière et vile courtisane,
Dore le meurtre en grand, fourbit la pertuisane,
Protège les soudards contre le sens commun,
Persuade les niais que tous sont faits pour un,
Prouve que la tuerie est glorieuse et bonne,
Déroute la logique et l'évidence, et donne
Un sauf-conduit au crime à travers la raison.[314]

Разрушение романтики войны из-за большей огласки ее деталей средствами прессы явно имеет тенденцию усиливать это чувство, смягчая всеобщее восхищение военным успехом охлаждающей примесью ужаса и отвращения. Возьмем, к примеру, следующее описание штурма египетских траншей в Тель-эль-Кебуре очевидцем этого: 'На редутах, в которые ворвались наши люди, были обнаружены египтяне, побросавшие оружие, съезжившиеся, охваченные ужасом, в углах укреплений, чтобы спрятаться от наших людей. Хотя они устроили такое презренное представление, с солдатской точки зрения, невозможно было не пожалеть бедняг, когда они сбились в кучу; *это было так похоже на крыс в яме, когда терьер принялся*

за дело." И около 2500 из них впоследствии были похоронены на месте, большинство из них погибли от штыковых ранений в спину.

Это пример *церкви*, о которой говорит Виктор Гюго, которую мы все называем великолепной, когда встречаемся на улицах, оставляя, у некоторых из нас, другое мнение для тайной комнаты. И все же, когда дело доходит до сравнения работы победителя с работой терьера в крысиной яме, следует признать, что реализм войны угрожает стать более отталкивающим, чем когда-то привлекала ее романтика, и все больше и больше удерживать людей от выбора профессии, для которой подобные отвратительные сцены являются обычными и вероятными эпизодами.

Декарт, отец современной философии и свободомыслия, который из юношеской любви к оружию и походной жизни, которую он приписывал определенной горячности, начал службу в армии, фактически отказался от своей военной карьеры по причинам, которые он так выразил в письме другу: "Хотя обычаи и пример делают профессию военного самой благородной из всех, я, со своей стороны, смотрю на нее только как философ, ценю ее по достоинству, и, действительно, мне очень трудно отвести ей место среди почетных профессий, видя, что профессия военного является самой благородной". что праздность и распущенность - два основных мотива, которые сейчас привлекают к этому большинство мужчин".^[315]

Конечно, никто в наше время не пришел бы к тем же выводам, что и Декарт, по тем же причинам, поскольку дисциплина в наших армиях несколько более серьезная, чем в первой половине семнадцатого века. Тем не менее, невозможно читать о немецкой кампании во Франции, не надеясь, ради блага мира, что неизбежная связь войны с наиболее отвратительными формами преступности, которые там проявляются, может когда-нибудь вызвать общее состояние настроений, подобное тому, которое предвидел Декарт.

Можно сказать, что пример Декарта ничего не доказывает и не указывает; и мы можем быть совершенно уверены, что его щепетильность казалась его современникам чрезмерно абсурдной, если бы он позволил им узнать о ней. Тем не менее, он мог бы сослаться на несколько хорошо известных исторических фактов в качестве довода против слишком поспешного осуждения его очевидной сверхчувствительности. Он мог бы возразить, что профессия пирата когда-то отражала моральную дискредитацию не больше, чем профессия солдата в его дни; что ответ пирата Александру, что он наводнял моря по тому же праву, по которому завоеватель опустошал сушу, выражал моральное чувство, некогда общепринятое, но даже тогда не совсем исчезнувшее; что во времена Гомера было так же естественно спрашивать моряка, был ли он флибустьером, как и купцом; что на столь позднем этапе греческой истории, как во времена Фукидида, несколько племен на материковой Греции все еще жили в согласии с ним. прославлялись пиратством и считали свою добычу добычей с честью; и что в Риме к киликийским пиратам, разогнать которых было поручено Помпею, присоединились люди богатые, родовитые и образованные, "как будто, - говорит Плутарх, - их занятие было достойно честолюбия людей чести".

Помня, следовательно, об этих вещах и о том факте, что не так уж много веков назад общественное мнение было настолько снисходительным к практике епископов и духовных лиц, принимающих активное участие в военных действиях, что они обычно делали это вопреки канонам и соборам, утверждающим обратное, это справедливый предмет для размышлений о том, может ли моральное мнение будущего не совпадать с чувствами Декарта, и нам надлежит постоянно помнить о возможностях изменений в этом вопросе, которые, по-видимому, уже

находятся в процессе формирования. Кто рискнет предсказать, каким может быть эффект повышения общего уровня образования и более высокой нравственной жизни нашего времени на общественное мнение даже через пятьдесят лет относительно добровольного выбора военной службы?

Мы можем, возможно, объяснить крайнюю позицию, занятую квакерами и меннонитами в отношении военной службы, тем, что пример Декарта имел так мало последователей. Эта плотная фаланга нашего вида, наивно принимающая собственную умственную робость за умеренность, постоянно использует доктрины экстремистов как предлог для терпимости или даже защиты того, что абстрактно они признают злом; и, к несчастью, именно с этой умеренной партией Гроций решил связать свою судьбу. Никто так решительно не признавал пагубность войны. Причиной, которую он сам назвал для написания своего 'De Jure Pacis et Belli', была, по его мнению, царящая во всем христианском мире вольность в обращении к военным действиям; прибегать к оружию приходилось из незначительных побуждений или вообще без таковых; и когда однажды начиналась война, это означало полное неприятие всякого почтения к божественному или человеческому закону, точно так же, как если бы отныне безудержное совершение любого преступления стало законным. Тем не менее, вместо того, чтобы положить вес своего суждения на чашу весов мнений, которые полностью противоречили обычаю (хотя он и выступал за международный трибунал, который должен разрешать разногласия и заставлять подчиняться его решениям), он лишь пытался сковать его правилами приличия, которые ему абсолютно чужды, в результате чего, в конце концов, он сделал очень мало для гуманизации войн и ничего для того, чтобы сделать их менее частыми.

Тем не менее, хотя Гроций и признавал абстрактную законность военной службы, он ставил ее в зависимость от глубокой убежденности в правоте рассматриваемого дела. Это великая и постоянная заслуга его работы, и именно здесь мы касаемся стержневого или центрального вопроса военной этики. Ортодоксальная теория состоит в том, что причина войны солдата не касается, и что, поскольку спорный вопрос всегда слишком сложен для него, чтобы судить о его достоинствах, его единственный долг - закрыть глаза своему разуму и совести и броситься туда, куда прикажут его службы. Возможно, лучшим изложением этой простой военной философии является то, что дано Шекспиром в его сцене накануне Азенкура, где Генрих V, переодетый, беседует с несколькими солдатами английской армии. "Мне кажется, - говорит король, - нигде я не мог бы умереть таким довольным, как в обществе короля, его дело правое, а ссора честная".

Уильям. - Это больше, чем мы знаем.

Бейтс. 'Да, или больше, чем нам следовало бы искать, ибо мы знаем достаточно, если знаем, что мы подданные короля. Если его дело ложное, наше повиновение королю стирает с нас вину за это преступление.

И все же шепот нашего собственного дня есть, не так ли? Ибо солдат в наши дни пользуется наравне с гражданским лицом, которое своим голосованием вносит свой вклад в предотвращение или поощрение военных действий, большими возможностями, предоставляемыми распространением знаний для осуществления своих суждений; и это значит подвергнуть его незаслуженному позору, лишив его возможности свободно использовать свой интеллект, как если бы он был несовершеннолетним или слабоумным, неспособным думать самостоятельно. Принимая во внимание даже худшую трудность принятия решения, для солдата она никогда не может быть больше, чем для избирателя; и если первый не

способен сформировать мнение, то откуда черпает свои способности крестьянин или механик? Более того, существование справедливого и благого дела всегда было условием, на котором настаивали как на единственном способном санкционировать военную службу писатели всех оттенков мысли — св. Августин как представитель ранней католической церкви, Буллингер или Бекон как представители ранней реформатской церкви и Гроций как представитель современной школы публицистов. Гроций утверждает, что ни один гражданин или подданный не должен участвовать в несправедливой войне, даже если ему прикажут это сделать. Он открыто утверждает, что неподчинение приказам в таком случае является меньшим злом, чем вина за убийство, которая была бы вызвана дракой. Он склоняется к мнению, что там, где причина войны кажется сомнительной, человеку лучше воздержаться от службы и предоставить королю нанимать тех, чья готовность сражаться могла бы быть менее затруднена вопросами добра и зла, и кого всегда было бы в избытке. Без этих оговорок он считает задачу солдата гораздо более отвратительной, чем задачу палача, поскольку непредумышленное убийство без причины более отвратительно, чем непредумышленное убийство с одной целью,^[316] и считает, что нет жизни более порочной, чем жизнь людей, которые, не считаясь с причиной войны, сражаются по найму, и для которых вопрос права эквивалентен вопросу о самой высокой заработной плате. ^[317]

Это сильные мнения и выражения, и поскольку их всеобщее признание логически сделало бы войну невозможной, иметь в их пользу такого большого авторитета, как Гроций, - немалый выигрыш. Но еще большее преимущество - иметь возможность цитировать на той же стороне настоящего солдата. Сэр Джеймс Тернер в конце своего военного трактата под названием 'Паллада Армата', опубликованного в 1683 году, пришел к выводам, которые, хотя и противоречат Гроцию, содержат некоторые замечательные признания и показывают разницу, которую два столетия внесли в военные принципы в отношении этого предмета. 'Для простого солдата нет греха, - говорит он, - служить за жалованье, если только его совесть не подсказывает ему, что он сражается за несправедливое дело'. И снова: "Тот солдат, который служит или сражается за какого-либо князя или государство за жалованье в деле, которое, как он знает, несправедливо, ужасно грешит". Он даже утверждает, что солдаты, чья первоначальная служба началась за правое дело, и которые своей военной присягой вынуждены продолжать службу за новое и несправедливое дело войны, должны "оставить свою службу и вытерпеть все, что с ними могут сделать, прежде чем они обнажат мечи против собственной совести и суждений в несправедливой ссоре".^[318]

Эти моральные чувства военного семнадцатого века абсолютно чужды военным доктринам наших дней; и его замечания о заработной плате напоминают еще об одной важной вехе древней мысли, которая была стерта ходом времени. Древнегреческое общественное мнение справедливо не делало различия между наемником, который служил чужой стране, и наемником, который служил своей собственной. Любая наемная военная служба считалась позорной, и никто хорошего происхождения не мечтал бы служить своей стране иначе, как за свой счет. Карийцы прославили свои имена как первые представители греческой расы, которые служили за плату; в то время как в Афинах Перикл ввел обычай поддерживать более бедных защитников своей страны из казны.^[319] Впоследствии, конечно, ни один народ никогда с таким рвением не посвящал себя ведению наемнической войны.

В Англии также безвозмездная военная служба изначально была условием феодального владения землей, и никто не был обязан служить королю более определенного количества дней в году, причем сорок, как правило, были самым длительным сроком. За всякую службу сверх установленного законом предела король был обязан платить; и таким образом, а также с помощью подушного налога, которым многие арендаторы откупались от своих строгих обязательств, принцип платной военной силы был признан со времен Завоевания. Но главными наемниками, по-видимому, были иностранные наемники, которых содержали не за счет налога на смягчение наказания, а из личного кошелька короля, и еще больше за счет добычи, полученной от их жертв на войне. Это были те солдаты удачи, в основном из Фландрии, брабансонцы или разбойники, чьи бесчинства в качестве разбойников привели к их отлучению от церкви Третьим Латеранским собором (1179 г.) и уничтожению в ходе крестового похода три года спустя.[\[320\]](#)

Но зародыш нашей современной системы рекрутинга скорее следует искать в тех военных контрактах, по которым примерно со времен Эдуарда III заключались контракты. стало обычным набирать наши силы: какой-нибудь могущественный подданный заключал с королем контракт за определенную сумму о предоставлении солдат на определенное время и выполнение определенной задачи. Так, в 1382 году воинственный епископ Норвича заключил контракт с Ричардом II. предоставить 2500 латников и 2500 лучников для годичной службы во Франции, принимая во внимание все пятнадцатое предложение, за которое парламент проголосовал за войну.[\[321\]](#) Таким же образом несколько епископов призвали собрать солдат для Генриха V. И таким образом, внешняя война стала простым делом бизнеса и найма персонала, а армии для борьбы с французами были созданы спекулятивными подрядчиками, подобно тому, как в наши дни люди создаются для строительства железных дорог или участия в других работах, необходимых обществу в целом. Помолвка носила чисто денежный и коммерческий характер и была полностью лишена какой-либо связи с совестью или патриотизмом. С другой стороны, наиболее очевидная справедливая причина войны, национальная оборона в случае вторжения, по-прежнему была совершенно не связана с оплатой труда и оставалась в такой степени обязанностью ополчения или дееспособного мужского населения страны, что оба Эдуарда III. и Ричард II направил предписания даже архиепископам и епископам вооружить всех аббатов, приоров и монахов в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет для защиты королевства.[\[322\]](#)

Таким образом, первоначально наемная армия Англии, в отличие от ополчения, подразумевала введение в нашу военную систему исключительно наемных сил, состоящих безразлично из местных жителей или иностранцев. Но очевидно, что не было никакой моральной разницы между двумя классами наемников, задействованных таким образом. Главным соображением обоих был наем, а не причина, и англичанин, и брабансонец были в равной степени наемниками в обычном понимании этого термина. Предубеждение против наемников либо заходит слишком далеко, либо недостаточно далеко. Если швейцарец или итальянец, нанимающийся сражаться за дело, о котором он ничего не знал или был безразличен, был солдатом-наемником, то таким же был и англичанин, который с равным невежеством и безразличием принимал жалованье, предложенное ему военным подрядчиком из его собственной страны. Либо поведение швейцарца было безупречным, либо моральный проступок англичанина был таким же, как и у него.

Общественное мнение прежних времен, конечно, считало обоих одинаково безупречными или, скорее, одинаково достойными уважения. И стоит отметить, что слово *наемник* применялось одинаково к наемному военному служащему как в его собственной, так и в другой стране. Шекспир, например, применяет термин "наемник" к 1600 французам низкого звания, убитым при Азенкуре, которых Монстреле отличает от 10 000 высокопоставленных французов, потерявших свои жизни в тот памятный день —

Из этих десяти тысяч, которые они потеряли, осталось всего тысяча шестьсот наемников.

И даже в 1756 году первоначальное значение этого слова изменилось так мало, что в ходе масштабных дебатов в Палате лордов по законопроекту об ополчении того года лорд Темпл и несколько других ораторов говорили о национальной постоянной армии как об армии *наемников*, не делая никакого различия между служившими в ней англичанами и гессенцами.[323]

Моральное различие, которое в настоящее время преобладает между оплачиваемой службой местных жителей и иностранцев, следовательно, возникло сравнительно недавно. Одной из особенностей Реформации в Швейцарии было то, что ее лидеры впервые настаивали на моральной разнице между швейцарскими солдатами, которые служили своей стране за плату, и теми, кто с равной храбростью и достоинством продавал свою силу службе иностранному покупателю, предложившему самую высокую цену.

Цвингли, а вслед за ним и его ученик Буллингер, произвели изменение в моральных чувствах Швейцарии, эквивалентное тому, которое произвел бы в наши дни человек, убедивший людей отказаться от военной службы любого рода за плату. Одним из серьезных препятствий на пути к успеху Цвингли был его решительный протест против права любого швейцарца продавать себя иностранным правительствам для совершения кровопролития, невзирая на какой-либо оправданный ущерб; и главным образом по этой причине Буллингеру удалось в 1549 году предотвратить возобновление союза или военного контракта между кантонами и королем Франции Генрихом II. "Когда частное лицо, - сказал он, - вольно записываться или нет и берется сражаться против друзей и союзников своего государя, я не знаю, не нанимается ли оно совершить человекоубийство и не поступает ли он подобно гладиаторам, которые, чтобы позабавить римский народ, бросаются на первого встречного убивать друг друга".

Но очевидно, что, за исключением оговорки, ограничивающей служение человека справедливому национальному делу, аргумент Буллингера применим и к случаю с наемным солдатом его собственной страны. Долг каждого человека защищать свою страну в случае вторжения достаточно понятен; и очень важно отметить, что изначально ни в одной стране долг воинского повиновения не значил больше. В 1297 году верховный констебль и маршал Англии отказались собрать войска для службы Эдуарду I. во Фландрии под предлогом того, что ни они, ни их предки не были обязаны служить королю за пределами его владений;[324] и постановление сэра Э. Кока по делу Кальвина,[325] то, что англичане обязаны сопровождать короля в его войнах как за пределами, так и внутри королевства, и что их верность не локальна,

а бессрочна, не было принято авторами конституции страны. Существующая присяга ополчения, которая строго ограничивает повиновение защитой государства, охватывала весь воинский долг наших предков; и только нововведение в виде военного контракта подготовило почву для нашего современного представления о долге солдата как о безусловном и неограниченном по отношению к делу, месту и времени. Само слово *солдат* первоначально означало "получающий жалование", его жалование или *solde* (от латинского *solidum*) стало составлять его главную характеристику. От слуги, нанятого для выполнения определенной задачи на определенное время, шаги были легкими до слуги, чей наем привязывал его к любой задаче на всю его жизнь. Существующая военная присяга, которая обязывает новобранца и практически принуждает его как к агрессивной войне, так и к обороне по приказу исполнительной власти, обязана своим происхождением революции 1689 года, когда отказ знаменитого шотландского полка Думбартона служить своему новому хозяину Вильгельму III при защите Голландии от Франции сделал целесообразным принятие Закона о мятеже, содержащего более строгое определение воинского долга посредством присяги, изложенной в предельно общих выражениях. Таково было влияние времени на подтверждение этой новой доктрины контракта, подразумеваемой военным статусом, что защита монарха "лично, короны и достоинства от всех врагов", которой современный новобранец клянется при аттестации, считалась бы обязывающей солдата не отказываться от своих услуг, если бы он был призван выполнять их на самой планете Марс.

Следовательно, неоспоримым фактом истории представляется то, что современная военная теория Европы, требующая полного духовного самоотречения и безоговорочного повиновения со стороны солдата, является явным нарушением изначальной и, так сказать, конституционной идеи воинского долга; и что в нашей собственной стране это такое же посягательство на права англичан, как и на более широкие права человека.

Но какова ценность самой теории, даже если мы не принимаем во внимание историю ее развития? Если военная служба лишает человека возможности обсуждать справедливость цели, преследуемой на войне, вряд ли можно оспаривать тот факт, что она в равной степени лишает его возможности интересоваться средствами и что, если он в любом случае вынужден считать, что сражается за законное дело, он не имеет права применять свое моральное чувство к деталям требуемой от него службы. Но здесь возникает лазейка, изъясн в аргументации; ибо ни одного подданного или солдата нельзя заставить служить шпионом, какой бы необходимой ни была такая служба. Это доказывает, что притязаниям солдата на послушание действительно существует предел. И Ваттель упоминает как обычное явление отказ войск действовать, когда жестокость действий, которыми им командовали, подвергала их опасности жестоких репрессий. 'Офицеры,' говорит он, 'которые обладали высочайшим чувством чести, хотя и были готовы пролить свою кровь на поле битвы за службу своему принцу, не считали своим долгом подвергаться риску позорной смерти', как это было при исполнении подобных приказов. Но почему бы и нет, если ими командовал их принц или генерал? Каким принципом морали или здравого смысла они были оправданы, отказываясь от конкретной услуги как слишком несправедливой для них и в то же время считая себя связанными еще большим беззаконием агрессивной войны? Какое право имеет машина выбирать между хорошим и плохим в большей степени, чем между справедливым и несправедливым? Ее моральная некомпетентность должна быть абсолютной, иначе ни в коем случае нельзя прибегать к смягчающим обстоятельствам. Вы должны либо предоставить ему все или ничего, либо же предложить рациональное объяснение вашего правила различения. Ибо необходимо четко объяснить, почему, если есть приказы,

которым солдат не обязан подчиняться, если есть случаи, когда он компетентен обсуждать моральный характер требуемых от него услуг, ему также не следует открыто обсуждать справедливость самой войны, в которой эти услуги являются всего лишь эпизодами.

Давайте перейдем от абстрактного к конкретному, и возьмем два примера для проверки этого принципа. В 1689 году маршал Дюра, командующий французской рейнской армией, получил приказ разрушить Пфальц и создать пустыню между Францией и Германией, хотя ни курфюрст, ни его народ не причинили Франции ни малейшего вреда. Дрогнул ли или заколебался ли хоть один солдат, хоть один офицер? Вольтер говорит нам, что многие офицеры испытывали стыд за то, что были орудием этого беззакония Людовика XIV, но, тем не менее, они действовали в соответствии со своей предполагаемой честью и все еще ортодоксальной теорией воинского долга. Они не остановились ни перед каким зверством. Они вырубали фруктовые деревья, они вырывали виноградные лозы, они сжигали зернохранилища; они поджигали деревни, загородные дома, замки; они оскверняли могилы древних германских императоров в Шпайере; они грабили церкви; они превратили почти в пепел Оппенгейм, Шпайерс, Вормс, Мангейм, Гейдельберг и другие цветущие города; они сделали 400 000 человек бездомными и разоренными — и все это во имя воинского долга и воинской чести! И все же, по правде говоря, это были подлые поступки, если когда-либо подлые поступки совершались под солнцем; и это явная софистика - утверждать, что люди, которые так беспрекословно выполняли свои приказы, не сделали бы большего ради своей ничтожной чести, не имели бы более высокого представления о долге, если бы они следовали велениям своего разума и совести, а не велениям своего военного начальства, и отказались принести свою человечность в жертву чрезмерной теории о своем воинском долге, а свою память - в жертву вечному проклятию.

В случае с этими разрушителями воинский долг означал просто военное раболепие, и именно это безрассудное раболепие побудило Вольтера в его "Кандиде" вложить в уста своего неподражаемого философа Мартена определение армии, которое предлагали и оправдывали рассказы, подобные приведенным выше: "Миллион наемных убийц в полках, пересекающих Европу из конца в конец и совершающих убийства и разбои по правилам дисциплины ради хлеба насущного, потому что неспособны выполнять более честное призвание".[\[326\]](#)

Английский пример этого столетия можно рассматривать как параллель с французским семнадцатого и как дополнительную проверку ортодоксальной военной догмы о том, что причина войны солдата не касается. Это Копенгагенская экспедиция 1807 года, ни один акт силы в этом столетии не был так сильно осужден общественным мнением Европы и всеми, кроме мнения тори в Англии. Флот и армия были отправлены в столицу Дании, и датское правительство отказалось сдать свой флот, что требовалось в качестве альтернативы бомбардировке, английские военные чиновники продолжили бомбардировку города с бесконечными разрушениями и резней, которые в конце концов были остановлены только капитуляцией флота, как того требовали первоначально. В то время не было никакой ссоры с Данией, не поступало жалоб на ранения; требовалась только сдача флота. Английское общественное мнение было взволновано и разделено по поводу морали этого акта, который был оправдан только тем, что правительство располагало секретной статьей Тильзитского мирного договора между Наполеоном и российским царем, согласно которой датский флот должен был быть использован при нападении на Англию. Но эта секретная статья, по словам

Элисон, была обнародована только десять лет спустя,^[327] и многие вообще не верили в ее существование, даже предполагая, что ее существование послужило бы хорошим поводом для войны. Поэтому многие военные разделяли мнение, осуждавшее этот акт, но они постеснялись не оказывать ему своей помощи. Были ли они правы? Прочтите тогдашнее мнение сэра К. Нейпира об этом, а затем скажите, в чем, в случае с человеком, так мыслящим, заключался бы его долг: 'Эта копенгагенская экспедиция — это несправедливый поступок для общего блага? Кто может сказать, что подобный прецедент простителен? Когда однажды линия правосудия пройдена, стыда не остается. Англия была несправедлива.... Разве наша высокая честь не стоила той опасности, которой мы, возможно, рисковали, сохраняя эту честь в неприкосновенности?'"^[328]

Этих мнений, правильных или неправильных, придерживались многие военнослужащие обеих служб. Сам сэр К. Нейпир говорит: 'Разве не было множества солдат, которые считали эти вещи неправильными? ... но можно ли было позволить армии и флоту... решать вопрос о целесообразности таких нападений?'"^[329] Ответ заключается в том, что если бы они это делали, разрешено это или нет, такие вещи были бы невозможны или, во всяком случае, менее вероятны: что является наилучшей возможной причиной для утверждения, что они должны. Если бы они поступили так именно в этом случае, наши историки были бы избавлены от объяснения эпизода, который является темным пятном в наших летописях.

Таким образом, более приятным прецедентом, чем случай с французскими офицерами в Пфальце или с англичанами в Копенгагене, является случай с адмиралом Кеппелем, который, в то время как множество военно-морских офицеров стекались в Адмиралтейство, чтобы предложить свои услуги или попросить о приеме на работу, постоянно отказывался принимать участие в войне Англии против ее американских колоний, потому что считал ее дело плохим.^[330] Он не совершал насилия над своим разумом или совестью и не запятнал свою славу, играя роль, которую в своем личном качестве он не одобрял. Его пример приводится здесь как иллюстрация единственно верной доктрины, и единственной, которая вообще согласуется с самыми элементарными принципами либо религии, либо морали. Противоположная доктрина предписывает человеку отказаться от использования как своего разума, так и своей совести в обмен на вознаграждение и лишает его той свободы мысли и моральных действий, по сравнению с которой его гражданская и политическая свобода ничего не стоят. Ибо что же на самом деле представляет собой эта противоположная освященной временем доктрине, когда она лишена всех излишеств и выставлена напоказ в облике здравого смысла и обычных слов? Что это, как не то, что долг воинского повиновения превосходит все обязанности человека по отношению к самому себе; что, хотя он не может добровольно разрушить свое тело, он не может совершить слишком большого насилия над своей душой; что его долг - уничтожить свое моральное и интеллектуальное существо, совершить духовное самоубийство, отказаться от использования самых благородных способностей, которые принадлежат ему как мужчине; что делать все это - справедливая причина для его гордости, и что он во всех отношениях благороднее и лучше, поскольку приучил себя к тому безмозглому и бессердечному состоянию, которое также является причиной смерти? о его зарядном устройстве или о его винтовке?

Если эта доктрина верна и здрава, тогда можно спросить, существовала ли когда-либо на земле какая-либо тирания, церковная или политическая, сравнимая с этой военной; стремились ли когда-либо какие-либо, кроме низших форм жречества, настолько полностью лишить человека

наслаждения его высшими человеческими качествами или настолько полностью освободить его от всякой моральной ответственности за свои действия.

Эту позицию едва ли можно оспорить, разве что отрицая реальность какого-либо различия между справедливым и несправедливым в международном поведении; и против этого отрицания можно привести не только свидетельства того, что каждая эпоха, но и каждый язык выше стадии простого варварства. Игнорирование различий - один из лучших показателей цивилизованности народа или эпохи. Например, мы сразу же составляем более высокую оценку цивилизации древней Индии, когда читаем у Арриана, что ее цари так опасались совершения несправедливой агрессии, что не стали бы выводить свои армии из Индии для завоевания других народов.^[331] Одной из лучших черт старого языческого мира было значение, придаваемое справедливости мотивов нарушения мира. Римляне, по-видимому, никогда не начинали войну без предварительной консультации с Коллегией должностных лиц относительно ее справедливости; и точно так же и с той же целью раннехристианские императоры обращались к мнению епископов. Если римский полководец совершал несправедливое нападение на народ, в его триумфе отказывали или, по крайней мере, сопротивлялись; нередко также случаи, когда сенат объявлял о возмещении ущерба, когда консул, действуя под свою ответственность, лишал население его оружия, его земель или его свобод.^[332] Следовательно, римляне, при всей их кажущейся агрессивности, завоевали характер строгого уважения к справедливости, что было немалой частью секрета их могущества. "Вы хвалитесь, - сказали им родосцы, - что ваши войны успешны, потому что они справедливы, и гордитесь не столько победой, которая их завершает, сколько тем фактом, что никогда не начинаете их без веской причины".^[333] Завоевание развратило римлян в этом отношении, как и многих других народов; но даже до конца Республики традиция справедливости сохранилась; и нет ничего прекраснее в истории этого народа, чем попытка партии, возглавляемой трибуном Атеем, помешать Крассу покинуть Рим, когда он отправлялся на войну с парфянами, которые не только совершили преступления, связанные с правосудием. никакого вреда, но были союзниками Республики; или чем голосование Катона за то, чтобы цезарь, который в мирное время убил или обратил в бегство 300 000 германцев, был выдан людям, которым он причинил вред, во искупление того зла, которое он им причинил.

Идею важности справедливого дела войны можно, конечно, проследить в истории после исчезновения великой языческой философии, в которой она зародилась. На этом настаивали даже христианские писатели, которые, подобно святому Августину, не считали всякую военную службу греховной. Что такое, спрашивал он, королевства, как не грабежи в огромных масштабах, если не принимать во внимание их справедливость.^[334] Французский писатель времен Карла V. пришел к выводу, что в то время как солдаты, павшие за правое дело, были спасены, те, кто погиб за несправедливое дело, погибли в состоянии смертного греха.^[335] Даже шевалье Баярд, сопровождавший Карла VIII. без всяких угрызений совести при завоевании Неаполя любил говорить, что все империи, королевства и провинции, если в них отсутствует принцип справедливости, ничем не лучше лесов, полных разбойников;^[336] и ему приписывается прекрасное высказывание, что силу оружия следует использовать только для установления справедливости. Но в целом справедливость военного дела с течением времени приобретала все меньшее значение; и наши современные христианские общества никогда не извлекали пользы в этом отношении из наставлений или руководства своих церквей, равной той, которую общество языческого Рима извлекло из института своих фекалий как хранителей национальной совести.

Среди гуманных усилий Гроция была попытка исправить этот недостаток в современных государствах путем установления определенных общих принципов, с помощью которых можно было бы проверить предлог для любой данной войны со стороны ее справедливости. На первый взгляд кажется очевидным, что определенный ущерб является единственным оправданием для обращения к военным действиям, или, другими словами, что справедлива только оборонительная война; но тогда возникает вопрос, насколько защита может быть упреждающей, а ущерб, которого опасаются или который вероятен, дает те же права, что и фактически нанесенный. Большинство войн, которые не были просто захватническими и грабительскими, можно проследить по тому историческому принципу, который так хорошо выразил Ливий, что стремление людей не бояться других заставляет их самих становиться объектами страха.^[337] По этой причине Гроций отказался признать в качестве веского *casus belli* тот факт, что другая нация вела военные приготовления, строила гарнизоны и крепости или что ее мощь, если ее не сдерживать, могла стать опасной. Он также отверг предлог простой полезности как хорошую почву для войны или такие доводы, как потребность в лучшей территории, право первого открытия или улучшение или наказание варварских народов.

Строгое следование этим принципам, какими бы расплывчатыми они ни были, предотвратило бы большую часть кровопролития, произошедшего в Европе со времен Гроция. Трудность, однако, заключается в том, что, как и в отношениях между нациями, принцип полезности легко затмевает принцип справедливости; и хотя эти два принципа соотносятся как временная и постоянная целесообразность, и, следовательно, как меньшая и большая целесообразность, связь между ними редко очевидна в момент выбора, и легко заранее продемонстрировать целесообразность войны, в которой только время может показать как нецелесообразность, так и несправедливость. Следовательно, любая война, какой бы несправедливой она ни казалась, если судить по канонам Гроция, легко истолковывается как справедливая, если оценивать ее в свете властного и преувеличенного преходящего интереса; и отсутствие какого-либо признанного определения или стандарта справедливого ведения дел между нациями успокаивает совесть многих людей, которые в вопросах частной жизни были бы достаточно чувствительны и щепетильны. История царя Агесилая - это зеркало, в котором очень немногие эпохи или страны могут не видеть отражения своей собственной истории. Когда спартанский полководец Фибид захватил Кадмею в Фивах во время мира, большая часть Греции и многие спартанцы осудили это как самый незаконный акт войны; но Агесилай, который в другое время имел обыкновение говорить о справедливости как о величайшей из всех добродетелей, а о доблести без нее как о малоценной, защищал действия своего офицера, ссылаясь на то, что необходимо учитывать направленность действия и считать его даже славным, если оно принесло преимущество Спарте.

Но когда принимаются во внимание войны, справедливость которых не отделяется четко от целесообразности, происходит много войн настолько явно несправедливого характера, что они были бы невозможны, если бы не существование самых расплывчатых представлений об ответственности тех, кто принимал в них участие. Мы читаем о войнах или предложениях к войнам в истории, несправедливость которых мы все, будь то военные или гражданские лица, с готовностью признаем; и, применяя те же принципы суждения к войнам нашей собственной страны и времени, мы все снабжаем нашу совесть стандартом, который, если и не является абсолютно научным или последовательным, достаточен для всех практических целей жизни и полностью опровергает оправдания, которые дают случайные случаи принятия трудных и сомнительных решений. Те же льготы, которые существуют для гражданского лица, когда оно

голосует за или против налогообложения для данной войны, или в знак одобрения или неодобрения правительства, которое ее ведет, существуют и для солдата, который оказывает ей активную помощь; и нет ничего неразумного в том, чтобы требовать за действия одного той же ответственности перед собственной совестью, которая, по общему признанию, возлагается на другого.

Несомненно, это нечто вроде унижения для солдата, что он не должен пользоваться в этом отношении теми же правами, что и гражданское лицо; что одни только его заслуги должны проверяться теорией долга не выше той, которая применяется к достоинствам лошади; и что его способность к слепому и неразумному повиновению должна считаться его высшей достижимой добродетелью. Переход от идеи военного вассалитета к идее военной верности, несомненно, породил странную концепцию чести, более подходящую для призывников, чем для свободных людей, когда человека удерживают как порок, заставляя участвовать в действиях, которые он считает неправильными. Мало того, что никакая другая профессия не налагает такого обязательства, но и в любой другой сфере жизни утверждение человеком своей личной ответственности является источником скорее уважения к нему, чем позора. То, что при выполнении любой социальной функции человек должен быть призван безоговорочно отказаться от своей свободной воли и бездумно, как манекен, повиноваться приказам вышестоящего начальства, казалось бы принципом поведения, украденным из Общества Иисуса и совершенно недостойным благородства солдата. Исторически сложилось так, что жреческая организация взяла за образец военную, что должно навести нас на подозрение, что тирания, к которой мы придираемся в копии, в равной степени присутствует в оригинале и что последний отмечен теми же пороками, которые он передал заимствованной организации.

Отстаиваемый здесь принцип, согласно которому солдат должен быть полностью убежден в справедливости дела, за которое он сражается, - это условие, которое христианские писатели, от Августина до Гроция, ставили перед законностью военной службы. Возражение против него, что его принятие означало бы разрушение военной дисциплины, покажется величайшим аргументом из всех в его пользу, если мы подумаем, что его всеобщее принятие сделало бы саму войну, которая является единственной причиной дисциплины, совершенно невозможной. Где были бы войны последних двухсот лет, если бы он действовал? Или где английские войны последних шести лет с их тысячами жизней и миллионами денег, потраченных без видимой пользы или славы на сражения с афганцами, зулусами, египтянами и арабами? Стоит только ограничить законную войну рамками национальной обороны, и становится очевидным, что отказ мужчин принимать участие в агрессивной войне в равной степени положил бы конец необходимости оборонительных усилий. Если бы ни одно правительство не могло полагаться на своих подданных в целях агрессии и несправедливости, само собой разумеется, что справедливое дело войны одновременно погибло бы. Поэтому в целом следует пожелать, чтобы эта опора была ослаблена и уничтожена.

Таким образом, рассуждение, содержащее ключ, который один способен навсегда закрыть ворота Януса, таково: существует различие между справедливой и нечестной войной, между хорошим и порочным делом, и что ни один человек не имеет права ни сознательно и умышленно участвовать в деле, которое он считает несправедливым, ни раболепно следовать теории долга, которая с самого начала лишает его неотъемлемого права человека по рождению на свободу мысли и свободную волю. Это принцип личной ответственности, который уже давно получил признание повсюду, за исключением службы на Марсе, и который требует лишь

распространения там, чтобы освободить мир от обычая, который поражал его больше всего и губительнее всего. Ибо он нападает на этот обычай там, где на него еще никогда серьезно не нападали, в его истинном источнике, а именно в сердце, мозге и совести, которые, несмотря на все искажения и тренировки, все еще принадлежат отдельным единицам, которые одни делают его возможным. Следовательно, всем нам, заинтересованным в упразднении военного варварства, надлежит не просто пассивно согласиться с ним самим, но и требовать за это согласия и самоутверждения от других. Мы должны задать и переосмыслить вопрос: что это за титул, которым человек, просто из-за своего военного облачения, претендует на освобождение от морального закона, который универсален для его собратьев?

Ибо этот принцип индивидуальной военной ответственности обладает такой силой, что, если довести его до конца, он в конечном итоге должен оказаться фатальным для милитаризма; и если в его пользу еще не говорят время и общепринятое мнение, он, тем не менее, скреплен авторитетом многих лучших умов, которые помогли просветить прошлое, и неразрывно содержится как в нашем религиозном, так и в нашем моральном кодексе. Фактически, это может быть опровергнуто только отрицанием фундаментальных принципов этих двух руководств к нашему поведению, и по этой причине оно абсолютно устойчиво к нападкам аргументов. Попробуйте примирить с обычными представлениями об обязанностях человека или христианина обязанность делать то, что осуждает его совесть, и можно с уверенностью предсказать, что вы будете пытаться напрасно. Соображения, которые могут возникнуть о полезности и целесообразности, тщетно бьются о гораздо большую целесообразность мирного мира, свободного от проклятия разрушительной способности воина; и весь арсенал военной логики не может предложить ни одного контраргумента, который не сводился бы к аргументу предполагаемой целесообразности, и который, следовательно, не может быть эффективно парирован, даже на этой более узкой дискуссионной площадке, рассмотрением подавляющих преимуществ, которые не могли не вытекать из всеобщего признания противоположного и более высокого принципа - принципа, согласно которому для солдата, как и для любого другого, его первейший долг — защищать себя. Это на его совести.

Или, если сформулировать вывод в двух словах: солдат утверждает, что он не является моральным деятелем. Это краеугольный камень всей военной системы. Заставьте претендента обосновать свой первый принцип, и обычай войны поколеблется до основания и со временем пойдет тем же путем, каким шли до него другие злые обычаи, когда однажды их моральная поддержка была подорвана.

СНОСКИ:

[1] Halleck's *International Law*, ii. 21. Однако в течение трех недель после начала войны с Францией 60 000 пруссаков были *выведены из строя*.

[2] 'Artem illam mortiferam et Deo odibilem balistariorum et sagittariorum adversus Christianos et Catholicos exerceri de cætero sub anathemate prohibemus.'

[3] "Происхождение шевалье" *Фоше, &c. & с., ii. 56*; "Военные древности" *Гроза, i. 142*; и "Оружейная энциклопедия" *Деммина, i. 142*; and Demmin's *Encyclopédie d'Armurerie*..... ,

[4] Fauchet, ii. 57. 'Lequel engin, pour le mal qu'il faisait (pire que le venin des serpens), fut nommé serpentine,' &c.

[5] Гроуз, ii. 331.

[6] Дайер, *Современная Европа*, iii. 158.

[7] Метательное оружие Скофферна, и с., 66.

[8] *Sur l'Esprit*, i. 562.

[9] Рид, *кампания Ashantee*, 52.

[10] Ливи, xlv. 42.

[11] Эти Инструкции опубликованы в *Международном праве* Халлека, ii. 36-51; и в конце книги Эдвардса "*Немцы во Франции*".

[12] "Было бы желательно, - заявило российское правительство, - чтобы голос такой великой нации, как Англия, был услышан при расследовании, цель которого, по-видимому, встретила бы ее сочувствие".

[13] *Законность*, статьи 887, 878.

[14] Флор, ii. 20.

[15] "*Немцы во Франции*" Эдвардса, 164.

[16] Этот замечательный факт подтвержден мистером Расселом в его *Дневнике последней Великой войны*, 398, 399.

[17] Цицерон, *В Верреме*, iv. 54.

[18] Смотрите даже в *Ежегодном реестре*, lvi. 184, чтобы опровергнуть это судебное разбирательство.

[19] История *Сисмонди. des Français*, xxv.

[20] "*Немцы во Франции*" Эдвардса, 171.

[21] Подполковник. Charras, *La Campagne de 1815*, i. 211, ii. 88.

[22] Woolsey's *Международное право*, стр. 223.

[23] См. lib. xii. 81 и xiii. 25, 26; цитируется Гроцием, iii. xi. xiii.

[24] iii. 41.

[25] *Кембриджские очерки*, 1855, "Ограничения жестокости на войне" К. Бакстона.

[26] Смотрите *Книгу Раумера "История Европы"*, iii. 509-603, если есть какие-либо сомнения по поводу этого факта.

[27] Общий приказ от 9 октября 1813 года. Сравните события 29 мая 1809 года, 25 марта 1810 года, 10 июня 1812 года и 9 июля 1813 года.

[28] Ваттель, iii. ix. 165.

[29] Сэр У. Нейпир (*Война на полуострове*, ii. 322) говорит о судебном разбирательстве, что оно было 'действительно политическим, но едва ли допускалось в рамках цивилизованной войны'. Это произошло в мае 1810 года.

[30] "Современные книги *Блантшли в Фолькеррехте*", арт. 573.

[31] О характере современной войны читайте в отчете о франко-германской войне в *Quarterly Review* за апрель 1871 года.

[32] Халлек, ii. 22.

[33] В *Австрии* Вехсе, стр. 369. Однако, как обычно в таких случаях, эксцессы были совершены вопреки попыткам Тилли противостоять им.

'Imperavit Tillius a devictorum cædibus et corporum castimonia abstinerent, quod imperium a quibusdam furentibus male servatum annales aliqui fuere conquesti.'—Adlzreiter's *Annales Boicæ Gentis*, Part iii. l. 16, c. 38.

[34] *Сражения в войне на полуострове*, 181, 182.

[35] *Там же*. 396.

[36] Foxe's *Actes and Monuments*, iii. 52.

[37] Сен-Пале, *Воспоминания Кавалерии*, iii. 10, 133.

[38] Vinsauf's *Itinerary of Richard I.*, ii. 16.....

[39] Мэтью Вестминстерский, 460; Гроуз, ii. 348.

[40] Monstrelet, ii. 115.

[41] *Воспоминания о рыцарстве*, i. 322.

[42] Петито, v. 102; и Менар, *Дело Б. дю Геклена*, 440.

[43] Petitot, v. 134.

[44] Мейрик, *Древние доспехи*, ii. 5.

[45] i. 123.

[46] Monstrelet, i. 259.

[47] ii. 5.

[48] ii. 11.

[49] ii. 22, сравнить ii. 56.

[50] Monstrelet, ii. 111.

[51] ii. 113.

- [52] Некоторые из них см. в Livy, xxix. 8, xxxi. 26, 30, xxxvii. 21, xliii. 7, xliv. 29.
- [53] Ливи, xliv. 29.
- [54] Мейрик, i. 41.
- [55] Деммин, *Оружейная энциклопедия*, 490.
- [56] Мейрик, ii. 204.
- [57] Гроуз, ii. 114.
- [58] Петито, xvi. 134.
- [59] Гроуз, ii. 343.
- [60] iv. 27.
- [61] iv. 36.
- [62] iii. 109.
- [63] *Воспоминания*, vi. 1.
- [64] Халлек, *Международное право*, ii. 154.
- [65] *Элементы морали*, с. 1068.
- [66] *Права и деуары нейтральных наций*, ii. 321-323.
- [67] *История Королевского военно-морского флота*, i. 357.
- [68] Николай ii. 341.
- [69] Николай ii. 405.
- [70] Monstrelet, i. 12.
- [71] Николай ii. 108.
- [72] *Там же*. i. 333.
- [73] Фруассар, ii. 85.
- [74] Entick, *Новая военно-морская история* (1757), 823. "Некоторые из испанских трофеев были чрезвычайно богатыми, многие французы представляли значительную ценность, как и многие англичане; но баланс составлял около двух миллионов в пользу последних".
- [75] Из *Новой военно-морской истории* Entick (1757), 801-817.
- [76] Мартенс, *Эссе корсаров* (перевод Хорна), 86, 87.
- [77] *Там же*. 93.
- [78] III. xv. 229.

[79] Эмеригон, *О страховании* (перевод), 442.

[80] Мартенс, 19.

[81] Hautfeuille, *Des Droits et Devoirs des Nations neutres*, ii. 349.

[82] *De Jure Maritimo*, i. 72.

[83] *Депеши*, vi. 145.

[84] *Депеши*, vi. 79.

[85] Последний раз это было 13 апреля 1875 года.

[86] Халлек, *Международное право*, ii. 316.

[87] Бланчли, *Современный Фолькеррехт*, ст. 665.

[88] Джеймс, *Военно-морская история*, i. 255.

[89] Джеймс, ii. 71.

[90] *Тамже*. ii. 77.

[91] Ортолан, *Морская дипломатия*, ii. 32.

[92] Campbell's *Admirals*, viii. 40.

[93] кэмпбелл, vii. 21. Джеймс, i. 161. Вонючие горшки - это банки или снаряды, заряженные порохом, гранатами и т. Д.

[94] Джеймс, i. 283.

[95] Брентон, ii. 471.

[96] Кальтропы, или вороны лапки, представляют собой кусочки железа с четырьмя шипами, расположенными так, что, как бы они ни падали, один шип всегда остается направленным вверх. Дарий засеял землю кальтропами перед Арбелой.

[97] Глава хіх. из *Тактики*.

[98] Фронтин, *Strategematicon*, IV. vii. 9, 10. "Пионы амфор и их оболочки; ... сосудистая оболочка змеи".

[99] Роджер де Уэндовер, *Хроника*. 'Calcem vivam, et in pulverem subtilem redactam, in altum projicientes, vento illam ferente, Francorum oculos excæcaverunt.'

[100] Брентон, i. 635.

[101] *De Jure Maritimo*, i. 265.

[102] *ЦиклопедияРиса*, "Брандер".

[103] Брентон, ii. 493, 494.

[104] Халлек, ii. 317.

[105] Вулси, *Международное право*, 187.

[106] Джеймс, i. 277.

[107] Филлимор, *Международное право*, iii. 50-52.

[108] *Международное право*, ii. 95.

[109] Вильяуме, *Военная арена*, 56.

[110] De Commynes, viii. 8.

[111] "Филипп II", ii. 74.,,,

[112] *Там же*. i. 213.

[113] *Мемуары*, с. 19.

[114] Villiaumé (*L'Esprit de la Guerre*, 71) gives the following version: 'En 1793 et en 1794, le gouvernement anglais ayant violé le droit des gens contre la République Française, la Convention, dans un accès de brutale colère, décréta qu'il ne serait plus fait aucun prisonnier anglais ou hanovrien, c'est-à-dire que les vaincus seraient mis à mort, encore qu'ils se rendissent. Mais ce décret fut simplement comminatoire; le Comité de Salut Public, sachant très-bien que de misérables soldats n'étaient point coupables, donna l'ordre secret de faire grâce à tous les vaincus.'

[115] Геродот, vii. 136.

[116] Ливий, xlv. 42.

[117] *Там же*. xlv. 43.

[118] Уорд, *Закон наций*, i. 250.

[119] *Мемуары Петито*, xvi. 177.

[120] Ливий, xlii. 8, 9.

[121] Монстрелет, *Хроники*, i. 200.

[122] *Там же*. i. 224.

[123] *Там же*. i. 249.

[124] *Там же*. i. 259.

[125] Monstrelet, ii. 156.

[126] *Там же*. 120.

[127] Филипп де Коммин, ii. 1.

[128] *Там же*. ii. 2.

[129] Там же. ii. 14.

[130] Филипп де Коммин, iii. 9.

[131] Motley's *Объединенные Нидерланды*, iii. 323.

[132] Ваттель, iii. 8, 143.

[133] Борбштедт, *Франко-германская война* (перевод), 662.

[134] Палата, i. 223.

[135] Квинт Курций, iv. 6, и Гроте, viii. 368.

[136] Квинт Курций, vii. 11.

[137] Там же. iv. 15.

[138] Арриан, iii. 18.

[139] Квинт Курций, vii. 5.

[140] 'Tous deux furent très braves, très vaillants, fort bizarres et cruels.'

[141] Литтлтон, *Генрих II.*, i. 183.

[142] Ховеден, 697.

[143] 2 Царств xii. 31.

[144] *Мемуары кавалера*, i. 47.

[145] *Мемуары кавалера*, 49.

[146] "Жизнь Баярда" в *Мемуарах* Петито, xvi. 9.

[147] Биографии выдающихся солдат генерал-майора Митчелла, 92.

[148] Ливи, xxxi. 40. Когда Пелий был взят штурмом, в качестве добычи были взяты только рабы; свободных даже отпустили без выкупа.

[149] Там же. xxviii. 3.

[150] Там же. xxviii. 20, xxvii. 16, xxxi. 27.

[151] *De Officiis*, i. 12. Однако на этом отрывке основано распространенное утверждение о том, что у римлян "слово, обозначающее незнакомца, совпадало с тем, которое в оригинале обозначало врага" (Ward, ii. 174); подразумевая, что в их глазах незнакомец и враг были одним и тем же. Цицерон говорит как раз обратное.

[152] *Recueil de Documents sur les exactions, vols, et cruautés des armées prussiennes en France*. Книга вышла из печати, но ее можно увидеть в Британском музее под названием 'Пруссия — армия России'. Следует сожалеть, что, хотя все книги, какими бы скучными они ни были, о той войне были переведены на английский, этот отчет до сих пор избежал огласки, которой он так заслуживает.

[153] Там же. 19.

[154] Там же. 8.

[155] Там же. 13.

[156] Циркуляр Шодорди от 29 ноября 1870 г. в Рекюеле.

[157] Ответ, 12, 15, 67, 119.

[158] Там же. 56.

[159] Там же. 54.

[160] *Recueil*, 33-37, и *Воспоминания* леди Блумфилд, ii. 235, 8, 9.

[161] *The Times*, 7 марта 1881 г.

[162] *Recueil*, 29; сравнить 91.

[163] Морли Кобден, ii. 177.

[164] Профессор Шелдон Амос цитирует факт, но воздерживается от названия статьи, в своем предисловии к *Комментариям Мэннинга к праву наций*, xl. Разве это не было в "*Журналь де Франс*" за 21 ноября 1871 года?

[165] iii. i. viii. 4.

[166] *De Officiis*, i. 13.

[167] *Современный Фолькеррехт*, статья 565.

[168] Полиен, *Стратегематическая библиотека Октября*, i. 34.

[169] Полиен, v. 41.

[170] *Православная дипломатия мер*, ii. 31, 375-7.

[171] "*Военно-морская история Джеймса*", ii. 211; "*Адмиралы Кэмпбелла*", vii. 132.,

[172] Джеймс, *Военно-морская история*, ii. 225.

[173] Николас, *Королевский военно-морской флот*, ii. 27.

[174] Отефей, *Морское право*, iii. 433. 'Les vaisseaux de l'Etat eux-mêmes ne rougissent pas de ces grossiers mensonges qui prennent le nom de ruses de guerre.'

[175] xiii. 1.

[176] Монтень, ч. в.

[177] vii. 4. 'Quia appellatione nostra vix apte exprimi possunt, Græca pronuntiatione Stratagemata dicuntur.'

[178] Ливи, xlii. 47.

[179] *История Франции*, iii. 401.

[180] Слово "мушкет" происходит от *muschetto*, разновидности ястреба, подразумевая, что его атака была столь же разрушительной и непредвиденной.

[181] Полиен, ii. 19.

[182] Полиен, iii. 2; из Фукидида, iii. 34.

[183] *Там же*. vii. 27, 2.

[184] *Там же*. iv. 2-4.

[185] Лискенн, *Историческая и военная библиотека*, iii. 845.

[186] *Мемуары*, ч. xix.

[187] ix. 6, 3.

[188] vi. 22.

[189] vi. 15.

[190] iv. 7, 17.

[191] Э. Фурнье, *Искусство истории*, 145-150.

[192] iii. 10.

[193] Лискенне, v. 233-4.

[194] *Солдатская записная книжка*, 81.

[195] Polyænus, viii. 16, 8. 'Lege Romanorum jubente hostium exploratores interficere.'

[196] Ливий, xxx. 29. Согласно Полиену, он накормил их обедом и отослал обратно с инструкциями рассказать о том, что они видели; viii. 16, 8.

[197] Уотсон *Филипп II*. iii. 311.

[198] Лискенн, iii. 840.

[199] Hoffman, *Kriegslist*, 15.

[200] Французские мемуары *Петито*, xv. 317.

[201] Полиен, ii. 27.

[202] *Там же*. v. 1, 4.

[203] *Мемуары*, ч. xix.

[204] Ливи, xxxiv. 17.

[205] Как на Брюссельской конференции 1874 года, когда такое предложение было сделано членом от Швеции и Норвегии.

- [206] В Пинкертоне, хvi. 817.
- [207] Девятнадцать лет *Тернера на Самоа*, 304.
- [208] "*Индийские племена*" Скулкрафта, iv. 52.
- [209] *Басутос*, 223.
- [210] Гончарные *греческие древности*, ii. 69.
- [211] Тернерс *Самоа*, 298.
- [212] "*Полинезийские исследования Эллиса*", i. 275.,,,
- [213] "*Путешествие Хаттона в Африку*", 1821, 337.
- [214] *Зулусская война* Коленсо и Дарнфорда, 364, 379.
- [215] Мемуары *Петито*, xv. 329.
- [216] Доказательства собраны по делу голландца *Кетчвайо*, 99-103.
- [217] Марш *Хенти в Кумасси*, 443. Сравните кампанию *Рида в Ashantee*, 241-2.
- [218] Florus, ii. 19; iii. 4; Velleius Paterculus, ii. 1.
- [219] Florus, ii. 20.
- [220] Там же. iii. 7.
- [221] Florus, iii. 4; Cæsar, *De Bello Gallico*, ix. 44.
- [222] Morley's *Кобден*, ii. 355.
- [223] Сэр А. Хелпс *Лас Касас*, 29.
- [224] Книга Т. Мортонa "*Ханаан в Новой Англии*", 1637, iii.
- [225] Belknap's *Нью-Гэмпшир*, i. 262.
- [226] "*Индийские войны*" Пенхоллоу, 1826, переиздано в 1859 году, 31-3.
- [227] Там же. 105, 6.
- [228] Там же. 103. Дополнительные подробности об этой униженной военной практике см. в "*Истории американских индейцев*" Адера, 245; "*Истории долины Вирджинии*" Керчевала, 263; "*Биографии и истории индейцев*" Дрейка, 210, 373; "*Истории штата Мэн*" Салливана, 251.
- [229] Керчевалс *Вирджиния*, 113.
- [230] Eschwege's *Brazil*, i. 186; Tschudi's *Reisen durch Südamerika*, i. 262.
- [231] Экспедиция *Паркмана против индейцев Огайо*, 1764, 117.
- [232] Ардженсола, *Молуккские острова*, i. 60.

- [233] Биография *Дрейка и история индейцев*, 489, 490.
- [234] "Город святых" Р. К. Бертон, 576; "Эйр" *Центральная Австралия*, i. 175-9.
- [235] "Последний из тасманийцев" *Борвика*, 58.
- [236] *Райзен* Чуди, ii. 262.
- [237] Баптистские индейские миссии *Маккоя*, 441; *Семь лет в Центральной Америке* Фребеля, 272; *Путешествия Уоллеса по Амазонке*, 326.
- [238] Bancroft's *Соединенные Штаты*, ii. 383-5; и сравните "Жизнь Пенна" *Кларксона*, ребята. 45 и 46.
- [239] "Десять лет в Сараваке" *Брук*, i. 74.
- [240] "Ост-Индия капитана Гамильтона", *Пинкертон*, viii. 514.
- [241] "Мой дневник в Индии" У. Х. *Рассела*, 150.
- [242] *Анналы распространения веры*, viii. 280-6.
- [243] *Кафе и миссии Caffre*, 210.
- [244] *Мемориалы Генриетты Робертсон*, 259, 308, 353.
- [245] Там же. 353.
- [246] "Зулусская война" *Коленсо и Дарнфорда*, 215.",
- [247] *История рождения Холдена*, 210, 211.
- [248] *Моистерс Африка, прошлое и настоящее*, 310, 311.
- [249] Tams's *Visit to Portuguese Possessions*, i. 181, ii. 28, 179. B
- [250] Robertson's *America*; *Сочинения*, vi. 177, 205.
- [251] *Томсоновские великие миссионеры*, 30; *Халкеттовские индейцы Северной Америки*, 247, 249, 256.
- [252] *Ле Блан, Надписи Кретьена*, i. 86.
- [253] *Бингем, Христианские древности*, i. 486.
- [254] *Цезарь, Де Белло Галлико*, vi. 14. "Друиды в белло абессэ консуэрунт" ... militiae vacationem habent"; и *Ориген, в Цельсе*, viii. 73, для римлян.
- [255] "Жизнь Уиклифа" *Воана*, ii. 212-3.,,,
- [256] *Turner's Англия*, iv. 458, из *Дачезне, Геста Стефани*.
- [257] 'Non filius meus est vel ecclesiæ; ad regis autem voluntatem redimetur, quia potius Martis quam Christi miles judicatur.'

[258] Turner's *Англия*, v. 92.

[259] 'Sanxit ut nullus in posterum sacerdos in hostem pergeret, nisi duo vel tres episcopi electione cæterorum propter benedictionem populique reconciliationem, et cum illis electi sacerdotes qui bene scirent populis pœnitentias dare, missas celebrare, etc.' (in *Du Cange*, 'Hostis').

[260] Гвиччардини. 'Prometteva che se i soldati procedevano virilmente, che non accetterebbe la Mirandola con alcuno patto: ma lascierebbe in potestà loro il saccheggiarla.'

[261] Monstrelet, i. 9.

[262] "СкандинавияКрайтона", i. 170.

[263] *Воспоминания дю Флеранж*. Петито, xvi. 253.

[264] О форме богослужения см. Palmer, *Origines Liturgicæ*, ii. 362-65.

[265] *Петито*, xvi. 229.

[266] *Тамже*. 135.

[267] Петито, viii. 55. 'Feciono venire per tutto il campo un prete parato col corpo di Christo, e in luogo di comunicarsi ciascuno prese uno poco di terra, e la si mise in boca.'

[268] Ливи, xxxvi. 2.

[269] Робертсон, *Чарльз Против*, примечание 21. Райан, *История влияния религии на человечество*, 124.

[270] М. Дж., Шмидт, *История традиционных народов и др.*, iv. 232, 3.

[271] "Христианский лицей в качестве обязательного магистрата для управления и всего административного управления".

[272] *Политика войны - настоящая защита мира*, 1543.

[273] "Паллада Армата", 369, 1683.

[274] В его трактате *О праве на войну*.

[275] *L'Esprit*, i. 562.

[276] *Страфгезетцбух*, январь. 20, 1872, 15, 75, 150.

[277] Книга Флеминга *О Тевтонском солдате*, 96.

[278] прибор *Соединенные Штаты изделий из войны*, 391.

[279] Гроуз, ii. 199.

[280] Об этих и подобных военных пытках см. в книге Тернера "Паллада Армата", 349.

[281] "СкандинавияКрайтона", i. 168.

[282] Гроуз, ii. 6.

- [283] *"История британской армии" сэра С. Скотта*, ii. 436.
- [284] ii. 16. 'Omnes autem signarii vel signiferi quamvis pedites loricas minores accipiebant, et *galeas ad terrorem hostium ursinis pellibus tectas.*'
- [285] Скотт, ii. 9.
- [286] Скотт, i. 311.
- [287] Говорят, что был изобретен около 400 г. до н.э. Дионисием, тираном Сиракуз.
- [288] Биографии выдающихся солдат *Митчелла*, 208, 287.
- [289] Сравните статью 14 немецкого *Страфгезетцбуха* от 20 января 1872 г.
- [290] *Девятнадцатый век*, ноябрь 1882 г.: "Современное состояние армии".
- [291] *О военном деле*, vi. 5.
- [292] Военный закон *Брюса* (1717), 254.
- [293] См. *"Немецкий солдат"* Флеминга, гл. 29.
- [294] Смотрите Статьи о войне за 1673, 1749, 1794 годы.
- [295] 82.
- [296] Квинт Курций, VIII. 2.
- [297] *Военное право*, 163.
- [298] 286, 290.
- [299] *Депеши*, iii. 302, 17 июня 1809г.
- [300] Сравните также *Депеши*, iv. 457; v. 583, 704, 5.
- [301] *Китайская война*, 225.
- [302] Британская армия *Скотта*, ii. 411.
- [303] *Депеши Веллингтона*, v. 705.
- [304] Смотрите Речь Уиндхэма в Палате общин. 3 апреля 1806 года.
- [305] *Там же*.
- [306] Стр. 122.
- [307] Флеминг, 109.
- [308] Предисловие к б. iii. 'Ergo qui desiderat pacem, præparet bellum.'
- [309] Солдатская записная книжка *лорда Уолсли*, 5.,
- [310] Исследовательская экскурсия *Арбуссе*, 397-9.

[311] Ливи, xl. 6.

[312] *Илиада*, vi. 266-8; и сост. *Æneid*, ii. 717-20.

[313] Касалис *Басутос*, 258.

[314] "*L'Ane*" Виктора Гюго, 124.

[315] "Жизнь Декарта" *Байе*, i. 41.

[316] ii. 25, 9, 1. "Ненавистники Танто карнифиса, как правило, осуждают их за то, что они являются причиной смерти на Западе".

[317] Там же. 2. 'Nullum vitæ genus est improbius quam eorum qui sine causæ respectu mercede conducti militant, et quibus ibi fas ubi plurima merces.' И чувство, и выражение заимствованы из "*Фарсалии*" Лукана, x. 408: "Ничто не спасает пьетаску вириса, кроме кастры, преследующей венецианского человека; иби фас уби плюрима мерсес".

[318] 364.

[319] Гончарные *греческие древности*, ii. 9.

[320] Henry's *Britain*, iii. 5, 1; Гроуз, i. 56.

[321] Гроуз, i. 58.

[322] Там же., i. 67.

[323] *Парламентские дебаты*, 24 мая 1756г.

[324] *Британская армия* сэра С. Скотта, ii. 333.

[325] Примечания Н. Бэкона к законам *Селдена*, ii. 60.

[326] *Кандид*, с. xx.

[327] Alison's *Европа*, vi. 491.

[328] *Жизнь сэра К. Нейпира*, i. 77.

[329] *Военное законодательство*, 17.

[330] *Жизнь Кеппела*, Т. Кеппел, ii. 1.

[331] *Индийская экспедиция*, IX.

[332] Ливи, 39, 3; 42, 21; 43, 5.

[333] Livy, xlv. 22. 'Certe quidem vos estis Romani, qui ideo felicia bella vestra esse, quia justa sint, præ vobis fertis, nec tam exitu eorum, quod vincatis, quam principiis quod non sine causâ suscipiatis, gloriâmini.'

[334] *О гражданстве Божьем*, iv. 4 и 6.

[335] *Арбр де Батай*, цитируется в книге Кеннеди "*Влияние христианства на международное право*".

[336] Петито, xvi. 137.

[337] III. 65. 'Cavendo ne metuant, homines metuendos ultro se efficiunt, et injuriam ab nobis repulsam, tamquam aut facere aut pati necesse sit, injungimus aliis.'

Spottiswoode & Co., Типография, Нью-стрит-Сквер, Лондон.

Примечания переписчика:

Ниже приведен список изменений, внесенных в оригинал. Первая строка - это исходная строка, вторая - исправленная.

Страница 11, сноска:

как Англия должна была быть заслушана при расследовании, о котором
как Англия должна была быть заслушана при расследовании, о котором

Страница 78:

который отменил каперство между подписавшими державами,
который отменил каперство между подписавшими державами,

Страница 244:

такое изложение, как следование связи между
такое изложение, как следование связи между